

Бронислава Вонсович

РОЗЫ НА СТЕНЕ

Глава 1

Гюнтер

Любовь родственников иной раз слишком навязчива, особенно печально, что родственники уверены, что имеют полное право говорить гадости, прикрывая это девизом «Для твоего собственного блага». Очень удобным девизом, им что хочешь прикрыть можно. Ах да, еще «Для блага семьи»...

Я сидел в гостиной тетушки Эльзы, леди Эдин, единственной, слава Богине, сестры отца, делал вид, что пью чай и внимательно слушаю. Даже кивал время от времени. Тетушке этого достаточно: ей не нужен собеседник, хватает благодарного слушателя. Она вывалила все последние сплетни, преимущественно касающиеся помолвок, браков и рождений, и уверилась, что плавно подошла к разговору, ради которого и приглашала. В отличие от меня, она даже не притворялась, что пьет чай – жидкость в ее чашке наверняка остыла, ложечка сиротливо поблескивала на блюдце, а ненадкусенным печеньем в руке тетушка размахивала в особо патетических местах. Наверное, думала, что печенье придает ее речи убедительности. Или намеревалась в случае отказа постучать им мне по лбу – такое за ней тоже водилось.

– Поэтому я и считаю, что ты не должен жениться на ком попало.

Я чуть приподнял бровь, показывая удивление.

– Тетя, о чем вы? Я пока жениться не собираюсь.

– Вот именно. – Она выразительно посмотрела и наконец отставила мешающую чашку. – Не собираешься, а должен. В двадцать пять, мой дорогой, пора бы подумать о долге перед семьей.

– В самом деле? – Я чуть потянулся. Не люблю долго сидеть без движения. – И где это я успел задолжать?

– Гюнти, это не смешно! – Тетя взмахнула печеньем прямо перед моим носом. – Ты обязан завести наследника! Не дело, если Герстле тебя опередят!

Тетушка подпустила в голос возмущения и трагических ноток. Муж моей сестры Эрики ей ужасно не нравился, так как вызывал неприятные воспоминания, а поэтому – столь глубокое отвращение, что его никогда и никуда она не приглашала. Кроме того, леди Эдин так и не простила Эрике, что та упустила возможность выйти за наследного принца, пусть даже по прошествии времени выяснилось, что ни к чему хорошему это не привело бы: Эвальд влюблен не был и тогда, а уж после того как встретил свою истинную пару, потерял интерес ко всем, кроме Асиль... Нет, право, хорошо, что я не оборотень и не завишу от своей второй половины.

– Я только порадуюсь за Эрику. И за Берта тоже, если он вдруг решит осчастливить меня племянником или племянницей. В конце концов, тетушка, у вас есть и собственные внуки...

Я понадеялся, что разговор перейдет на тетушкиных внуков, которых та очень любила, и неприятная тема не получит дальнейшего развития.

– Но ты – не они. – Тетю не так легко заставить свернуть с выбранного пути. Если уж она что-то твердо решила, будет добиваться намеченного всеми возможными способами. Она отложила печенье к ложечке, а я понял, что мы подходим как раз к тому, из-за чего затеялся разговор. – Гюнти, ты наследник, ты должен ответственно отнестись к подбору пары. На тебе ответственность за род Штаденов. Девушка должна быть из хорошей семьи и с Даром.

– А еще красивая и с большим приданым, – продолжил я. – Не могу же я, как ответственный за род, согласиться на меньшее? Поэтому когда встречу такое совершенство, сразу женюсь. Но пока, увы...

И даже руками развел, показывая свое огорчение.

– Я бы сказала, что пока ты будешь ждать, когда счастье свалится тебе в руки, успеешь состариться, – ехидно отметила тетя. – Но поскольку я до этого не доживу, а смотреть, как ты спускаешь дарованное Богиней, не могу, я лично озабочилась твоим будущим и нашла такое совершенство. Все при ней: и внешность, и Дар, и деньги, а главное – прекрасное происхождение и соответствующее воспитание.

Я криво улыбнулся. Вкусы у нас с тетей очень уж отличаются, и то, что она считает совершенством, вряд ли является таковым на самом деле. Да и уже устроенный ею союз

оптимизма не вызывал: мой старший кузен женился на кузине по отцу. Со стороны брак виделся прекрасным: Кристиан наследовал от дяди не только титул, но и почти наверняка пост в представительстве при туранском дворе, принцессой которого была мать жены. Но сама жена, прехорошенькая куколка, была столь глупа, что возникало подозрение, что ее отец вовсе не граф Эдин, во всяком случае, мне сложно понять, почему он не выделил дочери хоть немного столь необходимой той мозгов. Кристиан хоть как-то уживался с супругой только потому, что с радостью отправлялся в самые далекие представительства Гарма, такие далекие, которые не могут обеспечить комфортных условий для его любимой жены. Бедняжке приходилось безвыездно торчать в Газрре или родовом поместье, на что она многословно жаловалась. Но мне почему-то всегда было жалко не ее, а Кристиана...

– Боюсь, тетя Эльза, что уже я окажусь недостаточно хорош для такого совершенства.

– Боишься? Я думала, нашим военным страх неведом. Гюнти, ты обязан на ней жениться.

– Тетушка, – расхохотался я. – Мы с девушкой даже незнакомы. Вполне возможно, что при первой же встрече мы испытаем к друг другу такое отвращение, что и второй не понадобится, а ты уже говоришь об обязательствах.

– Ты и не понравишься? – снисходительно сказала она. – Гюнти, не рассказывай сказки, захочешь – влюбится.

– Преувеличиваешь.

– Ничуть. Не поверю, что она в тебя не влюбится.

Уверенность тетушки умилила, но не настолько, чтобы пойти навстречу планам, не совпадающим с моими.

– Тетушка, если она столь хороша, то ее родные явно захотят ей партию получше, чем твой скромный племянник. Представляешь, как будет страдать бедная девушка, если влюбится в меня, а встанет у алтаря с другим?

– Не думаю, что опять подвернется бесхозный герцог, – едко заметила тетушка. – И потом, не заметила, чтобы Матильда так уж страдала.

Прием был запрещенный, но упоминание бывшей невесты не слишком продвинуло мою дражайшую родственницу к цели. Злость на собеседника не способствует взаимопониманию. Но тетя права, Матильда не страдала. Моя бывшая невеста выходила замуж в уверенности, что в наших отношениях ничего не изменится. «Гюнти, ты же понимаешь, такой шанс выпадает один раз в жизни, – ничуть не стесняясь ни обнаженного вида, ни своих слов, говорила она. – Неужели ты считаешь, что я недостойна быть герцогиней? От жизни нужно брать все самое лучшее. Ты тоже женишься на какой-нибудь богатой родовитой дурочке, но любить-то мы все равно будем друг друга. И кто знает, не будет ли следующий наследник герцогства иметь твою кровь?» Тогда я ничего не сказал, молча оделся и ушел, но отвращение получил не только к Матильде, но и к браку...

– Не думаю, что имеет смысл об этом говорить.

Голос прозвучал столь холодно, что, пожалуй, даже у отца не получилось бы лучше. Но увы, тетушку таким не приморозишь. У нее иммунитет к семейной магии Штаденов.

– Гюнти, пришло твое время отрабатывать то, что в тебя вложили, – заявила она. – Думаешь, твой перевод в столицу было так легко устроить? Знаешь, чего мне это стоило? И все для того, чтобы у тебя появилась наконец возможность выбора.

Надо же, а я и не думал, что обязан своим нынешним унылым существованием тетушке. Инор Лангеберг так убедительно говорил, что не может использовать для охраны дворца кого попало и что каждый военный с Даром обязан отбыть эту повинность. Вот я и отбываю уже целых две недели...

– Спасибо.

Я постарался вложить в короткое слово как можно больше язвительности, но тетя приняла благодарность за чистую монету.

– Одного спасибо недостаточно. Гюнти, Штадены должны занять прочное место при дворе. И если уж у Эрики ничего не получилось, то ты обязан сделать для этого все.

– Уверен, вполне достаточно прочного места Эдинов.

– Гюнти, неужели тебе так сложно познакомиться с красивой девушкой? – тетя придвинулась и положила руку мне на плечо таким дружеским жестом. – Не такая это уж большая жертва ради семьи.

Да уж. согласишься – затаскают по непристроенным девицам, соответствующим положению Штаденов, откажешься – тетя покоя не даст. Воевать с женщинами у меня всегда получалось плохо, особенно, с теми, кто искренне желает добра. Но своему сыну она добра желала не меньше, и что из этого вышло?

– Думаю, будет прилично зайти к ним с визитом в эту субботу, – деловито предложила тетя, посчитавшая молчание согласием.

– Почему в субботу?

– Ближайший день, когда мы наверняка сможем увидеть Ульрику, – тетя Эльза улыбалась с изяществом голодного тигра, который уже почти вцепился в кусок мяса, остался последний рывок.

– И чем же так занята в остальные дни прекрасная Ульрика?

– Леди Ульрика Штрауб учится на целителя. Не правда ли, прекрасная профессия для спутницы военного?

Граф Штрауб? Отвечающий за финансы Гарма? Не высоко ли замаяхнулась тетя?

– Красивая, богатая леди, которая еще и целитель, согласна выйти замуж за навязанного жениха? И что с ней не так? Извини, дорогая, но покрывать чужие грехи браком не собираюсь.

– Как ты мог подумать, что я подсуну родному племяннику некачественную невесту? – возмутилась она. – Только самое лучшее. Ульрика пока ничего не знает. Мы договорились с ее родителями.

Появился соблазн навестить эту Ульрику и сообщить о матримониальных планах родственников в ее отношении. Целительницы отличались независимостью, так что ей наверняка проще отбиться от жениха, чем мне от невесты. Только вот, захочет ли? Уверенность, что с ней что-то не так, не отпускала. Матильдин герцог тоже наверняка считал, что женился на чистой девушке. Еще бы, с ее невинными голубыми глазами и скорой целительской помощью перед первой брачной ночью, она кого угодно в чем угодно убедила бы...

– Гюнти, только подумай, как рванет твоя карьера. Станешь не последним лицом в дворцовой охране, если не первым, – разливалась тетя. – Не захотят же Штраубы, чтобы их единственная дочь моталась по отдаленным гарнизонам? В ближайшее время получишь майора. Будете жить в столице. Тебе давно пора остепениться. А то подловит тебя какая-нибудь безродная девица, и все – шанс упущен.

– Я не имею дел с безродными девицами.

И с родовитыми тоже. Зачем вообще иметь дело с девицами, если не собираешься жениться? А я не собирался. Во всяком случае пока. Предложением Матильды я так и не воспользовался, но и без нее хватало скушающих замужних дам.

– И замечательно, – расплылась в улыбке тетя. – Нас ждут на обед в эту субботу. Учти, граф Штрауб – не та персона, к которой можно не прийти с назначенным визитом. Причина должна быть очень, очень веской...

– Тетушка, договаривалась ты, не я. Тебе и придумывать отговорку. – Хотелось пустить пару шаровых молний или хотя бы разбить в мелкие щепки этот гадкий стул с зеленой обивкой, который так не подходил к остальному убранству тетушкиной гостиной, что она наверняка и не расстроилась бы. Но увы, маг должен уметь держать себя в руках. Так что единственное, что я себе позволил, – почти незаметным пассом испарил остывший чай и встал с не такого уж удобного дивана. – Всего хорошего, тетюшка. Не буду мешать тебе думать.

– Гюнти, ты не можешь поступить так со мной! – только и успела она прокричать, пока я аккуратно прикрывал за собой дверь.

Да, визит к тете – всегда серьезная тренировка по владению собой. Я бы ввел ее в список

обязательных занятий для тех, кто учится в Гармской Военной академии. Выдержишь – и больше никто и ничто не выведет тебя из равновесия. Встречная красотка стрельнула глазками, я ответил восхищенным взглядом: мне ничего не стоит, а ей приятно. Похоже, переусердствовал: застыла на месте в надежде на знакомство. Но увы, сегодня не ее день. Красотка была сразу выброшена из головы, поскольку было над чем подумать и без нее. В этот раз тетя втравила меня очень уж серьезно. В одном она точно права: Штрауб – не та персона, которую можно проигнорировать. И если моя любимая родственница о чем-то действительно договорилась за моей спиной с графской семьей, отдуваться придется мне, а не ей. «В ближайшее время получишь майора». Здесь как бы опять лейтенантом не стать. Ну и удружила тетя! Собственно, она оставила мне три варианта: либо жениться, либо убедить Ульрику, что мы не подходим друг другу, либо сделать так, чтобы графская семья решила, что я нежелательный зять.

Орк бы побрал эту Ульрику! Не могла найти себя жениха, не вмешивая меня в это неблагодарное дело? Впрочем, девушка, может, ни сном и ни духом. Вдруг она действительно мила и скромна? И тетя лишь ценой огромных жертв со своей стороны договорилась с ее родителями? Сделала мне огромное одолжение, а я не ценю.

Мало данных, чтобы на что-то решаться.

Артур Кремер! Вот кто нужен! Торчит в Гаэрре уже год и наверняка в курсе местных сплетен. Не сказать чтобы мы были особо дружны, но учились вместе и пару раз выпивали. Сейчас он как раз на дежурстве. Да, короткий нынче получился выход в город...

Искать Кремера долго не пришлось – сидел в выделенной дежурным комнатухе. В отличие от тетушки, заводить длинных прелюдий я не стал, спросил сразу.

– Ульрика Штрауб? – Кремер неприятно хохотнул. – Конечно, знаю. И очень близко. Можно сказать, изнутри. – Он опять хохотнул. – И не только я. Леди необычайно любвеобильна. Папаша уже отчаялся ее сплавить. Сам понимаешь, ему абы кто в зятя не нужен, а не абы кому не нужна такая...

... любительница вливать свежую кровь в древние роды. Возможно, матильдиному герцогу это было жизненно необходимо, но вот Штадену без вливания со стороны всякой дряни обойдутся. А значит, подходит только пункт третий. Штраубы должны решить, что жили раньше без такого зятя, как я, проживут и дальше.

Что ж. План созрел буквально за несколько минут. Идеальный план, позволяющий не только распрощаться с сомнительным счастьем получить в супруги леди Штрауб, но и убраться отсюда подальше, чтобы тетушке не пришлось в голову найти еще кого для моего блага.

– Поможешь? – спросил я Кремера, почти не сомневаясь в ответе.

– Познакомиться с Ульрикой? – неудачно пошутил он, наткнулся на мой возмущенный взгляд и подавился очередным смешком. – Что сделать-то надо?

Я пояснил. Кремер сначала не поверил, потом долго отговаривал. И все же я сумел убедить, поэтому через час сидел перед главным придворным магом, инором Лангебергом, делая вид, что чрезвычайно смущен пикантным происшествием. Единственное, что удивило, почему разбирается он, а не тот, кому это положено по должности.

– Капитан Штаден, – укоризненно выговаривал маг, – как это вас угораздило завести интрижку с женой непосредственного начальника, да не просто завести, а столь глупо попасться? Майор рвет и мечет, требует для вас трибунала. Мне почему-то кажется, что вы не столь и виноваты...

Он сделал паузу и вопросительно посмотрел.

– Что вы, инор Лангеберг, если кто и виноват, так только я. Собственно, супругу майора и винить-то не за что...

Бедная инора, какое она испытала разочарование: время я рассчитал точно, Кремер не оплошал, поэтому мы с дамой успели только раздеться, а больше ничего и не успели, как ворвался ее муж, горя апоплексическим румянцем и жаждой мщения. Как только его удар не хватил на месте от представившейся картины? Хотя, хорошо, что не хватил: менять одну потасканную невесту на другую не слишком интересно.

– Вы же понимаете, капитан, что такое нельзя оставлять безнаказанным?

– Готов понести любое наказание, в самом отдаленном гарнизоне.

– Что ж, считайте ваше желание выполненным. – Инор Лангеберг протянул конверт. – Кстати, лорд Штрауб навел о вас справки. Как вы понимаете, о случившемся ему тоже донесут.

Я кивнул. Нет, от лорда Штрауба случившееся скрывать ни в коем случае не стоит.

– Иной раз, пытаясь избежать одной неприятности, вы получаете куда более серьезные, – едва заметно усмехнулся маг. – Капитан, будет у меня для вас еще одно задание. И отнестись к нему очень серьезно...

Из кабинета я выходил в весьма хорошем расположении духа: на обед к Штраубам никак не попадаю, поскольку буду в назначенное время очень далеко от Гаэрры, да и не уверен, что приглашение осталось в силе. Улыбался я ровно до того момента, когда вскрыл конверт и прочитал, куда же меня отправляют. Траттен. Эмоции оказались столь сильны, что я невольно поделился ими с окружающим миром и уже успел порадоваться, что выходя плотно закрыл дверь к инору Лангебергу, как у меня над ухом раздался его довольный голос:

– А вы думали, капитан Штаден, что все будет легко? И не мечтайте – направление не поменяем.

Вот ведь мерзкий старикашка, даром что сильнейший маг Гарма...

Глава 2

Фридерика

Я поставила последнюю точку в докладе и потрясла уставшими пальцами. А ведь, кроме доклада, нужно набросать еще с десятков вопросов к нему. Разумеется, с ответами, чтобы Ульрика не выглядела совсем душой. Вопросы раздавались по одноклассникам, которые по очереди спрашивали о якобы непонятном, а Ульрика старательно зачитывала ответы. И все довольны. Одноклассники – что поддерживают полезные знакомства. Дочь гармского министра финансов – что не нажалуются папе на плохую успеваемость. Преподаватели – что заслужили одобрение этого же самого папы, а значит – дополнительное финансирование. Я – что получу так необходимые деньги. У меня, к сожалению, не было такого полезного отца, да и любого другого тоже. Родителей десять лет назад унесла лихорадка, которая нахлынула столь неожиданно, что целители не успели поставить барьер вовремя. Из моих родственников тогда выжила только старшая сестра. Она и заменила мне и мать, и отца. Но увы, сестры тоже уже год как нет...

Я встряхнула головой, отбрасывая ненужные сейчас грустные воспоминания, и торопливо застрочила вопросы. Пяти должно хватить. Или шести? Конечно, преподаватели не слишком придираются к леди Штрауб, но нужно создать хотя бы видимость ее успеваемости. И если на практических занятиях это намного сложнее, то на устных достаточно не слишком вслушиваться в то, что она лепечет. Последнее для создания видимости немаловажно, так как на прошлом докладе Ульрика в ответ на вопрос зачитала ответ совсем на другой. Нет, пяти все же хватит, решила я. В пяти запутаться сложнее, чем в шести.

– Много учиться – вредно для здоровья. Вам это уже наверняка говорили на занятиях.

Кристиан столь аккуратно сел на стул рядом, словно боялся ненароком испачкаться библиотечными знаниями. Действительно, знания, они такие – если прилипнут, все, пиши пропало, никуда уже от них не деться. Впрочем, его это не должно пугать – в аспирантуре даже первого года обучения лишние знания не боятся, особенно, по смежным дисциплинам. А у нас они точно смежные: Кристиан специализировался на целительских зельях. И как утверждал, очень успешно.

– Вряд ли это можно назвать учебой, – усмехнулась я.

– Опять за Штрауб что-то пишешь?

– Написала, – гордо ответила я, поскольку как раз поставила последнюю точку в последнем ответе.

– Это надо отметить чем-нибудь совместным.

Я уже сбилась со счета, сколько раз он меня приглашал за почти два года, что ухаживал. Я даже пару раз согласилась, правда, мы были не вдвоем, а в компаниях, но все равно зря. Кристиану это подарило определенные надежды. Хотя он и до подаренных надежд усиленно отбивал от меня остальных поклонников, где магией, а где и вульгарными кулаками. Уверена, соперники предпочитали кулаки, поскольку Кристиан очень изобретателен в плане применения полученных в академии знаний. Его творческому подходу преподаватели поражались настолько, что даже не всегда наказывали, тем более что чаще страдала гордость противника, чем что-то еще. Во всяком случае ни порчи имущества, ни вреда здоровью ни разу не было доказано. «Через две недели вернет свой собственный цвет», – обычная отговорка Кристиана. В отношении покраски противников он был особенно изобретателен, цвета выбирал наиболее отвратительные или проявлявшиеся неровными пятнами, которые сразу наводили мысли о заразных кожных заболеваниях или еще о чем похуже. Почему-то вернуть пострадавшим нормальный цвет никакими методиками не удавалось: ни антидотами, ни ускорением метаболизма. Кристиан хитро говорил, что завязано на времени, а преподавательница алхимии пыталась выпросить у него столь полезный рецепт. Пока безуспешно.

– Чем, например?

– Ммм... – протянул он задумчиво, уставился в потолок, потом просиял, словно на него оттуда сошло откровение, и повернулся ко мне. – Походом в Храм?

– Иног Фальк, это уже не смешно.

– Конечно, не смешно, – проворчал он. – Проживать жизнь вместо Штрауб – этак вообще веселиться разучишься. Не понимаю, и зачем ее папаша настаивает на обучении?

– Мало ли. Может, рассчитывает сэкономить на целителях?

Кристиан неприлично фыркнул, показывая, что оценил шутку.

– Разве что в их семье вообще никто не будет болеть. Ладно, если еще эта дура поставит неправильный диагноз, а если попытается использовать полученные знания? Жертва помрет в жутких леченьях... Я бы ей и злейшего врага не доверил, не то чтобы близких людей.

Я промолчала. Блажь родителя одноклассницы и для меня была загадкой. Возможно, лорд считал, что так дочь занята хоть каким-то делом, а целительство тихо, безопасно и в перспективе полезно для семьи? Сама Ульрика прекрасно обходилась бы без учебы, поскольку такое унылое времяпрепровождение не входило в круг ее интересов. Прямо скажем, очень узкий круг: драгоценности и развлечения. Но поскольку она зависела от финансовой родительской помощи, пренебрегать отцовскими требованиями не могла.

– А ты, выполняя за нее задания, способствуешь возможному убийству, – так и не дождавшись от меня отклика, продолжил Кристиан.

– Не преувеличивай. Вряд ли Ульрике придет в голову заняться целительством. А мне нужны деньги. Знаешь, когда рассчитываешь только на себя, и медяшка не лишняя, а Ульрика платит хорошо.

– Я давно предлагаю рассчитывать и на меня тоже, – он нахально захватил мою руку и поцеловал. – Фридерика, ты же все равно выйдешь за меня, так к чему...

– Не выйду.

Руку я отобрала и насмешливо посмотрела на нежеланного ухажера. Но показанной уверенности не было. Я не была влюблена в Кристиана, но не была влюблена и в кого-то другого. словно это чувство нарочно обходило меня стороной. Кристиан потихоньку подбирался все ближе и ближе, завоевывая новые уступки с моей стороны. Иногда казалось, что и в аспирантуру он поступил исключительно для того, чтобы быть рядом. Но, возможно, я себе неимоверно льстила, и у него были планы, никак со мной не связанные.

– Ладно, если не в Храм, то, может, ко мне в гости? – не сдавался он. – Обещаю чай и прекрасную подборку книг по целительским зельям. Если, конечно, не найдем занятия поинтереснее...

– Шутишь? Что может быть интереснее целительских зелий? – в деланном удивлении округлила я глаза. – Разве что информация о новых целительских методиках.

– Это значит, идем ко мне? – оживился он.

– Нет, конечно.

– Фридерика, ты разбиваешь мне сердце.

– Ты наверняка умеешь делать зелье для склеивания, – я была безжалостна. – Глядишь, и диссертацию на нем защитишь.

– Увы, у меня уже другая тема.

И хоть разговор о его будущей диссертации у нас заходил не впервые, тему Кристиан так и не называл, всегда напускал туману, из-за чего создавалось впечатление, что он занимался чем-то запрещенным. Но я уверена, что это не так. С запрещенными методиками он не связывался принципиально. Забавно, но за все время Кристиан ни разу не пытался меня приворожить, хотя с его знаниями и умениями это не составило бы труда. Когда я как-то в шутку спросила почему, он невозмутимо ответил, что неинтересно, когда тебя любят временно и не по-настоящему. Правда, моя соседка по комнате скептически сказала, что просто он не дурак и уверен, что такое не пройдет незамеченным, и не хочет пока рисковать. Но Эвелина ко всему относилась с большим предубеждением, особенно к Кристиану: тот всегда приходил не вовремя и мешал заниматься не только мне, но и ей. Он на такие мелочи никогда не обращал внимания. Вот и сейчас библиотекарь уже неодобрительно косилась в нашу сторону. Не стоит ее нервировать, она всегда так внимательно относится к моим просьбам. Я захлопнула ненужные больше книги и отнесла на стойку. Там не задержалась: быстро сдала и пошла на выход. Меня ждали комната в общежитии и недоделанные собственные задания на завтра.

Действительно, нельзя же выполнять только за Штрауб – этак и самой можно под отчисление попасть.

– Так что с сегодняшним вечером? – не унимался Кристиан, увязавшийся за мной.

– А что с ним? – я огляделась. – Прекрасный весенний вечер, как по мне.

Вечер действительно был прекрасный. Солнце клонилось к закату и на земле лежали густые тени, но еще было светло. И тепло. А еще одуряюще пахло цветами, которые радовались возможности наконец распуститься и показать себя во всей красе. Вазон около входа в общежитие казался залитым цветочной волной. Пролетела бабочка, мягко махая крыльями. Кристиан проводил ее взглядом и повернулся ко мне.

– Сидеть в помещении в такой – преступление.

– Как хорошо, что законодательно за это не наказывают.

– А я думал, погуляем, поговорим о твоей практике...

– О моей практике? – тут я невольно заинтересовалась и даже задержалась на крыльце.

В прошлом году практика была общей, но в этом нас должны распределить по лечебницам. От нашего желания мало что зависело, и все же хотелось туда, где можно научиться хоть чему-то, а не просто тоскливо просиживать отведенное время. Кристиан проводил совместные исследования сразу с несколькими лечебницами, поэтому его слова я восприняла как намек на вполне определенное место. Наверняка очень хорошее место, с одним большим «НО»: Кристиан не делает ничего просто так.

– Я почти договорился, что она будет в Центральной гаэртской лечебнице. Но, как понимаю, этот вариант тебе неинтересен: ты же проходишь практику вместо Штрауб у дворцового целителя?

– Думаешь, ее туда допустят? – привычно удивилась я, а потом до меня дошла первая половина его слов и я удивилась еще больше: – В Центральной? Но они же никого на практику не берут?

Кристиан довольно ехидно ухмыльнулся.

– Глупая шутка, – рассердилась я.

Надо же, я почти приняла за чистую монету, что он настолько обо мне позаботился, и уже приготовилась благодарить, а он...

Кристиан сделал честные-пречестные глаза, но я ему ни капельки не поверила. Как же, договорился он с Центральной лечебницей, знаю я его: сейчас наверняка потребует осязаемой благодарности в виде поцелуя, а потом, когда появятся списки, заявит, что лечебница передумала. Или что там незапланированный срочный карантин. Или что пришло срочное предписание из дворца – студентов не брать. Впрочем, в Центральной гаэртской лечебнице и без всяких предписаний студентов в последнее время не брали: недавно поставленный новый Главцелитель заявил, что здоровье пациентов для него важнее тренировок недоучек. Интересно, как при таком подходе он собирается пополнять кадры?

– Фридерика, могу ли я рассчитывать на благодарность? – прожурчал Кристиан мне в ухо и привлек к себе с явным намерением поцеловать. – Маленькую благодарность, совсем крошечную...

Я отстранилась и насмешливо сказала:

– Вот когда будет за что благодарить, тогда и вернемся к этому разговору.

– И когда это тогда? – не торопился меня отпускать Кристиан.

– Когда вывешат списки по практике.

– Тогда ты заявишь, что это уже не новость или найдешь какую другую причину.

Я рассмеялась. Он выглядел таким расстроенным, что его маленький обман не получился...

– Кристиан, торжественно обещаю: если в вывешенных списках напротив моей фамилии будет Центральная гаэртская лечебница, я тебя непременно поцелую.

– Два раза? – с надеждой уточнил он.

«Хоть три», – хотела сказать я, но что-то в его взгляде удержало от опрометчивого обещания. Слишком он был торжествующим, Кристиана если немного и расстроила невозможность получить поцелуй сейчас, то он явно собирался сделать это чуть позднее. А значит, он знал что-то, чего не знаю я. Печально, но обещание уже дано. Нужно как-то смягчить.

– Один. И в щеку.

– И ты это считаешь достаточным за возможность попасть в Центральную лечебницу?

– Возможность, она у всех есть, – парировала я. – Но вероятность попадания уж больно низкая. Спокойной ночи, Кристиан.

И быстро, пока он не придумал еще что-нибудь, прошла в общежитие.

– Спокойной ночи, – донеслось вслед.

Ночь действительно выдалась спокойной, и вся следующая неделя тоже. Ульрика с успехом прочитала доклад, с не меньшим успехом зачитала ответы на вопросы к нему, получила заслуженное «отлично» и заплатила мне за работу. Я начала прикидывать, какую из дыр заткнуть полученными деньгами, как в аудиторию влетела запыхавшаяся староста и завопила:

– Списки на практику вывесили!

И мы толпой бросились к деканату, словно от скорости что-то зависело, словно тому, кто прибежит первым, и достанется лучшее место. Хотя распределение уже состоялось, и нас гнало лишь желание узнать, насколько кому повезло.

К удивлению, напротив моей фамилии действительно значилась Центральная гаэртская лечебница. Но это не порадовало, поскольку практика начиналась на полтора месяца позже, чем у остальных из группы. Интересно, зачем это нужно Кристиану? То, что это его рук дело, я даже не сомневалась, стоило лишь вспомнить его ухмыляющуюся физиономию. Нахлынули предчувствия грядущих неприятностей. Смутные и неопределенные, но все же я сейчас предпочла бы поменяться местом практики с кем угодно.

– Да они охамели! – раздался возмущенный вопль Ульрики. – Меня, леди Штрауб, и в какую-то дыру?! Уверена, папа этого так не оставит. В конце концов, здесь есть кем затыкать дыры.

И она ворвалась в деканат, горя праведным гневом, даже не подумав предварительно постучать. Я проводила ее задумчивым взглядом. Конечно, нас здесь целая группа для затыкания провинциальных дыр, только вот что-то подсказывало, что ничего у нее не получится, что направление отнюдь не было случайным и наверняка согласовано с ее отцом...

Я перевела взгляд на ее фамилию, чтобы узнать, какой же город вызвал столь сильные эмоции у леди Штрауб. Вчиталась. И...

– Рика, тебе нехорошо? – Эвелина заботливо вглядывалась в мое лицо. – Ты так побледнела. Но у тебя же практика в Центральной лечебнице.

– Просто здесь немного душно, – я попыталась улыбнуться. Губы не слишком слушались.

Чуть раньше казалось, что я соглашусь поменяться с любым из группы. Но нет. С леди Штрауб я не меняюсь никогда и ни за что.

Глава 3 Гюнтер

Полковник Циммерман не скрывал недовольства от моего появления. Направление изучал так, словно надеялся, что там где-то зашифрован еще и приказ как можно скорее отправить меня из Траттена. Но увы, я уже внимательнейшим образом исследовал этот злополучный листок и не нашел ничего обнадеживающего. Ни для него, ни для меня.

– И что же вы натворили, капитан, что вас из столицы отправили сюда? – недовольно пробурчал полковник. – У нас, знаете ли, срочной необходимости в магах нет. Вот целителя еще одного второй год прошу.

– Боюсь, инор полковник, меня на целителя не обменяют, – заметил я, попытавшись уйти со скользкой темы собственной провинности. – А что, в гарнизоне такая нужда в целителях? Не военное же время...

– Нужда в целителях всегда есть, капитан, – отрезал он. – Рассказывайте, что натворили. И не вздумайте врать: вам тут еще служить.

– Не знаю, инор полковник, вправе ли. Все же замешана дама...

– Дама, – презрительно бросил он. – Скажете тоже, дама. Очередная беспринципная юбка. Наверняка замужня?

– Вы же понимаете, инор полковник... – постарался я независимо улыбнуться.

На монаха собеседник не походил, значит, была надежда, что отнесется со снисхождением. Поэтому для меня оказалось полной неожиданностью, что полковник стукнул кулаком по столу и заорал:

– Не понимаю! Не понимаю, почему некоторые ставят свои желания превыше всего! Не понимаю, почему для некоторых офицерская честь и воинский долг ничего не значат! Не вздумайте устраивать такое же и здесь! Целитель у нас один, и тот постоянно занят!

Что за заикленность на целителях? Одного, конечно, на такой гарнизон мало, но при необходимости и один справится: у него в арсенале должны быть и зелья, и артефакты, и накопители. Впрочем, у полковника Дара нет, возможно, местный целитель рассказывает ему сказки о своей дикой загруженности и переработке?

– Инор полковник, постараюсь не загружать вашего целителя больше необходимого.

– И чтобы никаких дуэлей! – ничуть не смягчился он. – Просил же не присылать неженатых... – Тут он посмотрел с небольшой надеждой и уточнил: – Капитан, может, у вас невеста есть?

– Нет, инор полковник, – несколько удивленно ответил я.

– В вашем возрасте и не иметь даже невесты! – опять разозлился он. – Вот у меня в ваши годы уже сын был!

– Не вижу никакой связи между наличием детей и службой в гармской армии, инор полковник.

– Дети уберегают от многих глупостей, знаете ли, капитан Штаден.

На мой взгляд, дети как раз и появляются в результате тех самых глупостей, на которые намекал полковник, но ставить его в известность о своей точке зрения я не стал. Не думаю, чтобы он с ней согласился, а спорить с начальством – глупая затея. Тем более что начальство сейчас только и ждало повода, чтобы снова вспылить. Вспылит, назад не отправит, зато добавит служебных обязанностей. Поэтому я не только промолчал, но и принял вид, как можно более согласный со словами полковника. Наверное, вид ему понравился, так как полковник чуть откинулся в кресле и гораздо дружелюбнее спросил:

– Капитан, а нет ли у вас кого на примете, на ком бы вы хотели жениться?

– Извините, инор полковник, но нет, – как можно удрученнее ответил я. – Это слишком серьезный вопрос, чтобы подходить к нему легкомысленно. Семья – это большая ответственность. Военному, как вы понимаете, нельзя жениться на ком попало. От этого зависит боеспособность армии.

– Да уж, – неожиданно скривился полковник. – Только подумать, как много иной раз зависит от одной-единственной юбки. Но насколько проще было бы, капитан, иметь вы серьезную привязанность, а еще лучше – жену.

Надеюсь, тетушке не придет в голову написать уже ему, что до исполнения полковничьего желания осталась одна лишь маленькая формальность. А то с нее станется. Не думаю, что она отказалась от мысли женить меня на своей протее. Правда, перед отъездом я не рискнул навестить тетушку, чтобы узнать ее мнение по этому щекотливому вопросу, отправил письмо с вежливыми извинениями. Тетя Эльза слишком эмоциональна и наверняка примет все близко к сердцу, а рука у нее тяжелая, штаденовская, даром что женщина. Особенно когда моя дражайшая родственница расстроена тем, что все пошло не так, как распланировала. Оставлять семейство Эринов без очередного сервиса как-то даже некрасиво с моей стороны. А вот лорд Штрауб, уверен, не станет огорчаться из-за моей невозможности с ними отобедать.

Тем временем полковник распинался о преимуществах женатой жизни перед холостой. Настолько убедительно, что я засомневался, не мешает ли ему самому статус женатого инора вести тот образ жизни, который бы хотелось. Слишком похоже, что убеждает больше себя, чем меня. Наконец начальство выдохлось и утомленно сказала:

– Ладно, капитан, устраивайтесь. С завтрашнего дня приступите к своим обязанностям. Включим в график. С жильем что решили? При гарнизоне? Или в городе?

– В городе, инор полковник.

При гарнизоне и сложнее будет выполнить поручение инора Лангеберга, и наверняка для меня сразу же найдется множество неотложных дел. Пусть Циммерман и утверждает, что лишний маг здесь не нужен, применение точно найдет. Вон как оценивающе смотрит.

– Действительно, если уж вести разгульный образ жизни, то хоть не у меня на глазах, – проворчал полковник. – Но учтите, капитан, в случае жалобы родителей женитесь безо всяких разговоров. Нам дети гарнизона не нужны.

– Инор полковник, за кого вы меня принимаете? Обещаю, жалоб родителей не будет.

Полковник только скептически хмыкнул и повторил, что не отверчусь. Пожалуй, из зоны интересов нужно вычеркнуть еще вдовушек – у них тоже могут быть родителями, способные надавить в случае чего на полковника. Жениться Циммерман меня не заставит, конечно, но нервы потреплет изрядно. Ни одна юбка этого не стоит.

Снять квартиру удалось без проблем: в канцелярии подсказали пару адресов, остановился я на втором. Приятный домик, небольшая квартира на втором этаже. Хозяйка, инора возраста немного за средний, любезно пообещала взять уборку на себя. Предлагала еще и готовку, но я отказался – до ближайшего ресторана недалеко, а так она под видом постоянной и неотложной помощи будет также постоянно и неотложно меня контролировать. Нет уж – видеть ее два раза в неделю вполне достаточно.

Бросил вещи и решил пройтись, познакомиться с городом, а заодно и решить, как лучше выполнить поручение Лангеберга. Пока было даже непонятно, откуда подступиться: магический фон ровный, есть некоторое усиление у герцогского особняка, но это имеет логичное объяснение – защита там должна быть на уровне. На особняк тоже стоит посмотреть вблизи, но позже. Не готов я пока к встрече с бывшей невестой. Не факт, конечно, что сразу столкнусь с Матильдой, но... Но пока попробую поискать рассеивающие артефакты. Они чуть-чуть искажают фон, и по этому «чуть-чуть» их можно обнаружить, но только совсем близко.

Городок не слишком велик, хоть и носит гордое название столицы герцогства. Впрочем, само герцогство – тоже одно название, магические войны в свое время сократили его до узкой полосы вдоль границы со Степью. Столица раньше была другой, но где теперь та столица? Вряд ли живущие вблизи нее орки согласятся считать себя подданным герцога Траттенского. Потомкам тогдашних герцогов надо радоваться, что на сохранившемся куске остался хоть один город, а то пришлось бы преобразовывать в таковой самое большое село. А так просто переименовали оставшийся и на этом успокоились. Впрочем, титул они сохранили. Титул и деньги. Вряд ли Матильда позарилась бы на один титул. Если бы к нему прилагался лишь носитель, невысокий и пузатый, на брак бы она не согласилась. Герцогиня должна быть в мехах и бриллиантах.

Я усмехнулся. Надо же, прошло целых три года, а я до сих пор помню ее слова и привычки. Тогда мне казалось, что я влюбился один раз и на всю жизнь, но время показало, что влюблен я был поверхностно и только в красивую оболочку. Может, потому, что то, что внутри,

Матильда тщательно скрывала и прорвалось это лишь при нашем последнем разговоре?

Нет, все же хорошо, что все случилось так, как случилось. А ведь мог бы жениться и прожить всю жизнь, будучи уверенным, что она – само воплощение святой Бригитты на земле. Эти огромные вечно удивленные голубые глаза. И локоны, почти белые, с легким золотистым налетом, особенно заметным при подсвечивании солнечными лучами. Надеюсь, Матильда обрела достойное обрамление...

Со стороны мои передвижения наверняка казались хаотичными, но таковыми не были: я обследовал по строго выработанному плану, основанному на схеме города. Схему перед отбытием в Траттен я изучил от и до, стоило закрыть глаза, и она сразу вставала перед ними, четкая и стройная. Город будет изучен весь. Не факт, конечно, что что-то найду. Лангеберг утверждал, что ничего определенного, одни лишь странные слухи, а слухи могут запуститься на пустом месте. Или не совсем на пустом – был бы я нарушителем, постарался бы перевести внимание подальше оттуда, где все происходит на самом деле.

Городок оказался на редкость мирный и уютный. Очень много зелени, вазонов с цветами, выделявшихся яркими пятнами на фоне стен, и просто море роз разных цветов и размеров. Розами я никогда не увлекался, привлечь они меня не могли никоим образом, но не привлекало и другое – ничего странного и отличающегося от работы обычных бытовых артефактов пока не обнаружилось. Я остановился и огляделся с ленивым прищуром. Чем ближе к окраине, тем меньше фонащих источников. Пожалуй, дальше смысла идти нет. Я повернул налево и почти сразу неожиданно столкнулся с Бруном, с которым уже довелось послужить. И довольно весело послужить...

– Штаден? – радостно пробасил он и стукнул меня по плечу. – Глазам не верю. Как тебя в нашу глухомань занесло?

Из проулка, откуда он вывернул, слышался шум и топот, но Брун ничуть не волновался, быстро застегнул китель и сделал вид, что стоит здесь со мной уже полчасика, не меньше. Я не успел ничего ответить, как из-за поворота выскочили два очень злых инора и почти в нас впечатались, затормозив в самый последний момент. Я высокомерно приподнял бровь и вопросительно посмотрел на этих недружелюбных штатских.

– Иноры военные, – просительно пропыхтел старший, – вы здесь давно стоите?

– Не слишком, – холодно процедил я.

– Здесь никто не пробегал?

– Только вы, – любезно ответил Брун и даже повернулся к ним. – При нас только вы пробегали.

Иноры подозрительно на него уставились. Еще бы: у моего приятеля очень выразительный и запоминающийся голос, один раз услышишь – не забудешь, даже если слышал сплошные междометия, что наверняка и было. Но с двумя военными штатские связываться не рискнули, побросали неприязненные взгляды, попытели немного и ушли. И то сказать, если видели Бруна только со спины, похожий голос – шаткое основание для обвинений.

– А я думал, чего это полковник Циммерман нудит про детей гарнизона, – заметил я. – А это он на тебя намекал.

– Какие дети? – ничуть не смутился Брун. – Я что? Так только, немного развлекаю скучающих дам. И сам развлекаюсь. Тоска здесь зеленая. А Циммерман со своей моралью надоел уже, право слово. За собой бы следил, если уж так радеет за нравственность. Уверен, что никто не знает про его роман с певичкой? Зря.

– Певичка? Здесь есть театр?

На схеме театров точно нет. Или она устаревшая, или совсем не точная. Или певичка залетная...

– У герцога, – пояснил Брун, – любительский, конечно, но пару профессионалов он оплачивает. Так-то сюда мало кто поедет. Но герцогиня, – тут он еле заметно поморщился, – ценительница прекрасного, и герцог ей потакает.

Интересно, чем Матильда не нравится Бруну? А ведь точно не нравится, судя по тону и выражению лица. Но спрашивать не буду. Не столь это важно. Но все же, надеюсь, зрителей для герцогского театра не набирают из гарнизона в обязательном порядке. Я – не ценитель прекрасного, даже если это прекрасное воплощено в певичках. Да и певичка, как выяснилось,

уже занята.

– Давно приехал-то? – спохватился Брун.

– Сегодня.

– Это надо обмыть, – воодушевился приятель. – В хорошей компании, чтобы сразу со всеми познакомился. Кроме Циммермана, его тебе на сегодня хватит. Между нами, на редкость нудный тип. Хотя за своих горой стоит, это у него не отнять. Но все равно, звать не будем. И не вздумай отказываться, а то непорядок, удачи не будет на новом месте службы. Со старого из-за чего перевели?

– Не так повезло, как тебе недавно. Меня не только слышали, но и видели.

Брун совершенно неприлично хрюкнул, выдал пару фраз, не то соболезующих, не то издевательских, и потащил меня знакомиться и проставляться, по дороге пытаясь выяснить подробности трагического, как он считал, происшествия.

Что ж, Траттен от меня никуда не убежит. Торчать мне здесь долго, успею осмотреть все и всех. Да и вдруг кто-то из офицеров расскажет что-нибудь интересное? И я сейчас не о Матильде.

Глава 4

Фридерика

Кристиан появился тем же вечером. Эвелина открыла дверь и сразу же выпалила, что он, как всегда, не вовремя. Но гость ничуть не устыдился и не ушел. Впрочем, у меня с самого начала не было никаких надежд, что он проявит благородство и откажется получать поцелуй.

– Фридерика, я жду благодарности, – заглянув через ее плечо, Кристиан сразу выцепил меня взглядом и больше не обращал внимания на мою соседку. – Я не ел, не спал, уговаривал Центральную лечебницу взять тебя на практику...

– Может, еще не поспишь и уговоришь их и на меня, – предложила Эвелина. – Я и тоже буду тебе очень благодарна.

Подруге я рассказала, кому обязана столь замечательным местом практики. Да и сложно было бы скрыть – сам благодетель явно не собирался скрываться. Эвелина немного расстроилась, что успела испортить с ним отношения, а так на практике были бы вдвоем. Но я сильно засомневалась, что Кристиан стал бы хлопотать еще о ком-нибудь, что он сразу и подтвердил:

– Увы, на две благодарности меня не хватит.

– А так было бы хорошо... – протянула я. – Она целует тебя в правую щеку, а я в левую. Или наоборот. На твой выбор.

– Если на мой, то только ты и у меня дома. И не сюда.

Он потер щеку, кожа на которой казалась столь гладкой, что не возникало ни малейшего сомнения – Кристиан тщательно побрился, чтобы ничто не омрачило наш первый поцелуй, если, конечно, это действие можно так назвать.

– Увы, твой выбор ограничивается правой или левой щекой.

– И как мне обделить одну из них? Это будет несправедливо по отношению ко второй...

– Давай тогда отложим мою благодарность до того времени, когда ты сможешь решить, какая щека останется обделенной?

– Фридерика...

Он посмотрел столь укоризненно, что мне стало даже чуть-чуть стыдно. В конце концов, не так уж много он хочет, можно уделить внимание и второй щеке, тем более что побриты они обе. А если он еще поможет подруге...

– И все же, Кристиан, если я очень-очень попрошу за Лину?

– Увы, я ничем не помогу. – Имитация расстройства не удалась, пусть приятель и очень старался. – Я договаривался о месте для своей невесты. Как понимаешь, двух невест у меня быть не может, такое уж у нас неправильное законодательство.

Он выразительно вздохнул.

– Когда это я стала твоей невестой? – возмутилась я.

– Я с расчетом на будущее. – Кристиан подмигнул. – Будем ежедневно вместе ходить туда и оттуда, вот и придем в нужном направлении.

Ага, в Храм. Слышали уже. Но если другой возможности попасть в Центральную лечебницу нет, можно и побыть недолго невестой Кристиана. Проблемы появились бы, проси он за жену, а так – невеста окажется временной, и ничего в этом страшного не будет.

– Тогда бы хоть договорился на пораньше, – вздохнула я. – А то целых полтора месяца ждать...

И волноваться, что если за эти полтора месяца Кристиан вдруг решит, что я уже не его невеста, придется срочно искать другое место практики. Это маловероятно, но все же...

– Не могу же я договариваться на то время, когда меня не будет в Гаэрре. – Ему все-таки удалось меня обнять. – Эвелина, золотце, не могла бы ты отвернуться, а еще лучше – выйти, а то Фридерика стесняется при тебе проявлять чувства.

Эвелина выразительно фыркнула и не подумала отвернуться. Пришлось при ней звонко чмокнуть Кристиана в щеку. При свидетелях даже надежнее – не появится у некоторых соблазна сказать, что я обещание не выполнила или выполнила не полностью.

– И все? – трагически спросил он.

– Конечно, все, – уверенно ответила Эвелина. – Если рассчитывал на что-то еще, то зря. Что я, Рику не знаю?

– Все, – подтвердила я.

Я поднырнула под его руку, чтобы получить наконец свободу, и в который раз подумала, что со мной что-то не то, если меня обнимает симпатичный инор, а я не испытываю ровным счетом ничего, кроме желания, чтобы эти объятия как можно скорее закончились. А уж при мысли, что они могут перейти в нечто большее, вообще становилось не по себе. Уверенность Кристиана в нашем совместном счастливом будущем скорее пугала, чем вдохновляла. Для меня он был другом, и только, и отсутствие обязательств перед ним меня полностью устраивало.

– Эх, а я-то надеялся, – вздохнул Кристиан, делая вид, что вовсе не обижен моей холодностью. – Фридерика, приглашаю на ужин в честь практики.

Отказывать просто так не хотелось. За помощь я ему очень признательна, а ужин – это не дополнительный поцелуй, на который Кристиан, кажется, и не претендует. Хотя это он сейчас не претендует, а что там будет после ужина – не скажет и он сам.

– У нас на завтра столько еще не сделано... – неуверенно протянула я. – А если не сдавать вовремя, до практики не доучишься.

– И это говорит та, кто успевает учиться и за себя, и за Штрауб. Какой-то короткий ужин ни на что не повлияет, – он укоризненно посмотрел и, воспользовавшись моей нерешительностью, потянул на выход.

– Если ненадолго, – сдалась я окончательно.

Кристиан заверил, что ненадолго, но ужин затянулся, и в общежитие мы возвращались, когда уже совсем стемнело. Возможно, мой поклонник на это и рассчитывал, попытавшись дополучить в темноте перед входом в общежитие еще один поцелуй, теперь уже настоящий. Я привычно увернулась и попыталась уйти, но Кристиан не дал.

– Фридерика, со смерти твоей сестры прошел год, – неожиданно сказал он. – Пора оставить все это в прошлом.

– Что оставить в прошлом? – растерялась я. – Память о сестре?

– То, что не дает тебе нормально жить. Уверен, ты боишься, что все закончится так же.

– Глупости! – я ужасно разозлилась.

Когда умерла сестра, Кристиан меня очень поддержал, но это не давало ему права на такие разговоры. Пожалуй, он единственный оказался в курсе мельчайших подробностей, поскольку вел почти все переговоры с Сыском и организовывал похороны. А теперь явно намекал на официальную версию смерти – покончила с собой из-за несчастной любви. «Временное умопомешательство, – заявил дознаватель. – Бывает». Но я не верила ни тогда, ни сейчас. Слишком сильной была Марта, чтобы просто так расстаться с жизнью. Но чужой ауры не зафиксировали, магического воздействия тоже, посему решили, что из окна она вышла сама. Иногда я перечитывала ее письма, по ним было очень заметно, что что-то сестру сильно угнетало, и чем дальше – тем больше. Ее увольнение и отъезд из Траттена напоминали бегство. А ведь если бежишь, то не для того, чтобы снять номер в Гаэрре и умереть? Мои доводы в Сыске в расчет не приняли – в письмах не было ничего конкретного, а поговорить я с сестрой не успела. Даже о том, что она в столице, узнала от Сыска.

– Конечно, глупости, – раздосадовано ответил Кристиан. – Фридерика, я столько побегал ради твоей практики, а ты меня даже не поцелуешь?

После этого заявления Центральная гаэррская лечебница стала намного менее привлекательной. Я не просила Кристиана о помощи, поэтому не собиралась оплачивать выставаемый счет, который вырос уже за этот день, а за время до практики мог увеличиться до невероятных размеров.

- Я тебя уже поцеловала, - холодно напомнила я. - Если забыл, Эвелина напомнит.
- Ты такая красивая, когда злишься.

Но меня комплимент не успокоил. Любой намек на смерть сестры выводил меня из равновесия, и надолго выводил.

- Спокойной ночи, Кристиан.

Я была уверена, что он не пойдет провожать до комнаты. Так и получилось: Кристиан разочарованно бросил вслед слова прощания и ушел, по-видимому, решив, что Эвелины ему на сегодня предостаточно. Я было обрадовалась, но рано. В комнате ожидал сюрприз в лице Штрауб. Да еще и в компании военного мага, весьма довольного ее соседством. А вот Эвелина выглядела взвинченной до предела. И то сказать, Штрауб кого хочешь доведет за пять минут непрекращающейся болтовни, а они сидели здесь явно больше, на что указывала пустая коробка из кондитерской.

- Фридерика, наконец-то! - возопила Эвелина.

- А мы уже заждались, - вторила ей Штрауб. - Сидим час, не меньше! Можно подумать, у меня других дел нет, как тебя ждать.

Ее другое дело встало со стула, вежливо поздоровалось и уставилось на меня так, словно ничего прекраснее раньше не видело. Штрауб его представлять не стала. Думаю, не потому, что он - лицо временное в ее жизни, а потому, что мы с Эвелиной для нее были не слишком значимыми персонами.

- Могла бы не ждать. Неужели до завтра не терпело? Или даже до послезавтра?

Я ответила куда более резко, чем обычно в разговоре со Штрауб. Очень уж меня разозлили намеки Кристиана. Одноруппница чуть возмущенно приподнялась на стуле, но потом плюхнулась назад. Видно, слова для ответа оказалось слишком сложно подобрать, а шпаргалки под рукой не нашлось. Ее спутник продолжал смотреть на меня, не обращая внимания на затруднения своей дамы.

- Инорита чем-то расстроена?

- У инориты в планах было позаниматься, а не принимать гостей.

- Возможно, мы как-то компенсируем неудобство?

- Вряд ли.

Я подумала, что он не виноват в моем плохом настроении, и попыталась смягчить ответ улыбкой. Но это не понравилось уже Штрауб.

- Рильке! - отмерла она. - Не флиртуй с Артуром!

- Очень приятно, Артур Кремер, - церемонно поклонился тот. - Леди Штрауб забыла нас друг другу представить, но ее можно понять - она слишком расстроена.

- Расстроена - не то слово, - мрачно заметила его дама. - Я раздавлена. У моего отца точно что-то не то с головой.

- Не думаю, что с такими проблемами он бы оставался на своей должности, - ехидно заметила Эвелина.

- А тебя вообще кто-то спрашивает? - взъярилась Штрауб.

Эвелина ответила ей не менее злым взглядом. Похоже, кавалер Ульрики до моего прихода проявлял галантность по отношению к моей соседке, что не понравилось им обеим. Накаленная до предела обстановка в комнате грозила взорваться в любой момент чем-нибудь нехорошим. Этого допускать нельзя: в моем положении не разбрасываются дополнительными источниками финансирования. А если Штрауб так долго меня ждала, наверняка хочет, чтобы я опять что-то за нее сделала.

- И что не могло подождать до завтра? - решила я положить конец бесконечным разговорам непонятно о чем. - Может, Ульрика, все-таки расскажешь, зачем пришла. Желательно коротко, в нескольких словах.

– У меня к тебе выгодное предложение. Я хочу, чтобы ты вместо меня поехала на практику.

Я опешила. Эвелина фыркнула, с трудом сдерживая смех.

– Как ты себе это представляешь?

– Что такого сложного? – раздраженно спросила Штрауб. – Берешь мое направление и едешь в Траттен. Там представляешься мной. Отрабатываешь, подписываешь и возвращаешься в Гаэрру, где я тебе выплачиваю круглую сумму. Не мне же тащиться в эту дыру? У меня совсем другие планы.

Боюсь, планы лорда Штрауба сильно отличаются от планов его дочери, а вставать у него на дороге чревато. Даже за очень круглую сумму. К тому же слово «Траттен» вызывало у меня столь сильное отвращение, что его невозможно перебить никакими деньгами. Траттен отнял у меня последнего близкого человека.

– Тебя не смущает, что мы совсем непохожи?

– Да, Ульрика, боюсь, инорита слишком яркая личность, – некстати влез маг. – Ты блондинка, она – рыжая.

Штрауб мрачно посмотрела на меня, потом – на него, и буркнула:

– Перекрасим.

– Нет, – отрезала я. – Ни перекрашиваться, ни ехать в Траттен я не собираюсь.

– Ехать и не придется, я оплачу телепорт. Туда и обратно, – продолжала уговаривать Штрауб. – Пару платьев подброшу. Из своих старых, конечно. Новые в этой дыре все равно показывать некому.

– Дорогая, у тебя формы намного пышнее, чем у инориты, – заметил маг. – Сразу будет заметно, что платье чужое.

Штрауб наверняка хотела сказать: «Подложит в нужных местах», но наткнулась на мой злой взгляд и промолчала. И то сказать – слишком много было этих нужных мест, здесь не подкладывать нужно, а обматываться, и не факт, что на это хватит одного одеяла.

– Можно не перекрашиваться, а иллюзию сделать, – предложила Штрауб, – а платья, так и быть, оплачу новые.

– Иллюзию точно не стоит. То, что она есть, заметят сразу. А это очень подозрительно, – маг отметал идеи на лету, не давая подруге ни на чем настоять.

– И доложат лорду Штраубу. Ульрика, с чего ты взяла, что тебя оставят там без наблюдения?

– Что я, папу не знаю? – отмахнулась она. – Наверняка отправит в Траттен письмо с просьбой присмотреть за дочерью. Кто из телепорта выйдет – за тем и присмотрят.

– А то, что в Гаэрре в телепорт войдет другая, ему без разницы?

– Это Артур берет на себя.

– Да, для меня не составит труда создать сложную иллюзию, которую мало кто сможет выявить. Инорита, мы все продумали. Вам остается только сказать «да» и получить деньги.

– Боюсь, что деньги мне нужны не настолько. Почему бы вам не пойти со столь замечательной идеей к другой?

– По двум причинам, – Артур успокаивающе положил руку на плечо явно разозлившейся Штрауб. – Из вашей группы вы единственная проходите практику позже. И Ульрика считает вас надежным партнером. Инорита, вы столько уже для нее сделали...

И тут он назвал сумму. Эвелина охнула. Я несколько растерялась от неожиданности и даже начала прикидывать, куда потратила бы такую кучу денег, но быстро пришла в себя и отрицательно pokrutila головой.

– Если для тебя принципиален цвет волос, могу перекраситься я, – выпалила Ульрика. – Тогда появление рыжей леди Штрауб никого не удивит. Скажешь, что новая столичная мода.

Маг с сомнением на нее глянул. Мне тоже показалось, что рыжие волосы Штрауб не пойдут, ведь с ними цвет лица и бровей не меняется. Но одноклассница не ограничилась столь диким предложением.

– Фридерика, я не уйду без твоего согласия. Даже аванс готова выдать прямо сейчас.

Она сидела на стуле каменной глыбой с таким видом, что было понятно – никуда не уйдет, пока я не отвечу «да». Штрауб привыкла получать все, что хотела. Сейчас она хотела Кремера и не хотела Траттен. Я тоже не хотела Траттен, но возможно, поездка туда действительно поможет успокоиться? Наверняка это обычный провинциальный городок, не отличающийся от любого другого. Ничего от Марты там уже давно не осталось...

– Соглашайся, – внезапно сказала Эвелина. – Тебе давно нужны новые туфли. Собиралась же летом подрабатывать. Где тебе еще столько заплатят? А так лето разбивается, место сложней найти. И Кристиан, опять же, не будет надоедать.

– Положим, он и так не надоедал бы. Сказал, что в Гаэрре в это время не будет, поэтому практику и поставили позже.

– При чем тут Кристиан? – буркнула Штрауб. – Что ты решила?

– Меня очень смущают два вопроса, Ульрика. Первый – твой отец. И второе – я не уверена, что смогу отыграть роль знатной дамы.

– Да что там отыгрывать? – удивился Артур. – Все спишется на воспитание, столицу или личностные особенности. В случае чего посмотрите этак презрительно на собеседника и проведите ответ сквозь зубы. А лорд Штрауб если на кого и разозлится, то уж точно не на наемного работника. Если на то пошло, то я рискую намного больше.

– Вы же связаны магической клятвой? – заинтересовалась Эвелина. – И как собираетесь обходить?

– А что там обходить? Я не наношу ущерба ни Гарму, ни правящему дому, – усмехнулся он.

– Это смотря с какой стороны посмотреть, – не согласилась подруга. – Вы способствуете появлению целителя, не очень-то и компетентного, честно говоря. И весьма опасного для окружающих.

– Я вас умоляю! – расхохотался Кремер. – С чего вы взяли, что Ульрика возьмется кого-то лечить?

– Я же не дура, – подтвердила обсуждаемая особа. – Это папочкина блажь – меня сюда засунуть. Из меня целитель как... – она покосилась на спутника и продолжила явно не так, как собиралась: – Никакой из меня целитель. И в Траттене мне делать нечего. Уж там я точно могу кому-нибудь навредить. Так что, Фридерика, своим согласием ты, возможно, еще и спасаешь чью-то жизнь.

– Хорошо, – решила я. – На в случае чего отвечать перед лордом Штраубом будете сами, я никого покрывать не стану.

Глава 5 Гюнтер

Знакомство с сослуживцами удалось. Посидели прекрасно, почти сроднились. А вот полковника не пригласили наверняка зря, потому что он с самого утра вызвал меня к себе и был злой как орк, нет как боевой десяток орков в полном облачении, встретивший одинокого гармского разведчика. Во всяком случае, под его тяжелым взглядом сразу захотелось выстроить пару защитных заклинаний.

– Капитан Штаден, объясните, почему мое утро начинается с жалобы градоначальника, – холодно потребовал полковник.

– Каждое? – уточнил я.

На всякий случай. Хотя был уверен, что жаловались на маленький фейерверк, устроенный мной с Бруном. Нужно же было определить, чья шаровая молния летит дальше, а потом разлетается красивее? Молнии отправляли в небо, никто не пострадал, напротив, мы обеспечили городу прекрасное ночное зрелище и тему для разговоров на ближайшую неделю. Возможно, нужно было поставить полог тишины, но в попытке выяснить истину этим никто не озаботился. Да и не было бы тогда зрелище столь впечатляющим.

– Шутить изволите, капитан? Утром посыльный принес запрос из ратуши, с требованием пояснить, с чем связаны ночные беспорядки. Шум вы устроили изрядный. Ответить, что отбивали орочь нападение, не получится – с неба орки к нам пока не падали. Да и тихо на границе с ними.

– Акция устрашения потенциального противника? – предложил я.

Полковник неожиданно одобрительно хмыкнул.

– Так и ответил, – усмехнулся он. – На что из ратуши уточнили, не считаем ли мы потенциальным противником местных жителей, которых напугали значительно больше, чем каких-то мифических орков, которые если и приближались, то в ратуше об этом почему-то не знают.

– Угрозы жизни и здоровью жителей города не было, – твердо заявил я. – Действие было под контролем.

Я даже помнил почти все. А мелкие детали, напрочь выпавшие из памяти, не в счет. Например, я так и не выяснил, куда делся стол из снятой квартиры, а посему понятия не имел, как буду объясняться с инорой, собственность которой загадочным образом исчезла.

– Под контролем... – полковник явно усомнился в моих словах. – Капитан Штаден, с вашим уровнем Дара магию нужно постоянно держать под контролем, пьянство этому не способствует.

– Вчера я выпил совсем немного, исключительно для знакомства с новыми сослуживцами.

– И для знакомства же вы левитировали в гарнизон обеденный стол с двумя лейтенантами на нем?

Возникшие чувства были смешанными. Радовало, что стол нашелся и не придется объясняться с владелицей. Если, конечно, его быстро вернуть на место и он не сильно пострадал. Печалило, что столь интересное событие напрочь испарилось из памяти.

– Увы, троих я уже не могу – слишком сильны энергозатраты, расстояние опять же большое, да и маршрут рассчитывать сложно.

– Расчет у вас и так не получился, – припечатал полковник. – Стол врезался в казарму и эту ночь оба лейтенанта провели у целителя, чем тот был не слишком доволен. А ведь я предупреждал вас о загрузке нашего целительского пункта.

– Лейтенанты сильно пострадали?

Спросил я больше для проформы. Если бы пострадали сильно, полковник бы сейчас рвал и метал. Причем в прямом смысле этих слов: рвал все, что полегче, и метал все, что потяжелее. А так он был довольно спокоен, что сильно настораживало. Такое затишье обычно бывает перед бурей, и намного более серьезной, чем обычное срывание злости на подчиненных.

– Не особо, – подтвердил мои мысли начальник.

– А стол?

– На кухне найдут применение. Для некоторых блюд живой огонь до сих пор предпочтительнее, а сухие щепки горят замечательно.

– Там был очень хороший крепкий стол, – позволил я себе усомниться, хотя уже появилась уверенность, что радость от возвращения стола оказалась преждевременной.

– Стена в казарме оказалась крепче. И дури у вас, капитан, оказалось предостаточно. А избыток дури появляется когда?

Он выразительно на меня посмотрел, намекая, что пока я ему не отвечу, буду сидеть в кабинете.

– Когда? – обреченно спросил я, уже подозревая, что судьба подбросила очередную неприятность.

– Когда у инора слишком много свободного времени. Нет, капитан, я очень рад, что ваш Дар позволил выиграть соревнование у капитана Бруна, но мой долг повелевает найти применение избытку магии у вас обоих...

Полковник стал перечислять все, что было жизненно необходимо сделать в гарнизоне. Список был полный и очень, очень длинный. Теперь я понимал его удовлетворенность моим проступком: ничего из перечисленного не могло быть вменено ни мне, ни Бруну в должностные обязанности, но попробуй откажись – начальство прикрывает наши задницы от разгневанного бургомистра, а мы проявляем черную неблагодарность? В отместку придумают такие должностные обязанности, что о полковничьей просьбе будешь вспоминать как о доброй неслучившейся сказке.

Я кивал и думал, что зря пошел вчера на поводу у Бруна. Ведь прекрасно помнил его особенность вляпываться на пустом месте в серьезные неприятности. Правда, идея со столом наверняка была не его, поскольку он в расстройстве от проигрыша по дальности и красоте шаровых молний сразу ушел искать утешения в объятьях прекрасной дамы, а остальные отправились отмечать знакомство дальше.

После того как полковник наметил мои жизненные планы на ближайшую неделю, я понял, что исследование Траттена придется отложить на неопределенный срок. С одной стороны, не очень-то это хорошо, с другой – инор Лангеберг не настаивал на срочности выполнения своей «маленькой просьбы».

– Капитан, как вы относитесь к театру? – прервал мои размышления Циммерман.

Я сразу вспомнил рассказ Бруна об увлечении полковника местной певичкой, поэтому ответил не задумываясь:

– Честно говоря, не интересуюсь.

Да, нужно сразу ограничить зону интересов и показать, что полковничья пассия туда не входит. Незачем еще больше обострять отношения с начальством, а то в гарнизоне найдется еще множество дыр, до сих пор не заткнутых магией.

– Странно, а герцогиня Траттенская утверждает, что вы большой ценитель, – протянул Циммерман, недоверчиво глядя.

Надо же, Матильда уже в курсе моего приезда. Быстро здесь разносятся слухи.

– Со временем вкусы меняются, инор полковник. С герцогиней Траттенской мы не встречались очень и очень давно.

И я бы с удовольствием не встречался и дальше. Но похоже, этого не избежать.

– И тем не менее она прислала вам персональное приглашение на ближайший спектакль и сказала, что очень обидится, если вы не придете.

– Уверен, исключительно из чувства вежливости, инор полковник. Наверняка она будет не слишком довольна, если я воспользуюсь приглашением. Видите ли, мы были помолвлены до того, как она решила украсить собой герцогство.

Все равно это скрыть не удастся, да и стоит ли? Настроение и так было средней паршивости, а если полковник еще начнет настаивать на необходимости регулярно посещать местный театр, станет еще хуже.

– Да, может возникнуть неловкость, – согласился полковник. – Тогда я отвечу, что вы сильно заняты, капитан.

Как оказалось, для такого ответа Циммерману врать не пришлось, поскольку он сделал все, чтобы его слова оказались правдой, во всяком случае, на ближайшую неделю. До снятой квартиры я добирался, только чтобы бухнуться в кровать и уснуть. Сил больше ни на что не оставалось, даже на выяснение отношений с квартирной хозяйкой, которая к пропаже имущества отнеслась весьма неодобрительно. Правда, ее заявление об исторической ценности стола удалось опровергнуть, но стоимость пришлось оплатить в пятикратном размере. Дорого нынче обходится доставка сослуживцев...

Дней через пять от тети Эльзы прилетело письмо, полное упреков и сожалений. Очень, очень выразительное письмо. Дражайшая родственница никогда не страдала краткостью речи, а сейчас еще и сильно злилась от невозможности лично добраться до виновника краха грандиозных планов. Добраться и высказать все, что думает, с применением самых тяжелых предметов, которые попадутся под руку. Поэтому в письме она не стеснялась. «Недальновидный идиот» – это было самое скромное выражение ее недовольства. Исписав таким образом два листа, она немного успокоилась и закончила куда более мирно, сообщив, что от неожиданностей никто не застрахован, зла на меня она не держит и будет рада увидеть у себя в гостях. В этом месте я прервал чтение, скептически хмыкнул и подумал, хорошо, что в ближайшие полгода не попаду в Газеру и не придется проверять правдивость этих слов. Не то чтобы я боялся не увернуться, но тетя переволнуется, перебьет кучу посуды и мебели, а потом нажалуется моим родителям, которые очень и очень расстроятся. Особенно мама. Но сейчас, судя по тону письма, тетя не собирается выносить случившегося из узкого круга посвященных, а значит, не сообщит даже моему отцу.

Что действительно обеспокоило, так это скромная приписка в самом конце о том, что тете удалось минимизировать последствия моего проступка и она очень надеется, что больше я ее не расстрою. По всему выходило, что она не только не отказалась от мысли женить меня на леди Штрауб, но и предприняла очередные шаги в этом направлении, которые полагает успешными. И вряд ли речь идет об очередном обеде – не по рангу графу Штраубу гоняться за провинциальными капитанами, чтобы усадить тех за семейный стол. Я немного успокоил себя тем, что в наше время помолвку в отсутствие хотя бы одного заинтересованного лица не заключают и тетя не сделает это от моего имени. Не то чтобы это было для нее нарушением приличий, но лорд Штрауб вряд ли на такое согласится, как бы ему ни хотелось сбить с рук дочурку. Здесь, скорее, нужно ожидать какого-то неприятного сюрприза, который, по замыслу тети, не оставит мне другого выхода, кроме как жениться.

А значит... Значит, Траттен нужно изучить как можно быстрее и тщательнее не только для скорейшего выполнения просьбы инора Лангеберга, но и для необходимости грамотного отступления в случае грядущих неприятностей. Так что к Циммерману я заявил, что у меня почти полное магическое истощение и мне срочно нужен выходной. На успех я не рассчитывал, полковник слушал довольно скептически, но неожиданно согласился.

– Действительно, капитан, вам следует отдохнуть, так как в ближайшее время понадобятся все силы.

Слова благодарности, уже вертевшиеся на языке, не успели вылететь, застряли, поскольку полковник явно на что-то намекал. Надеюсь, не на то, что придется круглосуточно опекать герцогский театр, чтобы там никто не пострадал и ничто не пострадало? Если Матильда прислала персональное приглашение, она на что-то рассчитывала, поэтому вряд ли смирилась с отказом. Мое нежелание принять ее доводы обидело бывшую невесту не до такой степени, чтобы забыть о моем существовании. Уже после свадьбы она несколько раз намекала, что в ее отношении ко мне ничего не изменилось.

– И для чего понадобятся все силы? – осторожно уточнил я. – Неужели все-таки орки зашевелились?

Высказанный вариант мне самому понравился, хотя и был весьма маловероятен: в последнее время отношения со Степью настолько улучшились, что ни о каких внезапных, да и не внезапных тоже, набегах давно не было слышно. Служба стала довольно однообразной и предсказуемой.

– Что вы, капитан? – рассмеялся полковник. – Все ваши силы нужны будут исключительно в

мирных целях. Для защиты. – Значит, все-таки Матильда, орк бы ее побрал. – Видите ли, мой запрос о дополнительном целителе удовлетворили весьма странным образом. Вместо полноценного целителя, присылают студентку на практику, да еще всего лишь после второго курса. – В голове забил набат, сигнализирующий об опасности. Полковник недовольно выдохнул и посмотрел с возмущением, словно в этом виноват не приславший, а я лично. – Представляете, что у нас начнется? Что за дурацкая идея прислать молодую незамужнюю девушку в воинскую часть?

– Так откажитесь. Напомните, что у нас воинская часть, а не полигон для обучения целителей. Кому ее тут обучать? Нашему вечно занятому целителю? И у нее не будет нормальной практики, и у вас дополнительные проблемы. В конце концов, вы можете просто отказаться.

Почему-то я даже не сомневался, кого именно сюда направляют. Роман с певичкой уже не казался столь непривлекательным. Возможно, будет достаточно просто поухаживать и Циммерман решит, что мага со столь сильным Даром, как у меня, глупо держать в маленьком заштатном городишке? Не будут же этой леди Штрауб менять место практики при каждом моем переводе? И тогда она выберет себе жертву из тех, кто на это добровольно согласится?

– Увы, у леди слишком высокопоставленный отец, – мрачно ответил полковник, тем самым подтвердив мои подозрения. – Поэтому отказать не могу. Более того, на все время практики вы отвечаете за ее охрану.

– Простите, инор полковник, но такие обязанности значительно...

Договорить не удалось.

– Капитан, просьба о выделении вас, как самого сильного мага, была высказана таким образом, что проигнорируй ее вы или я – и все, о дальнейшей военной карьере можно смело забыть. – Полковник раздраженно стукнул кулаком по столу. – Поэтому, капитан, никакие отказы не рассматриваются. И вот еще... На время пребывания тут леди Штрауб забудьте о выпивке. Это приказ.

Напиваться с горя я и сам не собирался. Сейчас нужно трезвая голова, а то сам не заметишь, как очутишься в компрометирующей ситуации с ненужной девицей. Уверен, наблюдатели если не от лорда Штрауба, так от дражайшей родственницы будут. Да уж, удружила тетушка. Обложили со всех сторон. Устрой я сейчас что-то подобное тому, что в Газрре, вылечу со службы, на что непрозрачно намекает Циммерман. Что ж, месяц практики, или сколько там она длится у целителей, я выдержу.

Глава 6

Фридерика

По магазинам мы таскались уже битый час, пытаюсь купить сразу все для отыгрыша мной нужной роли. До этого дня у Ульрики находилось множество неотложных дел, настолько неотложных, что и на занятиях она почти не появлялась, сделав исключение только для экзаменов. Я уже даже решила, что она передумала, и обрадовалась.

Но обрадовалась рано. Возможно, одно из неотложных дел напомнило ей о практике, после чего Ульрика вдохновилась и весьма ответственно отнеслась к подготовке замены. Правда, ответственность эта оказалась односторонней и ограничилась только вещами. Покупала она и мне – для роли, и себе – для компенсации неудобств. Неудобства себе она компенсировала очень щедро. Хорошо, что нас сопровождал Кремер, а то подозреваю, всю эту кучу покупок навьючили бы на меня, как на лицо, нанятое для выполнения. А так вереница свертков, пакетов, коробок и коробочек тащилась за военным магом, причем смешным он не выглядел, напротив. Казалось, он почти не прикладывает магических сил, чтобы удерживать эту кучу в воздухе. Ульрика принимала это как должное, я же восхищалась и силой Дара, и умением им управлять. Контролировать одновременно столько разнообразных предметов – это не каждому дано. А ведь при этом Кремер умудрялся еще и вести связную беседу, не забывая одаривать комплиментами не только даму сердца, но и меня. Даму, естественно, чаще, тем более что для этого был повод.

Как ни странно, Ульрика действительно перекрасилась. Что было тому причиной: поддержание легенды или желание привнести что-то новое в свой облик – я не знала, но и не очень-то и хотела спрашивать. Рыжий цвет волос однокласснице не шел, но она поглядывала на себя в попадающиеся зеркала и витрины с явным удовольствием и подбирала новый гардероб уже с оглядкой на новый цвет волос. По всему было видно, что гардероб менялся полностью. Траты Ульрику не смущали – счета прямоком отправлялись к отцу, а он по отношению к единственной дочери не скупился. Суммы меня потрясли. Но только меня. Наверняка то, что мне казалось ужасно дорогим, для семейства Штрауб таковым не являлось. Кремер тоже не проявлял ни малейшего беспокойства при выписывании любовницей чеков. Впрочем, ему-то чего волноваться? Не он же оплачивает. Хотя... Я бросила оценивающий взгляд на все увеличивающуюся кучу – таскать-то приходится ему.

– Думаете, не удержу? – чуть ехидно спросил он, заметив мое внимание.

– Мало ли, – неопределенно ответила я.

Я очень сомневалась, что можно говорить, а что нельзя: ревнивая Ульрика и в самой обычной фразе находила подозрительный подтекст, Кремер же, как казалось, поводов для ревности давал предостаточно и без меня.

– Не волнуйтесь, ничего с вещами не случится.

Он чуть повел плечами, и гора покупок разделилась на несколько волн, которые заходили в разных направлениях, поднимаясь-спускаясь или закручиваясь в спирали, совершенно независимо друг от друга. Кремер явно рисовался передо мной и Ульрике это не понравилось.

– Артур тренированный, – небрежно бросила она и положила руку ему на плечо с явным подчеркиванием собственности. «Мое», и все тут. – Он очень выносливый.

В результате невинная, казалось бы, фраза прозвучала довольно двусмысленно, словно речь шла совсем не о совместных походах по магазинам, в которых Кремер проявил себя столь выдержанно. Я отвела глаза в сторону и порадовалась, что не покраснела, но чуть слышное хмыканье Кремера показало, что уж он-то мое смущение отметил.

Происходящее нравилось все меньше. И навязывание Ульрики в подруги, и подготовка к поездке, и компания военного мага. С каждым днем идея казалась все более дурацкой и провальной. Ужасно хотелось отказаться. Но позволить себе я этого не могла: слишком много денег уже потратила одноклассница. Откажись я сейчас, Ульрика ни за что не вернет вложенные деньги, останется в убытке, а расплатиться я не смогу: для большей достоверности она заказала мне платья там, где заказывала обычно себе, и никакие уговоры ее не остановили. И я взяла все больше и больше.

Одежда и обувь после «операции», как обозвал нашу сделку Кремер, должны были остаться мне. Приходилось утешаться тем, что на ближайшее время вычеркну из списка трат пункт с

одеждой, очень уж дотошно подошла Ульрика к превращению меня в леди Штрауб. Но вся эта одежда была чужой, как и личина, которую предстояло носить ближайший месяц. Личина, в которой прорех было куда больше, чем целых мест. Что если в Траттене окажутся персоны, лично видевшие леди Штрауб? Уж ее отец точно встречался с герцогом. Не факт, конечно, что эти встречи проходили в присутствии дочери, но вероятность знакомства все же довольно велика.

– А если герцоги Траттенские вдруг пригласят леди Штрауб на обед? – мрачно спросила я Ульрику в перерыве между посещения двух галантерейных лавок. Перед этим мы обошли еще пяток. Все они были совершенно одинаковыми, но в каждой Ульрика находила что купить.

– С чего бы? – удивилась она. – Лично мы не встречались, а к кому попало я на обеды не хожу.

Проглотив вертевшееся на кончике языка замечание, что герцогов Траттенских никак нельзя считать кем попало, я продолжила сомневаться в успехе:

– Но ты наверняка лично встречалась с кучей других аристократов. И что если во мне признают самозванку?

– Да ничего, – лениво протянул Кремер. – Инорита, ответите, что проходите практику вместо леди Штрауб и попросите об этом никому не рассказывать.

– И мне поверят?

Я была полна скепсиса. Никакие деньги не стоят вероятности загреметь в Сыск. Пусть даже потом выяснится, что я не покушалась на чужие жизнь и здоровье, но сам факт привлечения не пойдет на пользу моей биографии. Мне не нравилась эта идея, не нравилась Штрауб и не нравился ее навязчивый кавалер. Почему-то начинало казаться, что он таскается сюда уже ради меня, а не ради своей подружки. Пусть он и не позволял себе лишних слов, но взгляды... взгляды у него были вполне красноречивые. Но на взгляды жаловаться не принято, да и кидал он их тогда, когда считал, что любовница не видит.

– Почему не поверят? Тем более что всегда смогут обратиться ко мне за подтверждением, я часто буду приезжать.

Новость не порадовала. Я посмотрела на его довольно улыбавшееся лицо, перевела взгляд на Штрауб, она тоже не выглядела обеспокоенной. Значит, уже договорились о чем-то.

– Зачем это?

– Так у нас же роман, – хохотнул он и подмигнул. Мне.

– У кого роман?

Появление Кристиана оказалось неожиданным и очень неприятным. Вот уж кто точно не должен ничего узнать. Я даже не сомневалась, что приятель будет неприлично хохотать, – не зря же в шутку намекал на возможность отработки практики за Штрауб. Но это не самое страшное, больше я боялась, что он поедет в Траттен и уже там непременно меня выдаст. Да, он намекал на какие-то загадочные дела, не позволяющие оставаться в этом месяце в Гаэрре, но это не значит, что они не будут вблизи Траттена. Чтобы Кристиан упустил такое развлечение? Да никогда, он получит удовольствие по полной, раз уж меня получить не может. И тогда все непременно раскроется. Не тот он инор, кто хоть что-то удержит в секрете. Пока что, кроме нас троих, о готовящейся подмене знала только Эвелина, но за нее я спокойна – она никому не расскажет. А вот Кристиан... Кристиан иной раз ставил свое чувство юмора выше чувств окружающих.

– У леди Штрауб и капитана Кремера, – на всякий случай пояснила я.

Кремер снисходительно кивнул, а Ульрика уставилась на Кристиана так, словно роман с военным магом был лишь прелюдией к роману с талантливым алхимиком. Похоже, она не возражала заменить одного кавалера на другого. В конце концов, должно же быть какое-то разнообразие в жизни? Нельзя же ограничиваться одними военными, нужно иметь возможность для сравнения. Это столь явно нарисовалось на лице Ульрики, что Кристиан торопливо подхватил меня под локоть, тем самым показывая, что уже занят, и, вежливо улыбаясь, заявил:

– В таком случае, Фридерика, с нашей стороны просто неприлично мешать этим прекрасным молодым людям.

– Вы нам вовсе не мешаете, – воодушевилась Ульрика, отчаянно стреляя глазами в нового кавалера. – В компании всегда интереснее. Не желаете присоединиться?

Кристиан выразительно обвел глазами гору покупок за Кремером.

– Боюсь, у меня нет нужных талантов по транспортировке грузов, как у некоторых доблестных военных.

Слова его прозвучали несколько издевательски, с явным желанием уязвить соперника, хотя, как мне показалось, Кремер при нем не проявил ни малейшей заинтересованности во мне. Возможно, Кристиан подошел не сразу, а некоторое время наблюдал за нашей компанией? Тогда его ревность оправдана, но не услышал ли он чего ненужного?

– Не хватает Дара? – усмехнулся Кремер. Этак неприятно усмехнулся, тоже явно с целью досадить сопернику.

– У меня? – Чуть пренебрежительно уточнил Кристиан. – Дара у меня хватает. Не хватает желания быть использованным. Для этого, – он кивнул на свертки, – есть посыльные.

– Посыльные – неинтересно, – надула губки Ульрика. Глаза ее заблестели: ей явно показалось, что соревнование идет из-за нее. – Они ни за что не смогут столь эффектно перемещать вещи. Мне нравится, когда за мной тащится такая куча всякой всячины.

Она удовлетворенно посмотрела на покупки, потом – на иноров, стоящих рядом. Не иначе как в надежде, что за ней теперь будут тащиться оба. Кристиан заинтересованности не выказал, но Ульрика так быстро не сдавалась.

– А не посидеть ли нам в кафе? – родилась в ее голове мысль. – Все эти походы по магазинам так утомительны.

– Конечно, силы надо восстанавливать, – с готовностью подхватил Кремер и подал руки: одну Ульрике, одну мне.

Воспользоваться его любезностью желания не было, да и будь оно – ничего бы не получилось: Кристиан влез между нами и с собственническим видом ухватил меня за руку.

– Увы, леди Штрауб, нам надо торопиться. Я и так потратил столько времени, чтобы разыскать Фридрику. Да и вам наверняка лучше будет вдвоем, без посторонних наблюдателей. А ну как роман разовьется не в том направлении?

Последнее он договаривал уже на расстоянии. Значительном расстоянии, таком, чтобы слова не долетели до ушей обсуждаемой пары.

– И зачем ты меня искал?

– Нет уж, ты мне сначала скажи, что ты делала в этой компании? – раздраженно буркнул он. – Что у тебя с этим типом?

Я опешила. Мало того, что у меня с Кремером ничего нет и быть не может, так и Кристиан не имеет никакого права задавать подобные вопросы. Хотела об этом сказать, но подозрение, что он что-то услышал из разговора о планирующейся подмене, никуда не делось.

– У меня? С ним? Скорее, у тебя с Ульрикой, – перешла я в нападение. – Она сегодня только о тебе и говорила, а когда ты пришел, так еще и сразу вешаться на тебя стала. Ты точно искал меня, а не ее? Кремер с нами был явно для отвода глаз.

– А ты?

– Во мне Ульрика тоже не слишком нуждалась. А вот твой уход ее очень расстроил, она явно рассчитывала на что-то. Наверняка ты при прошлой встрече дал понять, что не против заменить надоевшего капитана.

– Не выдумывай...

Кристиан выглядел скорее польщенным, чем расстроенным, и я забеспокоилась, не переусердствовала ли. Уже очень получившаяся сцена напоминала проявление ревности. Но сейчас главное – отвлечь, о возможных последствиях подумаю потом.

– А с чего, по-твоему, она меня вдруг потащила по магазинам? Из доброты душевной? Ульрика

ничего не делает просто так. Значит, ей что-то от меня надо, и это что-то – ты.

– Я не что-то, – возмутился Кристиан, – я – кто-то.

– Ульрике это без разницы. Главное – ты дал ей повод.

Посчитав, что я направила его мысли в нужную сторону, я развернулась не прощаясь. Но Кристиан уйти не дал.

– Фридерика, я тебя не просто так искал. Мне нужно срочно уезжать, причем надолго – месяца на полтора. Думал, позже удастся, но не получилось, – мрачно сообщил он. – Сама понимаешь, оставлять тебя в компании... вьючных мулов никак не хочется.

На вьючного мула Кремер не походил, Ульрика с абы кем не связалась бы. Высокий, стройный, красивый, но было в нем нечто, делающее его компанию для меня не слишком приятной, так что из-за него Кристиан мог не волноваться.

– Кремер мне не нравится, – усмехнулась я.

– А Штрауб – мне, – радостно сообщил Кристиан. – Может, поцелуемся в честь столь знаменательного совпадения? И мне спокойнее будет уезжать.

Разговор свернул в привычном направлении, уже без опасных подводных рифов в лице Штрауб и Кремера, так что я почти успокоилась. То, что Кристиан не предлагал срочно идти в Храм, обнадеживало, но целоваться с ним я все равно отказалась. Правда, на прощание чмокнула в обделенную ранее щеку, и Кристиан уехал почти счастливым.

О том, что я сама уезжаю в Траттен через неделю, я ему предусмотрительно не сказала. И не потому, что боялась, что он расстроится и никуда не поедет, а потому что в глубине души теплилась надежда, что что-то случится и не придется ни ехать в Траттен, ни играть роль леди Штрауб.

Глава 7 Гюнтер

– Капитан, представляйте, что сидите в засаде, – утешающе предложил Циммерман. – Вы же понимаете, как только леди Штрауб появится в Траттене, мы отвечаем за нее головой. А когда она появится – неизвестно. Потренируете выдержку и наблюдательность.

От таких тренировок толку нет и быть не может, на что я полковнику, естественно, указывать не стал, да он и сам это прекрасно понимал, судя по тому, как старательно смотрел мимо меня.

– Прислали бы ее сразу сюда, – мрачно ответил я.

– Капитан, вы неправы. Конечно, нам было бы проще, если бы использовали наш телепорт, но в этом случае найдутся те, кто заявит: через военные телепорты не должны проходить гражданские лица, кроме как по специальному направлению короны. Не думаю, что лорду Штраубу нужны слухи, что он использует свое положение.

– Можно подумать, он не использует.

Отвратительное настроение подогревало еще и полученное вчера очередное письмо от тети Эльзы, в котором она удивлялась, что я до сих пор не поблагодарил за заботу. За то, как удачно получилось выгородить меня с моими неподобающими развлечениями перед лордом Штраубом. В каждой строке сквозила горькая обида на невоспитанность и неблагодарность «любимого племянника», но это не помешало тетушке напомнить, что леди Штрауб вот-вот приедет и отсюда должна уехать уже помолвленной. И не абы с кем, разумеется, а со мной. Фраза «Я уверена, вы сразу влюбитесь друг в друга», подчеркнутая три раза, звучала скорее как угроза, чем как предпочтительная вероятность.

– Армии нужны целители, – напомнил Циммерман, не слишком довольный напомнил. – И я запрашивал в ведомстве. Со стороны лорда Штрауба это выглядит почти жертвой, а вовсе не использованием положения. Ради нужд армии единственную дочь на практику отправляет на границу с орками...

Циммерман неодобрительно откашлялся, всем своим видом показывая, что уж если бы у него была единственная дочь, то никаких границ и гарнизонов. Трое детей самого полковника были пола мужского и, как я успел заметить, довольно хулиганистые, так что не одобрял полковник исключительно воспитание чужих детей.

– До орков сравнительно далеко, – заметил я, испытав даже некоторое сожаление при этих словах.

На границе есть хоть мелкие, но стычки, что намного интереснее, чем охранять девицу, все достоинства которой – высокопоставленный папаша.

– Штрауб-то знает, что отправляет в спокойное место, но для обывателей мы под боком у орков. Для них орки стоят лагерем прямо под стенами города, – не согласился полковник. – Можно сказать, только на вас вся надежда.

– Не волнуйтесь, инор полковник, от всех встреченных орков я ее непременно защищу.

Он хохотнул, но мне было не до смеха. Кто бы меня самого защитил от леди Штрауб? Желания жениться на ней от многочисленных тетиных писем не появилось, напротив – эта леди вызвала уже столько отвращения, что даже если вдруг окажется, что вся она состоит из одних достоинств, в моем отношении к ней не изменится ровным счетом ничего.

– И... Не для разглашения, капитан, если судить по той информации, что пришла о леди Штрауб от... нескольких независимых источников, – Циммерман помялся, наверняка подбирая приличные выражения, потом все же выдал: – это орков нужно от нее защищать, а не наоборот. Очень любвеобильная особа... Так что поосторожней с ней. Лорд Штрауб не простит, если вдруг что...

Я и сам прекрасно понимал, что если вдруг что, отправят прямиком в Храм и возражений слушать не будут, но начальство вежливо поблагодарил:

– Спасибо за предупреждение, инор полковник.

– Ладно, капитан, идите.

Полковник милостиво кивнул, словно сделал огромное одолжение, поделившись ценной информацией от «независимых источников». В сложившейся ситуации радовало одно: «источники» не поделились причиной, по которой леди Штрауб отправляют именно в Траттен, а то Циммерман был бы не так ко мне расположен. Никто не любит подчиненных, создающих лишние проблемы.

Точное время прибытия леди было неизвестно, но как только она попадает в этот город, сразу должна поступить под гарнизонную охрану. Поэтому после разговора с полковником я засел в стратегическом месте – зале ожидания Траттенского телепортационного пункта – и постарался сделать это со всеми удобствами, пусть их было не так уж и много: жесткий стул, поскрипывающий при каждом движении, дрянной кофе, принесенный из ближайшего кафе, и лениво-игривая беседа с телепортисткой, не слишком занятой на рабочем месте.

Правильно отметил Брун – тоска здесь смертная. Предположение инора Лангеберга пока не подтвердилось, но я и не осмотрел весь город. Времени не хватило, а теперь его совсем не будет. Осталось несколько секторов, в том числе и примыкающий к герцогскому особняку. Тащиться туда желания не было, но в любом случае придется: и осмотреть надо, и Матильда не оставила идеи заманить меня на один из своих любительских спектаклей. Циммерман пока успешно прикрывал, но на сколько его еще хватит? И как прикажете обследовать Траттен с балластом в лице леди Штрауб? Приглашать ее на прогулки по городу? Совмещать, так сказать, полезное с приятным. Правда, встанет вопрос, что считать приятным, поэтому, скорее, полезное с полезным. При мысли о близящейся леди Штрауб кофе показался еще противнее. У меня полно дел, и все их приходится откладывать ради девицы, которой приспичило прикрыть свои грешки браком. Орк бы побрал эту леди! Не могла она выбрать кого-нибудь другого?

К четвертой чашке появилось опасение, что «в засаде» придется просидеть до вечера (вдруг как утро леди Штрауб начинается намного позже моего?). Отсюда телепортом отправились пока двое, а сигнал приема загорался трижды. Однако, не слишком посещаем траттенский пункт. Беседа, и без того не особо оживленная, прерывалась на полуслове, поскольку телепортистка приступала к своим прямым обязанностям, торопливо нажимала на кристалл приема, а я с ожиданием смотрел на радужную пленку. Но нужной визитерши не было. Я уж начал подумывать, не заказать ли обед, остановила лишь уверенность, что в месте, где готовят столь отвратный кофе, вряд ли можно хорошо поесть.

От очередного срабатывания телепорта я уже ничего не ожидал, как вдруг к нам вывалились рыжая девица и... Кремер? Надо же, неужели недоисследовал? Но само его появление однозначно указывало, что ожидание закончилось, поэтому я с облегчением отставил недопитую чашку и подскочил с изрядно надоевшего стула.

– Леди Штрауб?

Уточнил я на всякий случай, а то мало ли, вдруг заключение ошибочно. Тетя, написавшая «девушка полностью в твоём вкусе», не удосужилась больше ничего сообщить о внешности желаемой невесты, полковник почему-то не выдал ни ориентировки, ни самого завалещающего портрета. Присутствие Кремера тоже не могло служить гарантией.

– Да?

Девушка столь резко развернулась, что взметнулись не только локоны, выбившиеся из причёски, но и подол юбки, хлестнувший Кремера по ногам. Пожалуй, она взведена до предела. С кавалером поругались? Выглядела как встопорщенный котенок, который сам напуган, но не убегает, а пытается напугать напугавшего. Но Кремер котят не боится: вон как элегантно подхватил под локоть и зафиксировал руку.

– Штаден? Что ты тут забыл? – недовольно спросил он.

К чему относилось его недовольство: ко мне или к девушке, которая сразу попыталась освободиться, – было непонятно, но я на всякий случай дружески улыбнулся и ответил:

– По приказу командования встречаю леди Штрауб.

– Это лишнее. Я провожу Ульрику и помогу ей устроиться. Можешь не волноваться.

– Спасибо, но не стоит, – девушке удалось вырваться и теперь она пыталась отобрать у провожающего чемодан. – Капитан, столь любезно меня встретивший, непременно справится с этой непростой задачей и без вашей помощи, капитан Кремер.

Кремер отдавать чемодан не торопился, всем своим видом показывая, что хрупким девушкам незачем таскать тяжести, когда рядом есть он. Меня ее желание отобрать чемодан у Кремера беспокоило. Во-первых, тогда тяжести придется нести уже мне, а во-вторых, желание всучить свой чемодан говорило не только о том, что леди прекрасно поняла, кто ее встречает, но и положительно относится к возможности брака между нами. Иначе зачем ругаться с любовником и отсылать его, не отходя от телепорта? Нет, нужно сразу четко определить границы, пусть не рассчитывает на меня, если у нее уже есть такой прекрасный Кремер, полный магических сил.

- Не могу не волноваться. Это приказ полковника. Но я уверен, что леди не будет возражать, если ты донесешь ее чемодан.
- Буду возражать. Я могу донести свой чемодан сама, - неожиданно ответила леди Штрауб.
- Дорогая, мне в удовольствие тебе помочь, - Кремер опять попытался взять девушку под руку.
- Я не нуждаюсь в вашей помощи.
- Ульрика, не надо ставить окружающих в известность о нашей маленькой размолвке.

Окружающим размолвку было весьма сложно не заметить, поскольку серые глаза леди Штрауб метали молнии, словно она училась не на целителя, а на боевого мага. Если бы молнии были настоящие, от моего сокурсника осталась бы только маленькая кучка пепла на полу. Но, возможно, леди просто боялась задеть чемодан, который явно ей был много дороже поклонника? Вон как беспокоится.

- Значит, чемодан вы не отдадите?
- Нет, дорогая, я не могу позволить...

Что он не может позволить, я так и не узнал, поскольку леди Штрауб резко от него отвернулась и подошла ко мне.

- Отберите у него чемодан, капитан...
- Штаден, - подсказал я не без насмешки. Меня этой глупой сценой не убедишь. Вряд ли ее не известили, ради кого отправили в эту глушь. - Леди Штрауб, я отвечаю за вашу безопасность, поэтому мне будет спокойнее, если чемодан понесет кто-нибудь другой. Вы же не думаете, что Артур похитит ваши вещи и скроется с ними в неизвестном направлении?

Молнии теперь метались в меня, но я лишь вежливо улыбнулся и предложил руку.

- Эй, Штаден, - угрожающе рыкнул Кремер, - леди Штрауб и я...
- Совершенно посторонние друг другу, - зло заявила упомянутая леди и взяла меня под руку. - А и скроется, переживу, лишь бы больше никогда не видеть. Вы говорили, меня встречаете?

Я бросил извиняющий взгляд на Кремера. Не знаю, какая уж между ними пробежала кошка, но его подружка явно не собиралась мириться. Моим же жизненным планам разрушение этой парочки сильно мешало. Все же насколько проще будет пояснить тете, что я никак не мог отбивать невесту у практически боевого товарища...

- Вы несправедливы к Артуру, - я чуть-чуть к ней наклонился, так, чтобы это выглядело доверительно, но не интимно. - Он так о вас заботится.
- Я бы предпочла, чтобы он заботился о ком-нибудь другом, - отрезала леди Штрауб. - Он за сегодняшний день выбрал уже всю возможную заботу в наших отношениях.
- Неправда, - возмутился Кремер, пристраиваясь с другой стороны от дамы сердца. Чемодан раздора висел у него за плечом, гордо подсказывая всем встречным, что идет сильный маг. Позер, одним словом. - Ульрика, ты не можешь так говорить. Я все утро убил на помощь тебе.
- Вот именно, убил. Лучше бы вы убивали какое-нибудь другое утро. Не мое.

В ее словах мне почудился явный намек на другую даму. Ревность? Уже неплохо. Значит, просто нужно им дать возможность помириться. Я замедлил ход, с интересом прислушиваясь к разговору.

- Возможно... Возможно, я был немного неправ. Но я же извинился и пообещал, что больше

такого не будет.

– Капитан Кремер, – едко заметила леди Штрауб, – насколько я успела заметить, ваши обещания ничего не стоят.

– Неправда, – возмутился он. – Хотя бы Штадена спроси.

– Леди Штрауб, капитан Кремер никогда не нарушает слова, – подтвердил я.

Но даму ничуть не убедил. Она хмуро посмотрела, прикусив нижнюю губку. Очень привлекательно прикусив. Если бы я уже точно не решил, что она не в моем вкусе и что забота о личном счастье Кремера для меня важнее заботы о своем, непременно бы подумал, что россыпь мелких веснушек на ее носике похожа на корицу. Корицу, насыпанную на сливочную пенку.

В животе заворочался противный кофе, выпитый за сегодняшнее утро в количестве больше, чем нужно, ровно на все чашки. Нет, такую гадость законодательно следует запретить к продаже: мало того, что дрянь, так еще и наводит на странные мысли.

– А капитана Кремера нельзя как-нибудь убедить дать слово, что он от меня отстанет?

– Ульрика, – укоризненно сказал Кремер, – мы же договаривались. У нас роман в самом разгаре.

Про роман он упомянул явно с расчетом на меня, вряд ли сама леди Штрауб запомнила, с кем у нее нынче роман, разве что их несколько одновременно и Кремер пытается убедить, что у них – самый серьезный?

– Месячный перерыв ему только на пользу пойдет. Проверим чувства друг друга. Если не выдержат... Сами понимаете, капитан Кремер.

Как я ни старался замедлять наше передвижение, к гарнизону мы дошли быстро. На пропускном пункте Кремеру пришлось расстаться с чемоданом, поскольку внутри поклонника не пустили – не было в списке. Леди не поблагодарила за помощь даже кивком, что никак не говорило в пользу ее воспитания. Кремер расстройству не показал, улыбнулся, словно и не ждал другого отношения, и предложил ей вместе осмотреть город. «Ты, я и старинные камни Траттена», – вдохновенно выдал он. Пришлось охладить его пыл, сообщив, что по приказу Циммермана выходить леди Штрауб отсюда может только в моей компании.

– Я задержана? – возмутилась девушка. – С чего это вдруг я могу выходить только под конвоем?

– В самом деле, – недовольно пробурчал Кремер, – мы прекрасно обойдемся без тебя. Или ты сомневаешься в моих способностях защитить даму?

– Ничуть не сомневаюсь и тоже прекрасно бы обошелся без вас, – уже несколько раздраженно ответил я. – Но приказ из Гаэрры двух толкований иметь не может: леди Штрауб должен постоянно сопровождать самый сильный маг гарнизона. Увы, это я.

Леди Штрауб резко выдохнула, закрыла глаза, сжала руки в кулачки и четко, по всем правилам произношения заклинаний, проговорила; «Это всего лишь месяц. Нужно его выдержать». Кремер скривился, и мне почему-то показалось, что эту фразу за сегодня он слышит уже не в первый раз.

Глава 8

Фридерика

Богиня, как же мне надоел Кремер за время, пока мы ждали настоящую Ульрику! Подошла я чуть раньше, чтобы Штрауб не пришлось задерживаться, но лучше бы я этого не делала. Как выяснилось, лишь присутствие любовницы ограничивало Кремера как в словах, так и в действиях. Когда слова закончились и назойливый кавалер полез с поцелуями, я попыталась дать ему пощечину. Но... Кремер оказался сильнее не только как маг: мою руку он перехватил и заявил, что с его стороны это всего лишь помощь для вживания в роль, а с моей стороны некрасиво его избивать за проявление доброты. Не знаю и знать не хочу, как далеко бы распространилось его желание помочь, если бы Ульрика тоже не решила выбраться чуть раньше. И сразу спросила, чем мы занимались, пока ее не было. Кремер уверил, что скучали в ожидании, я же, почти решившая пожаловаться, лишь сказала, что ее друг не слишком галантен. Жаловаться я не любила, да и не было уверенности, что Ульрика поверит: слово любовника для нее точно значит больше, чем мое.

– Он и не должен быть с тобой галантен. Кто ты и кто он? Пфф... Можете отправляться, – она выразительно зевнула. – Я ничего не забыла, все сделала как надо. Чемодан в экипаже. А я посплю немного. Со стороны отца жестоко будить в такую рань.

– Дорогая, время обеденное, – намекнул Кремер.

– Вернешься, что-нибудь закажем, – милостиво решила Ульрика. – Но не торопись. Я пока есть не хочу.

Она опять зевнула, широко и очень заразительно, и выставила нас из квартиры, чтобы не мешали досыпать. Меня-то понятно – я нанята на месяц не для того, чтобы составлять ей компанию, но вот Кремера могла бы и оставить при себе, хотя бы как хозяина квартиры.

– Да, пожалуй, это будет сложнее, чем казалось, – проворчал Кремер, спускаясь по лестнице.

– Не нужно было соглашаться, – не удержалась я.

Зачем ему в этом участвовать, я не понимала: никакой выгоды с этого он не получал, а к любовнице не испытывал достаточно сильных чувств, чтобы рисковать теплым столичным местом, которого можно лишиться, если лорд Штрауб узнает о проживании дочери в чужом доме.

– Пропустить такое представление? – он выразительно приподнял брови. – Торчать все время рядом с ней я не собираюсь. Для легенды это вредно.

Неужели собирается торчать в Траттене?

– Должна предупредить, что я не вхожу в реквизит для представления, поэтому держите свои руки от меня подальше.

– Очень даже входите, инорита, – усмехнулся он этак нехорошо. – Поскольку согласились играть роль леди Штрауб...

Мы уже спустились и остановились перед дверью на улицу. Кремер опять потянулся с явным намерением поцеловать, но я уперлась руками ему в грудь и предупреждающе заявила:

– Я согласилась играть ее только на практике, но не в ваших отношениях. И, инор капитан, неужели вам все равно, кто рядом с вами?

Он чуть прищурился и неожиданно посерьезнел.

– Мне не все равно, если уж это так вам важно, инорита. На месте Ульрики могла быть любая, или почти, все же леди Штрауб оказалась очень полезна в паре вопросов и в постели довольно изобретательна, но рассматривать наши с ней отношения как нечто долгосрочное – глупо. Я бы на ней никогда не женился. А вот на вас...

Он выразительно посмотрел. Но я не прониклась и, как ни странно, не смутилась от столь явного объяснения, что связывает Кремера и Штрауб, на что маг рассчитывал. Зато почему-то обиделась не только за себя, но и за Ульрику.

– На мне вы тоже никогда не женитесь.

– Почему? – оскорбился он. – Я сейчас с вами предельно честен.

В этом я сильно сомневалась, поскольку была уверена, что Кремер со мной собирается так же поразвлечься, как с Ульрикой. Утверждает, что рассматривает возможные отношения как что-то серьезное и постоянное? Он думает, я дура? Но сомнения я оставила при себе, высказала лишь то, в чем была уверена.

– Я тоже. За такого, как вы, я бы ни за что не вышла замуж.

– Какого «такого»?

– Наглого и не слишком щепетильного.

– У каждого свои недостатки и достоинства, – философски заметил он, ничуть не обидевшись. – За этот месяц у вас будет возможность узнать о моих достоинствах, перед которыми меркнут все мои недостатки.

– У вас есть достоинства?

Он выразительно кивнул на меня, и я обнаружила, что пока мы выясняли, честен или нет Кремер в отношениях, он успел наложить морок, в точности повторяющий наряд Ульрики от платья с кучей воланов и сложным цветочным рисунком до тоненького браслетика на запястье. Лицо свое я видеть не могла, но подозревала, что и там не найдется изъяна.

– Дорогая Ульрика, – он с шутовским поклоном открыл передо мной дверь, – не представляю, как я смогу расстаться с тобой.

– Ничего, – почти прошипела я, – вам достаточно просто подняться к себе и получить настоящую Ульрику в свое полное распоряжение.

– Вот это-то и неинтересно.

Он подал руку, но я ее проигнорировала, ибо прикасаться к нему не хотелось даже ради правдоподобия легенды, тем более что в провожатых я не нуждалась – экипаж Ульрики могла найти и сама. Экипаж, одной из последних моделей, радовал блестящими боками и кристаллом-накопителем повышенной емкости – не заглохнет посреди улицы к радости Кремера. Выскочивший возница угодливо открыл дверцу. Я чуть не поблагодарила его, но вовремя вспомнила, что, во-первых, Ульрика о таких мелочах никогда не вспоминает, а во-вторых, морок на голос не распространился. Наверняка Кремер сделал это намеренно, чтобы вести все переговоры самому.

Влез за мной он без задержки и, едва захлопнулась дверца, сразу предложил:

– Продолжим с того места, на котором нас прервал приход Ульрики?

– Не думаю, что в этом есть необходимость.

– А достоверность отношений? Нужно же показать любовь окружающим?

Казалось, он ничего не воспринимает всерьез. Обниматься не лез, но смотрел с таким видом, словно размышлял, откуда лучше откусить. Необходимо с этим как-то заканчивать. Не нужны мне проблемы ни с магом, ни с Ульрикой.

– Пусть окружающие считают, что мы поругались.

– Фридерика, хоть попробуйте, прежде чем отказываться.

– Ульрика.

– Я же вижу вас.

– А как же достоверность отношений?

– С моей стороны не будет никаких нареканий.

Он провел кончиками пальцев по моей руке, то ли подтверждая свои слова, то ли заигрывая. Руку я отдернула и весьма холодно посмотрела, но маг лишь вызывающе улыбнулся, явно намекая, что если бы захотел, то не с моими умениями ему противостоять. Я в очередной раз выругала себя за согласие на эту дикую авантюру.

Кремер развлекался за мой счет всю дорогу, так что я вылетела из экипажа, напрочь забыв про вещи. Возница чуть смущенно напомнил про поклажу, Кремер подхватил одной рукой чемодан, другой – меня, пробурчал, что внутри не иначе как коллекция минералов, после чего чемодан повис за его плечом, а маг полностью сосредоточился на мне. Из телепорта я вышла в своем собственном виде и в своем собственном платье, что несказанно порадовало.

Не порадовало, что меня встречали. Высокий темноволосый капитан выглядел не слишком этим довольным, да еще сразу выяснилось, что он должен повсюду сопровождать леди Штрауб. Только надсмотрщиков не хватало для полного счастья! Но этот хоть не намекал, что не прочь закрутить роман, напротив – смотрел так, словно я нечто невыразимо гадкое, случайно попавшееся на глаза. Но я же не виновата, что начальник гарнизона отдал столь дикий приказ! Мне и без того сегодня досталось от этого ненормального Кремера!

Не успокоилась я, и когда оказалась в своей комнате, при целительском пункте гарнизона. Был бы выбор, предпочла бы снять жилье в городе, тем более что Штрауб щедро выплатила авансом крупную сумму. Но выбора не дали: мрачный капитан Штаден, с ног до головы обливший презрением при встрече, заявил, что в этом случае ему придется жить за стенкой, а поскольку у него уже снята квартира, я могу воспользоваться одной из комнат, если, конечно, инор полковник не будет возражать. Обращаться к начальнику гарнизона с дикой просьбой разрешить пожить в квартире его подчиненного было по меньшей мере непредусмотрительно, поэтому я скрепя сердце согласилась остаться там, куда уже отнесли мой чемодан, хотя прекрасно понимала все сложности, которые могут из этого возникнуть: почти каждый встреченный военный делал стойку, словно они были охотничьими псами, а я дичью. Я даже пожалела, что Кремер остался снаружи, за пропускным пунктом, он бы прекрасно справился с распугиванием. Ненадолго пожалела. Кремер, конечно, был злом уже привычным, но все же злом. Не знаю, какая муха его укусила, но в ее слюне точно присутствовало что-то галлюциногенное, поскольку маг с чего-то решил, что я смогу заменить Штрауб не только на практике, но и в его постели. Точнее, в постели – дополнить, ибо Ульрика весь месяц собиралась прожить у него.

Впрочем, мне нет никакого дела, где и как собирается проводить этот месяц леди Штрауб, пусть об этом волнуется ее отец. Я раздраженно бухнула тяжеленный чемодан на кровать. Капитан Штаден доставил его аж до моей комнаты и даже внес внутрь, но с таким видом, словно боялся испачкаться. Лучше бы Кремер презентовал артефакт для уменьшения веса, если уж так хотел показать заботу. Справиться с непривычными замками получилось не с первого раза, но получилось, после чего моим глазам предстала довольно унылая картина.

Тяжесть чемодану придавала вовсе не коллекция минералов, как предположил Кремер, а огромная стопка любовных романов. Ульрика наверняка поделилась самыми любимыми: обложки потускнели, а страницы явно перелистывались не по разу. Не знаю, почему она решила, что такая литература входит в набор необходимого на практике, но это единственное, что она вложила с любовью. В целях конспирации одnogруппница наверняка не доверила укладывание чемодана горничной, а распахала платье самостоятельно, не потрудившись даже сложить. Нет, моих знаний бытовых заклинаний достаточно, чтобы привести одежду в порядок, но зачем тратить лишний раз магию? Она же не бесконечна. Кроме того, туфель оказалось пять штук. Нет, не пар, а именно штук: половина одной пары осталась где-то у Ульрики на квартире, такая же несчастная и одинокая, как эта. Я повертела обеспаренную туфлю в руках и бросила назад в чемодан.

Но не это расстроило сильнее всего. В чемодане не оказалось моих вещей, пакет с которыми я передала Ульрике, чтобы не выходить из квартиры Кремера с подозрительными свертками. Я перетряхнула платья по отдельности, надеясь, что она просто распахала мелочи, но нет: ни белья, ни полотенца, ни мыла, ни расчески. А это не те вещи, без которых можно обойтись целый месяц, и все это придется покупать. Деньги, полученные от Ульрики авансом, сразу показали не такими уж большими. Нет, их непременно хватит, но почему я должна покупать то, что есть в Гаэрре и сейчас валяется где-то у Ульрики дома?

При мысли о том, что придется выходить в город, меня охватил настоящий ужас: мало того, что Кремер наверняка так и торчит на проходной, так еще и придется просить о любезности недружелюбного Штадена. И покупать при них нижнее белье? Пожалуй, просить о любезности еще не самое страшное...

Я вздохнула и решила для начала узнать, нет ли какой лавочки на территории гарнизона. Женским бельем они торгуют вряд ли, а вот расческа там непременно должна быть. И познакомиться с местным целителем надо. Всю практику тут не высидишь, все равно придется выходить.

Я чуть поправила волосы перед зеркалом и спустилась. Как ни странно, капитан Штаден не ушел, а торчал перед кабинетом, на котором висела табличка «Гарнизонный целитель», и чуть ниже воткнута бумажка с надписью от руки «Томас Вайнер».

Томас Вайнер? Томас Вайнер... Голова закружилась. Но ведь именно с ним работала Марта? Получается, она была целителем в этом гарнизоне? О своей работе она почти ничего не писала. Только мелкие бытовые зарисовки. Я прислонилась к стене, ноги не держали. В голове завертелись тысячи мыслей, и главная из них – как получилась, что за целый год я ни разу не попыталась выяснить, что же случилось с сестрой? Ведь в заключение Сыска я не поверила, даже носилась с мыслью провести частное расследование, хотела занять на него денег...

– Леди Штрауб, вам нехорошо? – Капитан Штаден чуть наклонился и участливо глядел мне в лицо. – Позвать целителя?

Я постаралась взять себя в руки. Ни к чему посторонним показывать собственные слабости. Подумаю об этом потом, когда останусь одна. Не думать не получалось, мысли о сестре все равно крутились на краю сознания, но они не были уже такими обжигающими.

– Спасибо, ничего страшного, – я даже улыбнулась. – Наверное, слишком резко спустилась по лестнице, голова закружилась. Но все уже прошло.

На наш разговор выглянул в коридор целитель, рыхловатый инор лет тридцати пяти, и расплылся в столь счастливой улыбке, словно мое появление – самое прекрасное, что с ним случилось в этой жизни.

– Леди Штрауб, вы уже прибыли?

– Добрый день, – я протянула направление Ульрики. – Надеюсь многому научиться под вашим руководством.

Он взял направление, но смотрел не на него, а на меня, и смотрел с некоторой нерешительностью.

– Леди Штрауб, как вам вариант – я ставлю оценку и пишу за вас отчет, а вы...

Он замаялся, видно, не решаясь сказать: «Не мешаете моей работе». На помощь от навязанной студентки он не рассчитывал, и думаю, такой вариант Ульрику бы вполне устроил. Но я взяла деньги с нее не для того, чтобы валяться в выделенной комнате и читать любовные романы.

– Извините, нет, – как можно любезнее ответила я. – Я приехала сюда проходить практику и уверена, что смогу быть вам полезной хотя бы в мелочах.

– Например? – несколько смущенно уточнил Вайнер.

– Например, у меня прекрасно получаются зелья, которые были у нас в программе. Вы же не станете отрицать, что это хорошее подспорье в целительской работе?

Я ничуть не лукавила. Зелья у меня получались лучше всех в группе. Не зря же Кристиан поделился со мной несколькими секретами, как он утверждал, семейными.

Но целитель не поверил. С капитаном Штаденом они обменялись довольно скептическими взглядами. Наверное, присланная из столицы аристократка не вызывала энтузиазма у обоих.

Глава 9 Гюнтер

Я ни на миг не поверил, что у леди Штрауб закружилась голова. Да, ей внезапно стало плохо, но нечто, проскальзывавшее во взгляде и движениях, указывало, что причина – страх. И не просто страх, а ужас, липкий обволакивающий душу и тело. Причем случилось это от одного взгляда на кабинет целителя. На двери ничего примечательного не было, только табличка, значит, все дело в том, что за дверью – Вайнер? Или просто целитель? Скорее, второе даже более вероятно, поскольку эти двое раньше не встречались.

На наш разговор выглянул Вайнер, и я сразу отдал должное предусмотрительности Циммермана: наверняка вариант с оценкой и отчетом был предложен им, чтобы минимизировать ущерб от появления непрошенной «целительницы». Но леди скривилась, словно ей подсунули под хорошенький носик дохлую крысу, и обрадовала нас, что собирается помогать, а не просто отсиживаться в своей комнате. Целитель расстроено мямлил что-то, пытаясь ее уговорить не слишком вредить его работе, напирая на то, что он и без того занят обычно целый день, да и ночами, бывает, вытаскивают. А ведь если этой настырной девице разрешить готовить зелья, то число его пациентов многократно увеличится. Даже страшно представить, что она может наварить... Зато стало понятно желание лорда Штрауба переложить ответственность за дочь на чужие плечи: если она и дома столь активно пытается лезть в лечение родных, лучше, чтобы она тренировалась на посторонних.

Вайнер убеждал леди Штрауб принять предложение засчитать практику без прохождения таковой, леди упорствовала и почему-то считала, что что-то знает. Целитель выглядел уставшим и несчастным. Стало его жалко. Я понимаю почему страдаю – по вине дражайшей тетушки, а ему-то за что? Получается, за появление этой девицы здесь ответственен я, значит, нужно, чтобы проблемы из-за нее свелись для остальных к минимуму. Принимать огонь на себя не хотелось, но надо: я хотя бы знаю чего ожидать, значит, избежать отрицательных последствий смогу. Должен. В конце концов, я военный маг, а леди – не такое значительное препятствие.

– У нас очень грязная работа, совсем не подходящая леди, – взывал к отсутствующему рассудку Вайнер.

– Я имею представление о работе целителя, представьте себе. Не говоря уже о постоянных практических занятиях, в прошлом году у нас была нормальная практика, на которой мне никто не предлагал написать отчет за меня. И представьте, я справилась и с практикой, и с отчетом самостоятельно.

Леди возмущенно поджала губы. Целитель в поисках поддержки бросил на меня страдающий взгляд. Пришлось срочно прийти ему на помощь.

– Леди Штрауб, не будете же вы сразу после дороги приступать к практике? Вы наверняка устали, вам надо отдохнуть.

Леди приподняла брови в явном изумлении и посмотрела так, что я почувствовал себя идиотом.

– Капитан, с чего бы мне уставать? Я прибыла телепортом, если вы запомнили.

Уверить, что у меня проблем с памятью нет, я не успел. Дверь распахнулась и явила группу солдат, тащивших пострадавшего, который громко и отчаянно стонал, словно от ухода за Грань его отделял лишь краткий миг. Вместе с ними ввалился мрачный Брун.

– Ну почему, почему это всегда происходит со мной? – возопил он, лишь только меня увидел. Но смотрел недолго, так как леди Штрауб показалась ему намного интереснее. – Почему во время обычных учебных стрельб именно в моем отделении солдат загоняет болт в ногу?

– Отвлекаетесь много, – буркнул целитель и открыл дверь в свой кабинет. – Заносите.

– Я отвлекаюсь? – оскорбился Брун, не отрывая взгляда от моей подопечной. – Да я в гарнизоне самый ответственный, леди Штрауб, не верьте им.

Быстро же здесь разносятся слухи, если Брун уже в курсе, кто она, и даже заигрывает в надежде, что ему перепадет немного благосклонности. Но леди не обратила на него ни малейшего внимания, поскольку в кабинет рванула сразу за целителем и нахально заявила:

– Вот как раз и можете меня испытать, поскольку случай совсем простой.

– Простой?

Я с сомнением посмотрел на кровавую дорожку, оставшуюся после раненного. Странно, что ему ногу не перетянули. Уж за этим Брун обязан был проследить, а не только за тем, чтобы пострадавшего дотащили до целителя.

– Кость не задета, я уже просканировала, только мягкие ткани. Болт вытащили. Там только дырка, – торопливо заговорила леди Штрауб. – Пожалуйста, позвольте мне.

– Знал бы, что здесь появились такие целительницы, – хищно подкрутил ус Брун, – загнал бы болт себе. Леди, я готов, чтобы на мне испытали все последние и предпоследние методики.

– Работу со скорбными умом мы не проходили, – отрезала она. – Инор Вайнер?

– Хорошо, – неохотно согласился тот.

Его согласие еще не до конца прозвучало, а девушка уже отправила пару заклинаний. Судя по тому, что солдат перестал стонать и облегченно расслабился на смотровой кушетке, одно из них было обезболивающим. Второе, точечное очищающее заклинание, убрало всю грязь и попавшие ворсинки от одежды. После этого, похоже, леди приступила к детальному сканированию, поскольку они с Вайнером начали обмениваться специфическими терминами, в репликах Вайнера явно проскальзывало удивление. Руки практикантки замелькали, лицо стало сосредоточенным, и она приступила непосредственно к исцелению. Сил на это должно было уйти уйма – дырка не такая уж маленькая. Наши солдаты, если уж травмируют себя, то с полной самоотдачей. Брун молчал, но столь восторженно сопел мне в ухо, что было понятно – это ненадолго.

Вайнер внимательно следил за действиями Штрауб, но без малейшей озабоченности, даже с одобрением. Неужели она действительно что-то может, а не делает вид? Удивительно. Появилась надежда, что леди разумна и с ней удастся договориться. Почему бы сегодня и не выяснить?

– Все. – Леди удовлетворенно распрямилась. – Принимайте работу, инор Вайнер.

Со словами одобрения целитель не торопился. Внимательно сканировал солдата, который теперь не выглядел умирающим и даже улыбался стоящей над ним девушке. Очень довольной девушке, на щеках которой заалел нежный румянец. Затем Вайнер принялся забрасывать практикантку вопросами. Она бойко отвечала, ни разу не сбившись, а в конце даже предложила несколько вариантов дальнейшей реабилитации пострадавшего.

– Да в казарму его, – проворчал Брун, недовольный, что ему, такому красивому, не уделяют внимания. – Отваляется и вперед, на тренировку. Ишь моду завели, отлынивать всеми способами. Леди Штрауб, если вы так быстро их будете поднимать, они у меня все друг друга перестреляют, лишь бы к вам попасть.

– Предлагаете их не исцелять?

– Предлагаю возместить потерянные вами силы обедом. Прямо сейчас.

Брун выдвинулся вперед и смотрел так, словно уже рассчитывал на продолжение обеда у себя или у нее – как получится. Однако... Или Циммерман о репутации дамы не стал распространяться, или Бруна как раз репутация и привлекает. Но у дамы не такой отец, которого испугаешь грозным видом и могучим басом.

– Действительно, время обеденное, – оживился Вайнер. – Сходите, отдохните, а после обеда решим, куда применить ваши знания.

– Вот, – Брун подхватил под ручку почти не сопротивляющуюся леди Штрауб и потащил к выходу. – Я здесь неподалеку такой ресторанчик знаю... – Он поднес ко рту сложенные в щепоть пальцы и причмокнул. – Ни один столичный не сравнится. Чистый восторг!

– Альфред, леди Штрауб не может покидать гарнизон без моего сопровождения, – процедил я, желая остудить пыл приятеля.

– Почему это?

– Приказ полковника, – небрежно бросил я. – Леди должен сопровождать самый сильный маг гарнизона.

– В таком случае ее должен сопровождать я, – гордо подбоченился Брун.

– Буду счастлив, если ты убедишь в этом полковника. Я, знаешь ли, нянькой не хочу быть.

Леди Штрауб бросила на меня один из тех испепеляющих взглядов, которые тренировала на Кремере. Но я тоже невосприимчив к воспламенению. Пусть леди и показала, что она что-то стоит как будущий целитель, но мне она как возможная жена все так же не нравилась.

– А я, знаете ли, в няньках не нуждаюсь. Я привыкла рассчитывать только на себя.

– Если полковник распорядился, то вас из гарнизона без сопровождающего не выпустят, – разочарованный Брун искал выход. – Я с ним поговорю, чтобы заменил Штадена на меня. Вы не возражаете, леди Штрауб?

– Я бы предпочла, чтобы сопровождающих вообще не было, – недовольно ответила она. – Но если без этого никак, то мне абсолютно все равно, кто будет.

Свой скепсис я придержал при себе. В то, что ей все равно, не верилось. Приехала она сюда с определенной целью, и чем дальше от меня, тем маловероятнее достижение этой самой цели. Попробуй подловить того, кто недосыгаем. Но вдруг, вдруг ее удовлетворит Брун, который чуть ли не бегом отправился уговаривать Циммермана?

– Леди Штрауб, поскольку пообедать вам все же нужно, то я приглашаю вас в тот самый ресторан, о котором говорил Альфред. – Она чуть прищурилась и посмотрела, явно сомневаясь, соглашаться ли, поэтому я тихо добавил, только для нее: – Леди, нам с вами нужно поговорить.

Она неохотно кивнула, и мы пошли. Чинно, спокойно, как настоящая супружеская пара. Направление мыслей не нравилось, но как приступить к разговору, я пока не решил. На пропускном пункте леди Штрауб настороженно огляделась, но Кремера не было. Пожалуй, зря он так быстро вернулся в Гаэрру, мог бы и не бросать меня наедине с дамой сердца., которая наконец прервала молчание сама:

– О чем вы хотели поговорить, капитан?

И я решил сказать все как есть.

– Я знаю, зачем вы приехали.

– Вот как? – удивилась она. – Неужели Кремер проговорился?

Кремер в курсе и даже не посчитал нужным по-дружески предупредить? Некрасиво с его стороны. Или он сам жениться не хочет, но рассчитывает на продолжение отношения с чужой женой?

– Разумеется, нет. Поэтому чтобы между нами не было непонимания, сразу предупреждаю, что вы мне не нравитесь. И еще больше не нравится, что вас навязывают силой.

– Вы мне тоже не нравитесь, – она нервно дернула плечом. – И вы мне тоже навязаны вне моего желания. Но что мы можем сделать?

То, что я не нравился, обнадеживало. Но приехала же она сюда зачем-то?

– Как что? Вы можете отказаться.

– Я? – она остановилась и удивленно посмотрела. – Я не могу отказаться, не в том положении. А вот вы, вы почему не отказались?

– Я отказался. И вот результат. – Я выразительно посмотрел на собеседницу. – Похоже, мой отказ не принимается.

По ее виду не стало заметно, что она чувствует себя хоть немного виноватой. Она улыбнулась и примирительно сказала:

– Не сердитесь. Возможно, полковник разрешит тому капитану вас заменить, и вам не придется за мной таскаться.

Ее слова прозвучали оскорбительно.

– Я не таскаюсь за вами, а сопровождаю, – сухо поправил я. – Таскаться за вами предоставьте

Кремеру.

– Нет уж, спасибо, пусть он таскается за кем-то другим.

Она вздрогнула и испуганно осмотрелась, словно опасалась неожиданного появления Кремера из-за угла. Что же такого между ними сегодня случилось?

– Так быстро надоел? Сам Артур уверен, что у вас временная размолвка.

Она заметно смутилась, но все же ответила:

– Капитан Кремер слишком навязчив и нравится мне не больше, чем вы. Даже меньше, если уж мы решили говорить начистоту.

– Если уж начистоту, – усмехнулся я, – то я бы предпочел, чтобы он вам нравился больше.

– В любом случае, насколько я поняла, ваш полковник не разрешит ему меня сопровождать.

– Он и Бруну не разрешит.

– Вот как? – она остановилась, недовольно посмотрела и высокомерно заявила: – Я не собираюсь злоупотреблять вашим обществом. Да я вообще вас видеть не буду, если вы не станете контролировать меня в целительском пункте.

– Не будете ходить даже в столовую? – позволил себе я усомниться. Как-то слишком хорошо выглядело ее предложение, чтобы оказаться правдой.

– Куплю продукты, буду готовить сама.

– Сами? Леди Штрауб... – укоризненно протянул я. – А я вам почти поверил.

Знаем мы как леди готовят. В первый же день сожжет кухонный уголок, потребует замены, потом постоянного контроля за работой. И кого отправят контролировать? Бруна? Очень в этом сомневаюсь, Циммерман сразу сказал: леди Штрауб – моя проблема, пока она в Траттене.

– Сама. – Она остановилась и притопнула ножкой. Крылья ее изящного носа гневно затрепетали. – Давайте так. Сегодня я первый и последний раз выхожу за пределы вашего тщательно охраняемого гарнизона, под вашей столь ценной охраной. Покупаю все, что нужно. И в следующий раз вы меня видите только тогда, когда провожаете до телепорта. Вас это устраивает?

– Это было бы прекрасно, леди Штрауб. Особенно если бы вы все-таки объяснили, зачем приехали в Траттен.

– Практику проходить, капитан Штаден. Зачем же еще?

И она улыбнулась. Наглой издевательской улыбкой, совершенно не вязавшейся с тем, что говорила недавно. Считать ли это объявлением войны? Я прищурился. Воевать с дамами недостойно, но эта напрашивается сама.

– Фридерика? Глазам своим не верю! Что ты здесь делаешь?

Леди Штрауб повернулась к спрашивающему столь резко, что ее юбка хлестнула меня по ногам. С инором, довольно привлекательным и хорошо одетым, она явно была близко знакома. С каким ревнивым подозрением он смотрит, и не столько на нее, сколько на меня.

– Кристиан, – с нажимом сказала она, – ты опять перепутал имя. Меня зовут Ульрика. Я прохожу здесь практику. Что я, по-твоему, могу здесь еще делать?

– Простите, леди Штрауб, – ничуть не смутился инор. Напротив, показалось, что он с трудом сдержал смех. – Наверное, дело в том, что имя «Фридерика» мне нравится намного больше. Я готов называть вас Ульрикой, но это такое ужасное насилие над моими чувствами, что его непременно надо компенсировать поцелуем.

Похоже, речь о поцелуях у них заходила не впервые, поскольку он взял руку леди Штрауб и поднес к губам. Этих двоих явно что-то связывало. Вмешиваться я не стал – инор моей подопечной не угрожал, а мне особой разницы нет, с ним она встречается или с Кремером. Инор же на меня демонстративно не обращал внимания, словно я для него не отличался от стены дома, рядом с которым мы остановились.

– Кристиан, опять ты за свое, – возмутилась леди Штрауб. – Прекращай.

Так, с этим она тоже успела поругаться? Какая скандальная особа, однако... Да что за день такой, сплошные разочарования!

– Дорогая, ты разбиваешь мне сердце...

– Мы уже выяснили не так давно, что в случае чего ты сможешь склеить пострадавший орган, – невозмутимо заявила моя подопечная. – Хотела бы я знать, что ты сам тут делаешь?

– Как это что? Я же родом из Траттена. Ты забыла?

– Не помню, чтобы ты мне это когда-нибудь сообщал.

Она нахмурилась. Информация ей явно не понравилась. Расстраивает какие-то планы?

– Сообщал, – не согласился он. – Но ты наверняка забыла, Фридерика...

– Ульрика.

– Пожалуй, я мог бы называть тебя Рикой, – предложил компромисс Кристиан, с которым нас так и не представили друг другу, – во время прогулок по моему родному городу. Я мог бы рассказывать про него часами.

– К сожалению, гулять нам пришлось бы вдвоем, – поставил я его в известность, – поскольку на время пребывания в Траттене леди Штрауб находится под моей охраной. Но не придется, поскольку леди Штрауб мне только что пообещала, что это наш последний совместный выход в город, а следующий будет, только когда она направится в телепортационную для отъезда.

И холодно посмотрел на эту особу. Пусть не думает, что я собираюсь закрывать глаза на ее романы, в то время как сама она нацелена испортить мне жизнь. Нет, дорогая, в Траттене у тебя не будет никаких любовников, уж я об этом позабочусь.

Глава 10

Фридерика

Столь явное проявление недовольства со стороны охраняющего капитана удивило. Казалось бы, уже не маленький, должен понимать, что не все зависит от собственного желания, так нет же. Не нравится ему, видите ли, что навязали девицу, так не на всю же жизнь. Пройдет какой-то месяц, и он опять начнет заниматься делами, не вызывающими у него столь явного отвращения. Мне тоже не нравится находиться под постоянным присмотром, но я же не устраиваю истерик. Не вопрошаю раз за разом «Зачем вы приехали?», словно моя единственная цель – затащить в храм этого упирающегося всеми конечностями мага. Станный он какой-то, мог бы и с первого раза понять, что я приехала сюда проходить практику, а не бродить под его конвоем по городу.

Штаден смотрел зло и недоверчиво, словно я вражеский диверсант, проникнувший с неизвестной целью. Хотя для него, наверное, так все и выглядит? Может, думает, что я нарочно заменила Штрауб, чтобы выведать какие-нибудь военные тайны? Спросить я не успела, поскольку неожиданно появился Кристиан. И судя по взгляду, брошенного на моего сопровождающего, сразу все неправильно понял. Кристиан видеть рядом со мной посторонних не желал, и его совсем не успокоило, что этот посторонний – навязанный всего на месяц, после чего мы с радостью расстанемся, чтобы больше никогда не увидеться. И если уж Штадену придется встретиться с леди Штрауб, то это будет совсем другая леди Штрауб, настоящая, и там, куда меня никто никогда не пустит.

Появлению Кристиана я не обрадовалась. Если Штаден хотя бы делал вид, что я – леди Штрауб, то Кристиан про такие мелочи забывал и в любой момент мог меня выдать. И тогда... Тогда у меня будут большие неприятности с Ульрикой. Как ни крути, деньги я у нее взяла, а если ей не зачтут практику, получается, что я нарушила договор.

- И куда же вы направляетесь? – подозрительно спросил Кристиан.
- Обедать. Нам рекомендовали ресторан неподалеку, – вежливо пояснил Штаден.
- Как-то совместный обед не слишком сочетается с тем, что вы не желаете общаться...
- Нам необходимо было обсудить возникшие сложности, – ответила я, – но, пожалуй, мы всё обговорили по дороге.
- Всё? – неожиданно зло уточнил мой сопровождающий.
- А то, что не обсудили, и обсуждать не стоит.
- Я так понимаю, леди, что убедить вас уехать не удастся?
- Вы же прекрасно понимаете, что я этого не сделаю.

Он смотрел с такой смесью отвращения и презрения, что захотелось его ударить. Так ударить, чтобы он прочувствовал, каково сейчас мне. Что такого ужасного, что я подрядилась пройти практику за одногруппницу? Об этом же никто никогда не узнает, а сама она целительский диплом получать не собирается. Так что в результате все в плюсе: и я, и она, и даже гарнизон. А если сам Штаден в минусе, то я не подряджалась делать хорошо еще и ему. В конце концов, он не мой наниматель, и никогда таковым не будет.

- Стоп, – влез между нами Кристиан. – От вас уже искры летят. Может, тогда даму на обед приглашу я? А вы, капитан, будете ее охранять за соседним столиком? Или вообще доверите охранять мне?

- Если получите на то разрешение у полковника Циммермана, – издевательски ответил Штаден.

Кристиан посмотрел с большим сомнением. Похоже, Циммермана он знал и не был уверен, что тот согласится на замену или отмену охраны, если ему не рассказать, как все обстоит на самом деле. Но в этом случае нельзя быть уверенным, что практику Ульрике зачтут.

- Кристиан, это всего лишь на месяц, – напомнила я. – Он скоро закончится, и я перестану нуждаться в опеке капитана Штадена.

Выговорила я его имя с не меньшим отвращением, чем он не так давно на меня смотрел. И

вообще, военные обязаны держать эмоции при себе, а гражданские – нет.

– Значит, ты не хочешь, чтобы он тебя охранял? – уточнил Кристиан.

– Естественно.

– Попробую что-нибудь сделать.

– Только не вздумай рассказать полковнику, зачем я приехала.

– Естественно.

– То есть этот тоже знает? – уточнил Штаден.

– Смотря что вы имеете в виду под «тоже», – заинтересовался Кристиан.

Капитан ответом его не удостоил, нахмурился и посмотрел еще более недружелюбно, но теперь его недружелюбие делилось уже между мной и Кристианом, так что каждому досталось немного меньше, чем ранее – мне одной. Торчать на улице и выяснять отношения можно бесконечно, а на практику нужно возвращаться, поэтому я взяла себя в руки и как можно вежливей спросила:

– Капитан Штаден, так что мы решаем с обедом?

– Я вас пригласил, и обедаете вы со мной. Ваш друг, если захочет, может сидеть за нашим столиком или за соседним. Но его счет я оплачивать не буду.

– Счет Фридерики я могу оплатить сам.

– Ульрики, – с нажимом поправила я.

Богиня, сейчас начнет направо-налево повторять мое настоящее имя, тут кто хочешь заподозрит неладное. Зачем Кристиана вообще принесло на эту улицу? Мог бы у родителей посидеть, в конце-то концов. Только недавно говорил, как ужасно, что целый месяц не будет меня видеть. Но я бы лучше этот ужас пережила, а не тот, что сейчас.

– Извини, но имя «Ульрика» мне все так же не нравится, а поскольку ты отказываешься компенсировать мои моральные страдания, я непременно буду оговариваться и дальше.

– В таком случае по возвращении в Гаэрру можешь забыть ко мне дорогу!

– Леди Штрауб, я бы попросил вас отложить выяснение отношений со своими... друзьями на месяц, – процедил Штаден. – Мне неинтересно все это выслушивать.

– Буду их выяснять тогда и там, когда и где считаю нужным, – отрезала я. – Заботиться о вашем удобстве не собираюсь. Вы же не заботитесь о моем?

– Я к вам обращаюсь намного вежливее того, чем вы заслуживаете.

Ни за что теперь не поверю, что в Военную академию принимают после многочисленных испытаний, в том числе на способность контролировать себя и усваивать информацию. Вот оно, доказательство обратного, стоит напротив и злится. На то, что заставили сопровождать безродную девицу, да еще и делать вид, что она принадлежит к верхушке общества. Такой всепоглощающей ярости я еще никогда не испытывала по отношению к кому-либо. Неприязнь к Кремеру теперь казалась лишь слабой тенью по сравнению с теми эмоциями, что вызывал у меня Штаден. Этакая наглая бездушная сволочь!

– Вас в академию приняли в нарушение правил? – не удержалась я. – Высокопоставленный папочка похлопотал?

– С чего вы взяли? – В его голосе наконец появилось что-то человеческое. – Я не только сам поступил. Я был лучшим на курсе.

– Мне страшно представить, какие у вас худшие. Боюсь, после знакомства с вами и Кремером мои представления о нашей доблестной армии претерпели значительные изменения. Мне теперь страшно за Гарм.

Кристиан расхохотался. Но мне было совсем не до смеха, как и злящемуся военному магу напротив. Была бы я мужчиной, точно бы уже получила вызов на дуэль – вон как руки сжались в кулаки, крылья носа гневно затрепетали, по скулам заходили желваки, а брови сдвинулись

друг к другу. Но сказал он почти спокойно:

– Леди Штрауб, вы переходите все границы. Думаю, будет лучше, если мы вернемся в гарнизон.

– Не пообедав? Мне почему-то кажется, это вы сопровождаете меня, а не я вас.

– Вот именно, – Кристиан удовлетворенно подцепил меня под локоть. – Странное дело: обычный охранник пытается навязать охраняемому объекту правила поведения. Наверняка решил сэкономить на обеде, понял, что денег не хватит.

– Леди настолько прожорлива?

Я посмотрела на его наглую физиономию и решила, что стесняться сегодня не буду: закажу самое дорогое, что увижу в меню, вне зависимости от того, кто платит, так как Кристиан сейчас ведет себя тоже не самым лучшим образом. Обычно он до оскорблений не опускается, ограничивается своими прекрасными зельями. Прошлый пострадавший две недели ходил с радужными пятнами. Уверена, капитану Штадену они бы тоже пошли, а полковник Циммерман вынужденно заменил бы сопровождающего: если охранник себя охранить не может, то на него никак нельзя положиться. Отличная идея! Может, намекнуть Кристиану, что в этот раз я буду рада, если он применит свои зелья?

– Военным магам так мало платят, что им приходится экономить на мелочах?

– Рика, мы уже решили, что за обед плачу я. – Кристиан предусмотрительно сократил мое имя до приемлемого варианта. Наверняка побоялся, что и ему сейчас попадет. – У меня нет проблем с деньгами.

– У меня тоже нет. И леди первым пригласил я.

Полыхнуло такой яростью, что я даже почувствовала, как она обжигает. Штаден подхватил меня со стороны, не занятой Кристианом, так жестко, что это больше напоминало захват заложника, чем сопровождение девушки в ресторан. Я дернулась, но Кристиан пожал мне руку, а когда я к нему повернулась, еле заметно подмигнул. Похоже, в намеках нет необходимости и нужное зелье у приятеля с собой. Даже интересно, что он припас для этого надменного хама.

– Так мы идем в ресторан или продолжим изображать скульптурную композицию на этой, без сомнения, прекрасной улице? – холодно спросил Штаден.

На мой взгляд, улица была довольно милой и без дополнительных украшений.

– Идем, – кивнула я.

Надеюсь, моя улыбка показалась ему не слишком злорадной, во всяком случае, беспокойности на лице не появилось, и капитан устремился вперед, словно каждый день таскал за собой балласт в виде двух тел. Этак заупрямишься и повиснешь, как чемодан не так давно за плечом у Кремера.

До ресторана мы дошли молча, почти строевым шагом. Оставалось только гимн Гарма распевать во весь голос. Или что они там исполняют при маршировке? Спрашивать не стала. И без этого наговорила со Штаденом на месяц вперед. В ресторане он вежливо отодвинул стул – для меня и менее вежливо Кристиана – от меня. Потом молча всунул мне в руки меню. Дорогой экзотики, к моему огромному разочарованию, там не оказалось, поэтому пришлось заказывать блюдо, не столь разрушительное для финансов моего сопровождающего. Сэкономленных денег ему даже хватило, чтобы заказать бутылку лорийского красного. Кристиан заказал еще одну.

Молчание за столом вкупе со вкусной едой и ожиданием каверзы от Кристиана успокоило не хуже патентованного зелья от нервов, поэтому я расслабилась и оказалась совершенно не готова к тому, что случилось дальше.

– Гюнти? Какая приятная неожиданность, – прошептала весьма привлекательная блондинка.

Она тут же, без приглашения, села на свободный стул за нашим столиком и очаровательно улыбнулась моему сопровождающему. Кристиан удостоился небрежного царственного кивка и пробормотал в ответ стандартное приветствие. Я с интересом перевела взгляд на «Гюнти», которому все эти телодвижения явно не понравились. Суровая межбровная складка, разгладившаяся к этому времени, появилась опять.

– Добрый день, Матильда.

Голос был весьма прохладен, но блондинку не остудил. Она затрепетала ресничками, послала в Штадена обворожительную улыбку и пару горячих взглядов.

– Полковник Циммерман – такая злока. Ни в какую не соглашается отпускать тебя к нам на спектакли. Говорит, ты очень занят. Хотела бы я знать, чем таким ты занят, что не можешь ко мне выбраться. – Она капризно надула губы. – По ресторанам ходить у тебя время находится.

– Охраняю леди Штрауб.

– Леди Штрауб? – Она повернулась ко мне, высоко приподняв брови. – Кажется, мы встречались? Но мне почему-то запомнилось, что леди Штрауб блондинка.

Появления кого-нибудь, знающего Ульрику, следовало ожидать. Правда, я надеялась, что этого не произойдет или произойдет, но не столь быстро. Пока ничего страшного не случилось, поэтому я с чистой совестью ответила:

– К сожалению, я вас не помню.

– Леди Штрауб перекрасилась две недели назад, Ваша Светлость, – пришел на выручку Кристиан, и ведь не соврал ни на словечко. – В столице сейчас в моде рыжий цвет.

Ваша Светлость? Получается, с нами сидит герцогиня Траттенская? Если, конечно, сюда не занесло других герцогинь... И с Кристианом они знакомы...

– В самом деле? – с сомнением протянула Матильда и начала наматывать на палец белокурых локонов. – Гюнти, тебе нравится рыжий цвет?

Пожалуй, ведет она себя не совсем как полагается герцогине и явно заигрывает с капитаном. Что она, замужняя дама, нашла в этом хаме?

– Нет. – Он довольно презрительно посмотрел. – Мне не нравятся все эти искусственные штучки.

– Гюнти, ты придираешься, цвет у леди Штрауб выглядит как ее родной, очень естественно. У нее даже цвет лица, как у рыжих.

Проницательность этой особы не порадовала. В поисках поддержки я бросила короткий взгляд на приятеля и застыла с приоткрытым ртом. Из ушей Кристиана, с интересом прислушивавшегося к нашей беседе, медленно, но со все увеличивающейся скоростью поднимался голубой дымок с золотистыми вкраплениями. Он густел, завивался в спираль, от которой отрывались кольца и устраивали причудливый танец под потолком.

– Что ты так на меня смотришь, Рика? – удивился Кристиан.

Я очнулась и перевела взгляд на Штадена. Поскольку раньше в моем присутствии что-нибудь случилось с соперником Кристиана, получается, в этот раз его опередили? И тот, кто должен меня охранять, вместо этого развлекается таким гадким образом?

– Капитан Штаден, это что такое? – звенящим от возмущения голосом спросила я.

– Вам лучше уточнить у своего друга, леди Штрауб, – подчеркнуто вежливо ответил он. – Не знаю, ни что он влил в мой бокал, ни почему начал из него пить.

– Да вы бокалы поменяли! – возмутился дымящийся Кристиан. – Какого орка?

Стоило ему открыть рот, как дымовые кольца начали вылетать и оттуда и присоединяться к дружной компании под потолком. Рот Кристиан тут же захлопнул, но что вылетело, назад уже не влетело. И я не только про дым: говорить про поменянные бокалы не следовало – вон как довольно шурится Штаден.

– Голубого, если вы про цвет вашей поделки.

– Как красиво! – восторженно прошептала Матильда. – Гюнти, а ради меня ты ни из кого дым не выпускал...

Она несколько обиженно посмотрела на Штадена. Но если она надеялась, что он тут же исправит это упущение, то глубоко заблуждалась.

– Я и ради кого другого таким не занимался, – лениво ответил он. – Инор перепутал бокалы. Думаю, даже ради дамы сердца он дымиться не собирался.

Кристиан, павший жертвой собственной шутки, выглядел непривычно. А не имея возможности ответить на чужие слова ни словом, ни делом, еще и довольно зло. Он поглядывал на Штадена с таким видом, словно прикидывал, как отомстит. И одним дымком явно не ограничится. Штадена мне не станет жаль, даже если он не только задымится, но и покроется радужными разводами, из середины которых вырастут ромашки. Но если учесть, что он не только заметил, как ему что-то подлили, но и поменял бокалы незаметно для подлившего, отомстить будет не столь просто. Особенно – с постоянным дымным шлейфом. Кристиан все делает качественно, его жертвы неделями избавлялись от попавшего внутрь зелья.

– Кристиан, ты сможешь все это быстро убрать? – встревожилась я.

Он неохотно кивнул, не рискуя больше ничего говорить.

– Зачем? – округлила глаза Матильда. – Так романтично выглядит. И сочетание цветов очень красивое, отдаю должное вкусу инора Фалька.

Кристиан криво улыбнулся похвале и встал. Длинное прощание, на которые приятель был мастак, заменил выразительный вежливый поклон. Я сожалеюще понадеялась вскоре его увидеть. Матильда жизнерадостно защебетала что-то несомненно одобряющее, но почти сразу потеряла к нему интерес и перенесла внимание на Штадена. Тот улыбался, этакой сытой довольной улыбкой. Пожалуй, рядом с ним не стоит что-нибудь пить или есть – еще решит, что дымящуюся леди Штрауб охранять намного легче, так она ни за что не выйдет из своей комнаты...

Глава 11 Гюнтер

Рыжая бесила неимоверно. Мало того что из-за нее откладывалось выполнение просьбы королевского мага, так еще испуг перед кабинетом целителя вкупе с тем, что ей срочно нужно замуж, наводило на совсем нехорошие мысли. Похоже, девица либо забыла о противозачаточном заклинании, либо понадеялась на партнера, который ее отцу не подошел на роль зятя, и теперь Штраубам срочно нужно прикрыть беременность браком. На прерывание они не пойдут – у магов это приводит к непредсказуемым последствиям, а у них всего одна дочь. И в этой ситуации намерение тетюшки нас свести выглядит для графа даром Богини. Для графа, не для меня. Нет, я, несомненно, собираюсь жениться, но жену выберу сам. Мои дети будут Штаденами не только по фамилии, но и по крови, и родятся не от женщины, которая к аристократии причисляется только по фамилии. Вела Штрауб себя не слишком красиво, пользуясь своим положением и рассчитывая, что высокопоставленный папочка непременно прикроет, если что пойдет не так. Отказ уехать и намеренное непонимание моих вопросов говорило о том, что расслабляться в этот месяц нельзя. И чем, интересно, Фальк не устроил графа Штрауба? Происхождением? Это перекрывается Даром и предприимчивостью, а если передать титул и фамилию особым королевским указом, то роль зятя сведется к простой и необременительной роли ширмы.

В случайность встречи с любовником я не очень-то и поверил, а уж когда тот подлил что-то в мой бокал, поразился наглости этой парочки. Неужели рассчитывают, что выпитое приведет меня прямоком в Храм? Сильно заблуждаются. Оставлять подобное безнаказанным нельзя, но вызывать стражу и жаловаться – это как-то... Как-то недостойно военного мага. Я усмехнулся. Нет уж, пусть этот молодчик сам получит все, что приготовил для другого.

Я начал раздумывать, как провернуть незаметно. Нужен отвлекающий маневр, и такой, чтобы Фальку даже в голову не пришло проверить бокал до того, как тот опустеет. Помог приход Матильды, хотя чувства при ее появлении были смешанными: видеть я ее все так же не хотел, но польза от бывшей невесты оказалась неоспоримой. Кристиан в разговоре расслабился и выхлебал вино со своей добавкой. Его отношение к Штрауб не изменилось, и я уж начал думать, что там что-то отсроченное, как внезапно противник задымился.

Пожалуй, выглядело это красиво, особенно когда он попытался возмутиться и вместе со словами изо рта вырвались дымные золотящиеся кольца. Леди Штрауб обрушила возмущение от неудачи на меня. Она сверкала гневными глазами и казалась похожей на степной пожар, который как-то довелось видеть. Красиво и очень опасно, особенно если при себе нет телепортационного артефакта. У меня был, но я и без него бы выбрался: никогда не имел проблем со читами разного рода. Так что даже устрой здесь леди огненное шоу – ничего не добьется. Но дымящийся инор ушел, и внимание дам переключилось на меня.

– Гюнти, – Матильда положила свою нежную руку мне на плечо, – кажется, ты продолжаешь на меня обижаться.

– Матильда, дорогая, нас с тобой больше ничего не связывает, и ты совершенно напрасно пытаешься придумать для моего поведения другое объяснение.

– Гюнти, нам надо поговорить, но не при посторонних...

Она выразительно стрельнула глазами в Штрауб, та сразу с готовностью приподнялась. Однако, родственные души – понимают друг друга с полуслова.

– Я могу одна вернуться в гарнизон, чтобы вам не мешать.

При этих словах леди метнула в меня один из своих гневных взглядов. Она собирается вернуться одна? Как мило. А заодно узнать, как там любовник, и выработать очередной план?

– Не можете, – отрезал я. – Полковник Циммерман приказал вас охранять, а на расстоянии это затруднительно.

– Леди Штрауб, пожалуйста, пересядьте за соседний столик, – предложила Матильда. – Я закажу вам фирменный десерт. Уверена, вам он непременно понравится.

Все это сопровождалось столь сладкой улыбкой, что если ее добавить в чай, пить было бы невозможно – сплошной сироп. Но наверное, леди Штрауб была к сладкому равнодушна, поскольку не только не скривилась, но даже ответила не менее приторной улыбкой, прежде чем пересест. Да уж, эти две нашли друг друга на мою голову. Надеюсь, не объединятся.

Сел я так, чтобы постоянно видеть леди Штрауб. Можно, конечно, бросить на нее маячок и время от времени запускать контроль, но к чему лишний раз тратить магию, которая может пригодиться для более важного? Хотя маячок стоит поставить, мало ли.

– Гюнти, ты такой ответственный, – теперь Матильда положила свою руку на мою, пытаюсь сделать так, чтобы все мое внимание принадлежало только ей. – Это мне всегда в тебе очень нравилось. Точнее, нравится. Гюнти, прости меня...

Показалось, что она готовится разрыдаться. Этого допускать никак нельзя.

– Дорогая, мне не за что тебя прощать. Ты поступила так, как посчитала нужным, я – тоже. Извини, но наши отношения прежними никогда не станут.

– Гюнти, я ошиблась, – Матильда придвинулась так близко, как только могла, весьма соблазнительно облизнула нижнюю губу и жарко задышала мне прямо в ухо. – Тебя мне никто не смог заменить.

Захотелось уточнить, на скольких она проверила. Но такой вопрос опасно близок к выяснению отношений, чего я пытался избежать, поэтому я только спросил:

– Матильда, к чему это теперь? Ты замужем. Я очень надеюсь, что в браке ты получила то, чего тебе не хватало в наших отношениях.

– Мне всего хватало, – она все-таки всхлипнула, – но хотелось большего. Но когда я это большее получила, выяснилось, что без тебя оно вообще ничего не стоит. Я хочу тебя, понимаешь?

Ее рука сжалась, впиваясь в мою ногтями. Я чуть поморщился, поскольку это было не столь болезненно, сколь навевало ненужные воспоминания о том, как ее острые ногти проходились по моей коже, чуть впиваясь и царапая. Да, нам было хорошо вместе, но – было. Сидящая передо мной молодая женщина, вне всякого сомнения, была прекрасна, даже красивее, чем раньше, но... Но она не была той Матильдой, которую я любил, она была чужой. Чужой и нелюбимой.

– Нет, не понимаю, – лениво процедил я. – Такое желание не слишком подходит герцогине. Не думаю, что твой муж отнесется с пониманием к такому.

– Если тебя беспокоит только это, – торопливо зашептала она, – то он ничего не узнает. Гюнти, сама судьба на моей стороне, иначе бы ты никогда не оказался в Траттене...

Она выразительно улыбнулась, дразняще-манящей улыбкой, так хорошо знакомой и ничуть не изменившейся с нашего расставания. Судьба, а как же! Не судьба, а этот противный старикашка Лангеберг, который из всех вариантов выбрал самый для меня нехороший. Впрочем, когда я выполню поручение, меня наверняка переведут в более интересное место.

– Конечно, он ничего не узнает, потому что ничего не будет.

Матильда нахмурилась. Руку она не убирала, напротив – ухватила крепче, но хоть ногтями не цеплялась, и то хорошо. Страхнуть я ее мог, но как довести до бывшей невесты, что все, что было между нами в прошлом, там и осталось?

– Гюнтер, – неожиданно заявила она необычайно жестко, – это ты виноват, что я так влипла. И теперь ты обязан помочь.

– Я виноват?

Я как можно высокомерней приподнял бровь, показывая, что на такую ерунду меня не поймаешь. И в чем же я виноват? В том, что не герцог? Интересно, как она это будет доказывать?

– Конечно, ты, – убежденно сказала Матильда. – Ты мог меня остановить от опрометчивого брака. Даже силой оттащить в Храм. Но ты этого не сделал. Ты показал, что я для тебя значу намного меньше, чем я думала.

А еще я мог прийти на ее бракосочетание с герцогом Траттенским и заявить, что я против. Как там говорится? Что эта женщина принадлежала мне душой и телом? Телом-то да, она принадлежала, но душой... Душой она принадлежала и принадлежит только себе. Вот и сейчас ей что-то от меня нужно, и это что-то – отнюдь не ночь любви, как бы ни пыталась она убедить в обратном. Только вот незадача – я ей больше не верю.

– Наш разговор бессмыслен, Матильда. Более того, мы заставляем ждать леди Штрауб и даем ей пищу для разговоров. Если ты забыла, я ее охраняю.

Я бросил короткий взгляд на подопечную. Та на нас не смотрела, вяло ковыряла в креманке какой-то сложный десерт и была поглощена размышлениями о собственных проблемах. Еще бы: выяснилось, что так просто мне ничего не подольешь.

– Гюнти, – Матильда опять заворковала, поняв, что жесткостью не добьется желаемого, – я была молодой наивной девочкой. Я не думала, что это окажется столь ужасно.

Она приложила к глазам кружевной платочек, извлеченный невесть откуда с ловкостью профессионального мошенника, но выдавить из себя хоть слезинку не смогла и выразительно шмыгнула носом, намекая, что слезы скопились где-то внутри и она лишь волевым усилием не позволяет себе расплакаться.

– Если это так ужасно, что держит тебя рядом с мужем?

Она распахнула свои и без того бездонные глаза. Забавно, как это я раньше не замечал фальшивости движений, словно в процессе отработки она больше восхищенно разглядывала себя в зеркале. Вот у леди Штрауб все получается куда естественнее. Не знал бы о ее репутации, принял бы за чистую монету и оскорбленность, и невинные непонимания.

– Как что? Он никогда меня не отпустит. А если отпустит... Муж никогда не отдаст сына, а я не могу оставить малыша на это чудовище. Гюнти, ты должен помочь. Ты обещал.

Она схватила мою руку и прижала к груди так, что это больше напоминало соблазнение, чем просьбу о помощи. Ощупывать ее грудь я не собирался. Не слишком меня интересовали изменения, произошедшие за эти несколько лет, поэтому руку я мягко, но непреклонно освободил.

– Не представляю, чем могу помочь.

– Ты говорил... – она манерно подождала голосом, словно не в силах совладать с эмоциями, – ты говорил, что готов на все ради меня и что если понадобится твоя помощь, достаточно будет лишь попросить. Так вот. Я тебя прошу. Нет, не прошу, умоляю.

– Попросить о чем? Избавить тебя от мужа? – саркастически спросил я.

– Да, – неожиданно оживилась она. – Я знала, Гюнти, я знала, что ты непременно поможешь.

– Ты сошла с ума? – опешил я. – Как ты себе это представляешь?

– Не знаю. Главное, чтобы это представил ты. Вызовешь его на дуэль?

Платочек был так же быстро убран, как и появился, и Матильда со счастливой улыбкой и надеждой в глазах смотрела так, что я невольно почувствовал себя еще большим идиотом, чем тогда, когда она сообщила о решении вступить в брак с герцогом. Она что, серьезно считает, что я могу ради ее прекрасных глаз просто так убить герцога Траттенского?!

– Должен быть серьезный повод.

– Я согласна скомпрометироваться, – с готовностью предложила Матильда. – Лишь бы все это закончилось побыстрее.

Похоже, она согласна скомпрометироваться вне зависимости от моего согласия, да еще так, чтобы у герцога возникло желание вызвать и убить любовника жены лично, а не препоручить это неблагодарное дело специалистам. Второе, кстати, намного более вероятно, а меня не привлекает перемещаться по Гарму, стряхивая с хвоста не только леди Штрауб, но и наемных убийц.

– Не могу поверить, что ты фактически предлагаешь убить своего мужа.

– Гюнти, а что делать? – она ненатурально всхлипнула. – Я тебе даже не могу всего рассказать, так как это нанесет непоправимый ущерб репутации герцогской семьи, а у меня сын, ты же понимаешь? Гюнти, мы любим друг друга, кому как не тебе прийти мне на помощь в трудную минуту?

– Извини, дорогая, но не в моих правилах лезть в чужую семейную жизнь.

– Ой ли? – она нехорошо прищурилась. – Думаешь, не знаю, почему тебя сюда перевели? Так подставиться еще надо суметь. Заводить романы с женами начальников не всякому в голову придет.

– Я талантлив.

При этих словах я почему-то посмотрел на леди Штрауб. Богиня, да за что мне это? Если бы не эта неразборчивая девица, то не было бы ни Траттена, ни Матильды. Во всяком случае – в таких количествах.

– Гюнти, брак с герцогом был ошибкой, – продолжала гнуть свою линию Матильда, – но самой мне ее не исправить. Нужна твоя помощь. Помощь, которую ты обещал.

В ее глазах на миг промелькнуло нечто такое хищно-жесткое, что я невольно подумал, а любила ли она меня вообще когда-нибудь. О сейчас речи даже не шло – она собиралась найти во мне неугаснувшие чувства и беззастенчиво использовать. Но раньше, раньше, когда мы с ней встречались, была ли она влюблена или я просто казался ей подходящей партией, а когда подвернулась более подходящая, потерял для нее всякий интерес?

– Ты уверена, что во время нашей помолвки я обещал при необходимости убить твоего мужа?

– Ты обещал любую помощь, которая будет в твоих силах. Любую, – она опять положила руку на мое плечо. – Гюнти, я же не требую ничего невозможного. Избавь меня от мужа, и мы будем счастливы вместе.

Я опять посмотрел на леди Штрауб. Пожалуй, брак с ней не самое плохое, что может случиться. Спровоцируй Матильда скандал с герцогом – и на моей военной карьере можно ставить крест, даже если я его не убью. Матильдина идея с дуэлью – самое идиотское из ее предложений. Герцог не станет ни вызывать на дуэль, ни принимать вызов, а тихо-мирно наймет кого-нибудь для избавления от возникшей проблемы. Да, меня убить не так-то просто, но все же можно. А если встанет вопрос: моя жизнь или его – то, разумеется, я выберу свою. Понимает ли это Матильда? Прекрасно понимает и именно на это рассчитывает. Сейчас для нее важнее всего – сохранить положение и деньги. «Мой бывший жених так и не смирился, что я вышла за другого. Когда мы встретились, его страсть вспыхнула с новой силой. И как я ни уговаривала вести себя благоразумно, как ни напоминала, что к прошлому нет возврата...» Думаю, найдется множество желающих утешить вдовствующую герцогиню, особенно такую молодую и красивую.

Глава 12

Фридерика

Герцогиня Траттенская мне ужасно не понравилась, и совсем не из-за сохраненных ею воспоминаний о настоящей Штрауб. Воспоминания все равно оказались обрывочными и не представляли не малейшего интереса для этой леди, которая удовлетворилась объяснением о популярности в этом сезоне рыжего цвета, правда, отметила, что он у меня естественный, но больше в борьбе за внимание моего охранника. Вот он ее точно интересовал. Правда, интерес был какой-то странный. Леди явно хотела заполучить что-то от Штадена, и это что-то – не только он сам. Смотреть на ее ухищрения было не особо приятно, поэтому я с радостью согласилась пересесть за соседний столик, куда мгновенно принесли заказанный герцогиней десерт. Он оказался приторно-сладким, намертво прилипал к зубам и не размачивался даже горячим травяным отваром. Появилось подозрение, что этот фирменный местный десерт подают исключительно тем, кого герцогиня по какой-то причине считает соперницами, и подают не просто так, а чтобы надежно сцементировать вражеские челюсти. Возьми я на ложечку больше – и уже самостоятельно рот бы не открыла. Возможно, моего сопровождающего это даже порадовало бы, очень уж злят его почему-то мои ответы, а так злиться было бы не на что. Эх, жаль, что Кристиан так глупо попался на собственную уловку, его помощь сейчас оказалась бы весьма кстати. Здесь обычным споласкиванием не обойдешься, придется специальное средство использовать, а у меня даже щетки нет.

Но щетка сейчас беспокоила куда меньше, чем все остальное. Первый раз за день удалось остаться наедине с собой и подумать. В Траттен привела меня судьба, и наверняка не просто так. Этот город послужил причиной смерти Марты, и сейчас появился шанс узнать, что же случилось. Была ли ее смерть самоубийством, как посчитал следователь, или же дело совсем в другом. Прошел год, но остался инор, с которым она работала, и наверняка еще кто-то, знавший сестру. Знал ли ее Кристиан? Он точно не обрадовался, случайно встретив меня тут. И что тому причиной: недовольство, что я рядом с красивым военным, или нежелание, чтобы на свет вылезло что-то о Марте? Да-да, второе тоже никак нельзя исключить. Пусть в наших разговорах тема покойной сестры никогда не затрагивалась, но сейчас я очень хорошо видела некую странность в том, что не провела собственное расследование. Я хотела нанять частного сыщика, Кристиан обещал одолжить нужную сумму, и вдруг все как отрезало, я напрочь забыла про эту идею, и боль от потери сестры пусть никуда не делась, но как бы отошла на второй план. Не было ли в успокоительном еще каких-нибудь добавок, не замеченных мной, но повлиявших в нужном направлении? После смерти Марты я мало на что обращала внимание, проверить это было проще простого. Да, зелья для работы с менталом относятся к самым сложным, но у Кристиана ни с чем не возникало проблем. А если бы его вдруг поймали на подобной добавке, прямо скажем, запрещенной, отговорился бы тем, что сделал это для моей пользы, и отделался бы минимальным штрафом.

Но тогда получается, что Кристиан знал Марту? Или знал что-то такое о Траттене, во что я могла бы влипнуть по незнанию, как и сестра? Конечно, если я права насчет успокоительного и блок в моей памяти именно из-за него, а не вызван естественными причинами – желанием отгородиться от случившегося всеми возможными способами. Человеческий разум и не на такое способен.

Задумавшись, я поднесла ко рту ложечку с десертом, спохватилась и опустила в креманку. Немота, даже временная, плохо отразится на планируемом расследовании. А оно будет, нужно только придумать, откуда начать. И нужна осторожность. В письмах Марты не было указаний на что-то преступное, но бежала же она от чего-то? Или от себя? Что позволило следователю подтвердить версию о несчастной любви? Предсмертная записка? Но мне ее не показали, сначала отговариваясь тайной следствия, а потом... потом я не просила.

– Леди Штрауб! – герцогиня Траттенская бесцеремонно подергала меня за плечо. – Как вам десерт?

Она села на соседний стул и выжидающе уставилась. Подошедший Штаден выглядел так, словно у него внезапно заболели все зубы. Тоже угостили десертом? Но если судить по ауре, физической боли не было, значит, болело то, что связывало его с герцогиней, и было оно совсем не сладким.

– Чудесный, – немного покривила я душой. – Такой выразительный неповторимый вкус.

Один раз попробуешь, повторять точно не захочешь.

– Но вы его так и не доели.

Конечно, доешь я эту пакость, рта бы не смогла открыть даже для благодарности.

– Я очень плотно пообедала. Десерт явно лишний. К тому же пора возвращаться в гарнизон.

– Вам не помешало бы немного поправиться, – неодобрительно сказала герцогиня. – Впрочем, дело ваше, где есть. Прикажу упаковать вам с собой.

Она подозвала официанта, смотревшего на нее с таким обожанием, что я засомневалась, что он поймет хоть что-то. Как оказалось, напрасно. Инор подхватил десерт и почти тут же вернулся с картонной коробочкой, в которую наверняка переложил эту пакость. Вот ведь...

– Вы такая заботливая, Ваша Светлость.

– Не надо церемоний, – она хищно улыбнулась, – можете называть меня просто Матильда. Надеюсь, мы станем близкими подругами. В этом городе такая тоска. Словом не с кем перебраться. Даже о последних модных новинках узнаю, когда они уже давно устарели.

Заводить подруг вместо Штрауб в мои планы не входило, особенно таких, кто норовит впихнуть склеивающие фирменные десерты. Потолстение после такой дружбы – не самое страшное, здесь запросто можно остаться без зубов.

– Но я в Траттене только на месяц, Ваша Светлость.

– Матильда, – почти угрожающе поправила она.

– В любом случае я скоро уеду.

– А до вашего отъезда, Ульрика, моей задачей будет сделать так, чтобы вы не скучали. – Краем глаза я заметила напряженную фигура сопровождающего. Похоже, происходящее напрямую его касалось и очень ему не нравилось. – Поэтому для начала приглашаю вас на наш любительский спектакль. Завтра вечером. Отказы не принимаются. Места для вас и вашего сопровождающего будут оставлены. – Победная улыбка от нее, и гримаса недовольства от Штадена. – Самые лучшие места, не беспокойтесь.

Я заволновалась. Отношения с капитаном и без того испорчены, им уже ничего не повредит. Но вливаться в местную тусовку нельзя, Ульрика этого не поймет и не оценит. А если все вскроется, неприятностей будет куда больше, чем я рассчитывала первоначально.

– Право, Матильда, это вам не стоит беспокоиться. Я приехала на практику и уверена, что буду занята все дни напролет. Времени на скуку не останется.

– Дорогая, да кто вас будет загружать? – снисходительно бросила Матильда. – Если Вайнер сдуру решит, что перевалит на вас часть своих обязанностей, то я сначала передам просьбу через моего целителя, с которым они дружны, а если до него не дойдет, напишу жалобу. Не волнуйтесь, вас никто не обидит.

Я заволновалась куда сильнее. Из-за странной прихоти этой особы гарнизонный целитель может получить куда больше проблем, чем думал раньше. Может, нужно было соглашаться на оценку и отчет и уезжать? Но со Штрауб мы договаривались, что я пробуду в Траттене месяц, да и теперь я не могла уехать, хотя бы не попытавшись узнать, что же случилось с Мартой.

– Инор Вайнер очень любезен и совсем не хочет меня загружать. Но мне самой интересно...

Закончить фразу я не успела.

– Интересы должны чередоваться, – жестко возвестила герцогиня. – Я жду вас завтра вместе с капитаном Штаденом.

Более меня не слушая, она довольно изящно поднялась и требовательно протянула руку моему сопровождающему. Тот неохотно приложился. Герцогиня поощрительно улыбнулась и поцокала на выход, виляя округлым задом явно в надежде на зрителей. Но Штадену я насладиться зрелищем не дала.

– Зачем вы меня в это втравили? Мне вас и одного более чем достаточно.

– Я втравил? Вы могли отказаться. Да что там могли, вы должны были отказаться!

– Вы же прекрасно понимаете, что не могу, иначе пришлось бы вашей герцогине все выкладывать.

- Да уж, это ей точно не понравилось бы. Даже не сам обман, а его цель.
- В моих целях не было заводить знакомства в среде местной аристократии, - отрезала я.
- Неужели вам хватило бы общества дымящегося инора?
- Не волнуйтесь, он недолго будет дымиться.
- Вот еще, волноваться за него, - буркнул Штаден и посмотрел так, что я невольно вздрогнула. - Достаточно, что за него волнуетесь вы.

Пожалуй, за Кристиана я не волновалась. Он наверняка уже возвратил себе нормальный вид, и ни за что не позволит выяснять, что же случилось с Мартой, в этом я уверена. А я теперь не смогу ничего не делать, находясь здесь. Нужно хотя бы выяснить, ради кого она рассталась с жизнью. А для этого придется выходить в город. Поскольку одной выходить не получится, нужно либо попросить о замене сопровождающего, либо как-то помириться с этим. Я с сомнением посмотрела на Штадена. Проймет ли этого капитана вообще что-то?

- Не сердитесь, капитан, - улыбнулась я по возможности миролюбиво. - Может, заключим пакт о ненападении?
- Что вы имеете в виду?
- Постараемся примириться с существованием друг друга на время моего пребывания в Траттене. Например, вы меня оградите от общества герцогини Траттенской, а я вас - от общества инора Фалька, как вам?
- Меня общество инора Фалька ничуть не беспокоит.
- Боюсь, он не остановится на одной попытке. И сам больше не выпьет.

Штаден необычайно гадко приподнял правую бровь.

- Выпьет, даже не сомневайтесь.

Его слова прозвучали угрозой. Бедный Кристиан. Боюсь, если он даже заметит в следующий раз, что бокалы поменяны, то его заставят выпить силой. Нужно с этим Штаденом поосторожнее...

- Хорошо, пусть не с инором Фальком, но с чем-то другим я могу вам помочь?
- Разве что если прямо сейчас уедете.

Но в его голосе послышалась некоторая неуверенность. С появлением герцогини, похоже, проблемы капитана со мной отошли на второй план. Да уж, эту Матильду просто так не проигнорируешь.

Попытка забыть десерт в ресторане не удалась - официант поймал меня почти у выхода и все-таки всунул коробку. Я попыталась ее передарить сопровождающему, в конце концов, герцогиня - его знакомая, он наверняка разделяет ее вкусы, а помолчать полезно не только мне. На что Штаден заметил, что сладкое не любит, а если десерт мне так не понравился, его можно оставить в ближайшей урне.

- А Ее Светлость не обидится?
- Вряд ли она сейчас наблюдает за нами. Я ей не расскажу, не волнуйтесь. Могу даже выбросить сам.

В подтверждение своих слов он забрал у меня коробку и небрежно закинул в урну, мимо которой мы как раз проходили. Этот жест доброй воли настолько меня обрадовал, что я решила попытаться еще раз с ним договориться.

- И все же, капитан, неужели мы не можем с вами сосуществовать мирно?

Он остановился. Чуть испытующе на меня посмотрел, а потом неожиданно спросил:

- Леди Штрауб, а почему вы не хотите выйти замуж за отца своего ребенка?
- Какого еще ребенка? - опешила я. - У меня нет никаких детей.

– Не притворяйтесь, – он чуть поморщился. – Я про того, которого вы сейчас носите.

– Да вы с ума сошли... С чего вы взяли такую чушь? – возмутилась я. – Я не беременна, это вам любой целитель подтвердит. И замуж не собираюсь. Во всяком случае, в ближайшие несколько лет.

Я окинула этого нахала взглядом. Надеюсь, достаточно высокомерным, чтобы Ульрике не пришлось за меня краснеть. Правда, я очень сомневаюсь, что она вообще умеет это делать.

– Зачем же вы сюда приехали? – недоверчиво спросил он. – Если то, что вы не собираетесь замуж, правда.

И это прозвучало столь оскорбительно, что я дала ему по физиономии, не задумываясь о последствиях. Почему-то он даже не попытался задержать мою руку, и след от удара хоть и не сильно выделялся на его смуглой коже, но все же был довольно заметен: в удар я вложила всю свою злость за сегодняшний день. Раскаяния я не испытывала. Мое предположение, что он в курсе замены леди Штрауб, оказалось ошибочным. Капитан считал, что перед ним настоящая Ульрика, и был уверен, что она приехала сюда покрыть свои большие и мелкие грешки путем брака с офицером из захолустья. Но одиозная на такое никогда бы не пошла, так что я стукнула не только за себя, но и за нее.

– Я приехала практику проходить! Неужели вы серьезно думаете, что я отправилась сюда, чтобы соблазнить кого-нибудь из местного гарнизона? Что за глупости вам приходят в голову, капитан Штаден!

– Извините.

Мне показалось, что он смутился, и я неохотно кивнула, принимая извинения. Но такие подозрения не появляются на пустом месте, должна быть какая-то причина.

– Про беременность вам Кремер сказал? – уточнила я. – Может, чтобы вы не вздумали за мной ухаживать? Он вообще со странностями. Заявил, что собирается на мне жениться, представляете?

– Вот и выходили бы за него, – предложил Штаден. – Прекрасная партия.

Похоже, окончательно его подозрения не рассеялись, и он почувствовал бы себя спокойнее, заяви я о планируемом браке.

– Нет уж, спасибо. Кстати, если вы меня охраняете, то в ваши обязанности наверняка входит и ограждение от таких типов?

Я оживилась. Хоть какая-то польза от охраны.

– То есть я должен ограждать вас от Матильды, Кремера и Бруна, а за это вы ограждаете меня от Фалька, с которым я вполне могу справиться и сам? Неравноценный обмен.

Он усмехнулся, но уже совсем не так пренебрежительно, как раньше. Улыбка у него оказалась даже приятная, а проскользнувшая ехидная нотка – вполне дружественная. Надо же, чтобы сделать из него нечто нормальное, нужно было просто сильно стукнуть.

– Брун – тот тот офицер, у которого пострадал солдат? Мне он не показался опасным.

– Это пока он не начал вас осаждать.

– Постараюсь с ним справиться самой, чтобы вам не переутруждаться.

Мы подошли к проходной, и тут я вспомнила, что собиралась купить расческу и зубную щетку, но за всеми этими разговорами совершенно забыла.

Глава 13 Гюнтер

Количество иноров, от которых следовало охранять леди Штрауб, росло с невообразимой скоростью. Когда мы вернулись в целительский пункт, там уже томила в ожидании целая толпа. Кроме целителя, в не таком уж большом помещении со всеми возможными удобствами расположились: довольный Кремер, переставший дымиться Фальк и Брун. Последний усиленно делал вид, что уж он-то не просто так сидит, а с определенной целью. Его палец с засохшей каплей крови торчал вверх, взывая к целительскому милосердию.

– Леди Штрауб, наконец-то, – оживился он, лишь только распахнулась дверь. – А я уже думал, истекла кровью, так и не дождавшись вашего появления. Умру, можно сказать, во цвете лет.

– Если вы так боялись умереть, капитан, могли бы принять помощь инора Вайнера.

– Я ему не доверяю. Он не способен к тонкой работе, а я не хочу остаться без пальца.

– Палец – не такая большая потеря, когда нет головы, – заметил Кремер.

Брун повернулся к нему всем туловищем, явно прикидывая, не пора ли наглеца вызвать на дуэль и поставить на место. Угрожающе прокашлялся, но Кремер на него даже не взглянул.

– С такими царапинами стыдно таскаться по целителям. – Это уже Фальк. – Которые ходят к тому же непонятно где и непонятно с кем.

– Не думаю, инор Фальк, что вам так интересны подробности моего визита под присмотром капитана Штадена в лавку, – сухо заметила леди Штрауб. – Да и если интересны, то у вас нет права требовать от меня отчета. И вообще, инор Вайнер, что посторонние делают в целительском кабинете?

Не знаю, как инору Фальку, а мне ее визит в лавку был очень интересен и дал пищу для размышлений. Леди купила расческу, мыло и зубную щетку с порошком. Причем, когда выбирала, опиралась на стоймость товаров: расческу выбрала самую простую, более дорогой кусок мыла с явным сожалением отложила и взяла более дешевый. Граф Штрауб ограничивает дочь в средствах? На вопрос, почему горничная не положила столь необходимые вещи, леди Штрауб ответила, что чемодан собирала не горничная. Все это выглядело довольно странно.

– Я не посторонний, – возмутился Фальк. – Я, знаешь ли, дорогая... Рика, поставляю сюда целительские зелья, чтобы сэкономить время инору Вайнеру.

И опять заминка перед именем, сопровождаемая выразительным взглядом Фалька...

– В этом месяце твои поставки не понадобятся. Я беру изготовление на себя. Или ты сомневаешься в моих умениях?

Фальк не сомневался, поскольку пробормотал недовольно:

– Ты подрываешь мое дело на корню. Не слишком предусмотрительно...

Прозвучал намек, непонятный мне, но очень даже понятный леди, поскольку посмотрела она весьма зло на... На кого? На любовника? Но не похоже, чтобы она испытывала к нему нежные чувства, скорее – дружеские. К тому же он явно не из круга общения Штраубов и, получается, делит ее как минимум с Кремером? Но не хочет делить с охранником. Странности вокруг приехавшей леди множились.

– Инор Вайнер, и давно вы имеете дело с инором Фальком?

– Да года три уже, – чуть задумался целитель.

Леди повернулась к Фальку.

– Да, – буркнул он, чуть вильнув взглядом в сторону.

– Что «да»?

– Да – ответ на твой вопрос. Но давай поговорим потом, без посторонних?

Она кивнула, но с таким видом, что на месте Фалька я бы не стал дожидаться разговора, а удра бы подальше. Что-то во взгляде рыжей намекало, что неудачливого поклонника ждет

очень неприятный разговор. Интересно, что это за вопрос, который хоть и не прозвучал, но вызвал столько эмоций у обоих? Что поставлял этот тип в гарнизон? И не имеет ли это какого-то отношения к поручению королевского мага? Я с новым интересом посмотрел на Фалька: не отягощенный излишней моралью, знаний наверняка хватает, одно «но» – бывает ли он в Траттене достаточно часто?

– Леди Штрауб, так вы поможете мне? – с глубоким страданием в голосе простонал Брун.

– Инор Вайнер, где у вас пластырь?

Целитель усмехнулся, выдвинул один из ящиков и вручил помощнице целую упаковку. Но той столько было не нужно: оторвав тонкую пластинку, она аккуратно заклеила пострадавший палец, предварительно намазав его какой-то жидкостью, остро пахнувшей спиртом и травами. Ее действия говорили о некотором опыте и умениях, что никак не вязалось с образом, который создался у меня до нашей встречи. Почему-то я ожидал увидеть такую же томную блондинку, как Матильда. Впрочем, отличие по масти еще не говорит об отличии по сути. Да и отличия по масти на самом деле нет – Фальк сказал Матильде, что леди Штрауб перекрасилась. Перекрасилась? Я попытался представить девушку с белокурыми волосами, но не смог, она была создана для рыжего цвета, именно такого – яркого, огненного, с нежно-золотистыми всполохами. Возможно, когда Матильда ее видела, леди как раз перекрасилась в блондинку, а рыжий цвет – родной? В таких вещах никогда нельзя быть уверенным, цвет волос у женщин – величина столь же непостоянная, как и настроение.

– И все? – возмутился Брун. – А полечить?

– Такие мелкие травмы не нуждаются во вливании магии, – отрезала леди. – Тем более палец у вас не так уж и пострадал.

– Но мне же больно, – укорил он. – Можно не вливать магию, а хотя бы поцеловать. Для облегчения страданий.

Леди Штрауб выразительно подняла бровь. Целовать никого и ничего она явно не собиралась.

– Подуть? – с надеждой спросил Брун и помотал замотанным пальцем.

В обмотке пластырем палец выглядел довольно солидно, и не возникало опасения, что доблестный офицер гармской армии истечет кровью во цвете лет. Впрочем, кровью истечь ему и без пластыря не грозило. Наверняка ткнул обычной иглой, чтобы создать видимость повреждения. Недаром все затянулось еще до нашего прихода.

– Поскольку целительская помощь оказана в полном объеме, покиньте кабинет.

Раздался тяжелый укоризненный бруновский вздох, по громкости вполне соизмеримый с его голосом. Но леди не прониклась, и пострадавшее лицо все же ушло. О замене охранника Брун даже не заикнулся, из чего я сделал закономерный вывод, что полковник Циммерман без понимания отнесся к его замечательному предложению. А жаль...

– Иноры, насколько я могу судить, у вас поврежденных частей тела нет, отравления и инфекции отсутствуют. Единственный «пострадавший», нуждавшийся в дружеской поддержке, уже ушел, так что я не понимаю, что вы делаете в кабинете целителя.

– Действительно, – Фальк одарил нас неприязненными взглядами. На удивление, Кремеру досталось не меньше. Неужели тоже пытался его чем-то неудачно опохмелить? – У нас намечается деловая беседа, при которой посторонние не нужны. Выйдите отсюда. Только не надо говорить про необходимость охраны еще и в гарнизоне.

Захотелось сказать, что теперь вступило в силу обещание леди Штрауб оградить уже меня от него, но говорить этого я не стал. Еще возгордится и посчитает, что следующая попытка отравления непременно окажется удачной. А у меня, кроме собственной наблюдательности, есть еще и замечательные артефакты маминой работы. Так что покушение Фалька опять провалится, и поскольку спускать такое нельзя, а он будет на чеку и больше свое зелье по невнимательности не выпьет, придется применять силу.

– Если леди не собирается покидать гарнизон, я могу вообще уйти. Охранять ее еще и в целительском пункте я не обязан.

– Мы собираемся прогуляться по Траттену, – ожил Кремер, – но полковник Циммерман согласился, что свою невесту я могу охранять сам.

Однако... Зря леди Штрауб понадеялась, что любовник вернулся в Гаэрру. На проходной он не стоял лишь потому, что встречался с начальником гарнизона.

– Приказа не было. А без приказа прости, Артур, но леди только с тобой не пойдет.

– Вот и охраняйте свою невесту, – с вызовом сказала леди почти одновременно со мной. – А ко мне близко не подходите.

Фальк прищурился как довольный кот: размолвка между Штрауб и Кремером его очень даже устраивала. И этот намек на какие-то общие дела... Нет, нужно непременно поговорить с Кремером.

– В самом деле, иноры капитаны, – немного смущенно сказал Вайнер, – вы можете обсудить охрану за дверью, а мы пока поговорим о практике леди Штрауб с учетом письма от инора Фогеля.

– И что ему понадобилось от... Рики? – ошутимо напрягся Фальк.

– Инор Фогель – это кто? – опередил меня с вопросом Кремер.

– Целитель герцогской семьи. Передал просьбу герцогини, чтобы ее подругу загружали как можно меньше. Леди, может, вы все-таки рассмотрите вариант, предложенный вам в самом начале?

Быстро Матильда на него надавила. Или у нее есть специальный амулет вызова? Нажала при необходимости – и целитель срочно предстал перед прекрасными глазами герцогини, готовый выполнить любую просьбу. Здоровье у Матильды отменное, но нельзя же простаивать такому замечательному артефакту.

– Я буду проходить практику в полном объеме. В конце концов, посещение одного-единственного спектакля не отнимет много времени.

– С чего это вдруг герцогиня прониклась к тебе дружескими чувствами? – недоверчиво спросил Фальк.

– Не ко мне, к капитану Штадену. Они были знакомы раньше.

– Точно, – обрадовался Кремер. – Она же была твоей невестой, да, Гюнтер?

– Давно. Теперь нас ничего не связывает.

– Боюсь, ей так не кажется, – ехидно заметила леди. – Она так смотрела и так цеплялась за ваши плечи, словно вас связывает очень и очень многое...

– И ей, и вам может казаться все что угодно.

– Герцог Траттенский очень ревнив, – словно в никуда протянул Фальк.

– Выбрала-то герцогиня его, а не Гюнтера, – нехстати влез Кремер. – С чего ему ревновать к прошлому?

– Я промолчу, ЧТО выбрала герцогиня, – Фальк усмехнулся.

И хоть он «промолчал», все прекрасно поняли, что герцогиня выбрала не мужчину, а титул и деньги. Со стороны леди Штрауб неожиданно прилетел сочувственный взгляд. Вот уж чего мне от нее не нужно. Жалеть меня не за что. Все сложилось прекрасно, и было бы еще лучше, если бы сейчас не пытались впихнуть другую невесту.

– Иноры капитаны, – устало сказал Вайнер, – покиньте целительский кабинет. Вы мешаете нашей работе. Леди Штрауб вы можете подождать за дверью. Лавки для посетителей там не слишком комфортные, но долго ждать не придется.

Как только за нами захлопнулась дверь кабинета, я сразу спросил Кремера:

– Какие отношения между тобой и леди Штрауб? Только честно.

– Честно? Все же речь идет о чести дамы...

– Артур...

– Немного любовники, немного друзья, – усмехнулся он. – Можно сказать, благодаря ей я встретил девушку своей мечты.

Слова его звучали несколько странно, заставляя сомневаться и в том, что он говорит, и в смысле произнесенных слов.

– Извини, но вы не похожи на любовников, а уж тем более на друзей.

– Могу поклясться, что я и Ульрика Штрауб не единожды спали вместе, – расхохотался он. – Правда, не понимаю, чем это тебе поможет в исполнении обязанностей охранника.

– Моя подопечная просила оградить ее от тебя. Утверждала, что ты хочешь на ней жениться, а у нее нет ни малейшего желания иметь с тобой что-то общее. Ты действительно хочешь на ней жениться?

– Не поверишь, но я действительно хочу жениться на охраняемой тобой девушке. И тоже могу дать любую клятву по твоему выбору.

Кремер вел себя странно, словно происходящее его ужасно забавляло. Словно владел информацией, которой у меня не было. Я слишком давно его знаю, чтобы не сомневаться – клятву он действительно даст, попроси я об этом. Но если эта рыжая – его любовница, то почему она не только отказалась за него выходить, но и относится с явным отвращением? Если леди Штрауб срочно требовалось замуж, почему ее или ее отца не устроил Кремер? И каким образом в это уравнение вписывается Фальк, подливающий зелья соперникам? Хотел бы я послушать, о чем они говорят со Штрауб без свидетелей. Подходящий артефакт есть. Только насколько законно его использовать? Леди Штрауб – объект охраны, а не подозреваемая.

– А какое отношение к леди Штрауб имеет Фальк?

– Понятия не имею, – весело ответил Кремер. Чуть прищурился и спросил: – А что ты так внезапно заинтересовался Ульрикой?

– Мне кажется, ты чего-то недоговариваешь.

– Все мы чего-то не договариваем, – легко согласился Кремер. – Но успешность твоей миссии по охране совершенно не зависит от того, что я не считаю возможным тебе рассказать. Это не моя тайна, знаешь ли.

И какая же тайна? В моем положении любая тайна леди Штрауб представляет важность. Я в упор уставился на Кремера. Но он не торопился отвечать на невысказанный вопрос, откинулся к стене и прикрыл глаза, показывая, что собирается дождаться «невесту» и не намерен больше говорить ни о ней, ни о ком другом. Похоже, срочно нужен другой источник информации. Желание узнать, о чем говорит троица в кабинете стало почти непереносимым, но все же я ему не поддался.

Глава 14

Фридерика

Как только за капитанами закрылась дверь, я спросила:

– Инор Вайнер, почему на гарнизон только один целитель? Вам же сложно.

– Я уже привык, – чуть смущенно пожал он плечами. – Надолго не отлучишься, конечно, но мне и некуда особо. Доплачивают прилично, опять же. Правда, полковник Циммерман все пытается добиться, чтобы нам прислали еще хотя бы одного...

– Но целители слишком ценны, чтобы ехать в заштатный гарнизон, – прервал его Кристиан. – Так что Томас, пользуйся возможностью немного отдохнуть. Девушка, приехавшая на практику, можно сказать, всегда училась за двоих, поэтому если говорит, что знает – так оно и есть.

Лестью меня не сбить, пусть не надеется. Зато Вайнер очень легко переключился с проблемы нехватки целителей в гарнизоне на собственные, куда более важные для него.

– Леди говорила про зелья. Она действительно способна приготовить необходимые?

– Обижаешь. Она, можно сказать, училась под моим руководством. Я знаю все ее сильные и слабые стороны. Так вот – слабых сторон у этой девушки нет.

– Кристиан... – с нажимом сказала я.

Но он не унимался, он перечислял и перечислял мои «сильные стороны», так что гарнизонный целитель к концу этой пламенной речи непременно должен был увериться, что я не только состою из одних достоинств, но и являюсь земным воплощением Богини. Пришлось как можно незаметнее двинуть Кристиана локтем в бок. Наверное, получилось это не слишком выразительно, потому что приятель даже не поморщился.

– Так вот, Томас, – делая вид, что не замечает моего недовольства, продолжил Кристиан, – поскольку ты на целый месяц получил в свое распоряжение настоящее сокровище, должен сделать все, чтобы ее практика прошла как можно более комфортно. А для этого нужно убрать постоянные раздражители в лице Кремера, герцогини и этого... как его там?.. Штадена.

– Как, по-твоему, я это сделаю? – удивился Вайнер. – Если мне уже намекнули, что у леди Штрауб должно быть много свободного времени.

– Карантин, – радостно предложил Кристиан. – По «Черному ветру».

– По «Черному ветру»? – испугалась я.

И не просто так испугалась. «Черный ветер» – одна из орочьих полумагических зараз. Распространялась почти мгновенно и мало кого оставляла в живых. Заразиться – проще простого, а вот вылечить... С «Черным ветром» не так легко справиться, нужно очень быстро выявить и принять нужные меры.

– С чего вдруг?

– Как раз вчера задержали орка. Допрашивают у вас. Уверен, полковник Циммерман с пониманием отнесется к такому предложению.

– Зато остальной гарнизон без понимания, – проворчал Вайнер. – Это ж никто не сможет выйти в город.

– Всего на две недели.

– Карантин по «Черному ветру» на неделю.

– Тем более. Что такое одна неделя по сравнению с ценностью жизни?

– Кристиан, к чему вообще такие сложности? Что страшного случится, если я схожу один раз на спектакль к герцогине, которая к тому же интересуется не мной, а моим охранником?

– Дорогая, у герцогини могут быть гости, знакомые с леди Штрауб, поэтому одним визитом не отделаешься, зато получишь кучу проблем на свою прекрасную головку, – усмехнулся

Кристиан. – Приезд сюда с твоей стороны – настоящий идиотизм. Никогда бы не подумал, что ты на такое способна. Сейчас я пытаюсь минимизировать возможные отрицательные последствия.

– Завалят леди приглашениями, и что? – не понял Вайнер. – Я не буду ничего иметь против.

Но я-то поняла, на что намекает Кристиан. Если у герцогини окажутся особы, лично встречавшиеся с Ульрикой, им не заявишь, что леди просто перекрасилась. У нас разный не только цвет волос, мы вообще непохожи друг на друга.

– Леди как раз хочет нормальную практику, а не шляться по визитам, – ответил Кристиан. – Томас, я буду твоим должником.

– Интересное предложение, – оживился целитель. – Рецепт выдашь?

– Не настолько же. В течение года каждое десятое зелье бесплатно, идет? – Кристиан повернулся ко мне и подмигнул. – На что не пойдешь ради прекрасных глаз.

Вайнер задумался. Переводил взгляд с меня на него и обратно. Наверняка пытался понять, что нас связывает и стоит ли просьба Кристиана возможных неприятностей.

– Карантин – только на неделю, – наконец решился он. – Даже Циммерман поймает, что что-то не то, если я буду настаивать на двух.

– Потом еще что-нибудь придумаем, – обрадовался Кристиан. – Тогда – к Циммерману?

При нашем появлении Кремер, про которого я успела благополучно забыть, подскочил и галантно согнул локоть:

– Ульрика, дорогая, надеюсь, вы здесь все закончили и мы наконец можем осмотреть Траттен.

– Увы, дорогая Ульрика никуда не пойдет, – ехидно заявил Кристиан, – поскольку в гарнизоне объявляется недельный карантин по «Черному ветру». Думаю, пара минут, чтобы отсюда выбраться, у вас есть, капитан, иначе застрянете до отмены. Тюфяк в казарме вам наверняка выделят, а на большее не рассчитывайте.

Я с интересом взглянула на Кремера: как бы ни хотелось ему пофлиртовать со мной, бросить Ульрику на целую неделю будет не слишком разумно, с нее станется заявиться сюда и закатить скандал, который выльется в другой, куда более серьезный. Вероятно, он подумал о том же, поскольку недовольно спросил:

– Какой еще «Черный ветер»?

– Самый ужасный и самый черный, – невольно улыбнулась я, – который не позволит в ближайшую неделю ходить на герцогские приемы.

– Элегантное решение, – восхищенно прищелкнул языком Кремер.

– Я к Циммерману за приказом, – намекнул на отсутствие времени Вайнер.

Кремер чмокнул мою руку и торопливо пробормотал, что дела, увы, не позволяют здесь задерживаться, после чего почти рысцой двинулся на проходную. Думаю, бежать ему не позволяло только нежелание выглядеть в моих глазах трусом. Кристиан двинулся было за ним, даже не попрощавшись, но я его ухватила за рукав.

– Ты мне так ничего и не объяснил.

– Фридерика, – заныл он, – разговор долгий, отнюдь не на пять минут, а мне так же, как тому капитану, не улыбается застрять здесь на неделю, пусть даже Вайнер выделит целую палату в целительском отделении и не придется спать на тюфяке в казарме. Но ты же со мной не поселишься, а дела сами не сделаются. Через неделю я весь твой, расскажу все-все.

И улыбнулся, глядя совершенно честными глазами. Похоже, договаривался он о карантине больше для своей пользы: ведь я тоже целую неделю не смогу выйти, а Вайнер наверняка ничего интересного не расскажет, не зря же Кристиан не боится оставлять меня с ним. Но пока я придумывала, как облачить в слова обуревавшие меня чувства, Кристиан ловко вывернулся и рванул с такой скоростью, что даже обогнал Кремера. Что-то, а убегать от неприятностей у приятеля всегда получалось хорошо.

Я зло стукнула по стене, если уж до Кристиана не удалось добраться, повернулась – и наткнулась на внимательный оценивающий взгляд Штадена. Что-то ему очень не понравилось. Но что? Что такого могли сказать Кремер или Кристиан? В коридоре мы стояли вдвоем, отчего он показался совсем маленьким и тесным. Почему-то появилось ощущение грядущих неприятностей.

– Думаю, на сегодня наше общение закончено, – я постаралась улыбнуться как можно невозмутимее. – Всего хорошего, капитан Штаден. Если у вас есть дела, которые нужно завершить до карантина, поторопитесь.

– Да, – отмер он, – пожалуй, у меня появилась насущная потребность написать одному из своих draжайших родственников.

Почему-то его слова прозвучали угрозой, но я храбро улыбнулась и предположила:

– Маме, наверное? Чтобы не волновалась из-за карантина.

– Нет, мужу сестры. Но я вас отвлекаю. Вам же тоже наверняка нужно написать семье? – он нехорошо усмехнулся. – До свидания... леди Штрауб.

– До свидания, капитан Штаден.

Пожалуй, я испытала облегчение, когда он наконец ушел. Заминка перед именем была слишком характерна, чтобы не подумать – он знает или догадывается, что я не та, за кого себя выдаю. С другой стороны, я уже была в этом уверена, но выяснилось, что ошибалась. Может, сейчас опять кажется?

Долго раздумывать над загадкой не получилось. Вернулся Вайнер с сообщением о начале карантина, и почти тут же повалила толпа испуганных солдат, нашедших у себя неоспоримые признаки «Черного ветра». Целитель на такой поток явно не рассчитывал, поскольку после десятого пациента раздосадовано заметил, что запросил с Кристиана слишком низкую плату. Помочь я ничем не могла: пациенты полагали в данном случае мою квалификацию недостаточной и настаивали, чтобы их осматривал настоящий целитель, и не абы как, а очень тщательно. Тогда я пошла делать обещанные зелья, благо в соседнем помещении для этого было все нужное. Для работы требовались не только руки, но и голова, так что я старательно сосредотачивалась на том, что делаю, и отгоняла все мысли о сестре. Да и думай, не думай – ничего нового не надумаю.

К вечеру поток испуганных карантинном иноров иссяк, целитель проверил мою работу, удивленно хмыкнул и похвалил, после чего я отважилась спросить:

– Инор Вайнер, давно вы один работаете?

– С год, – после короткой заминки ответил он.

– А что случилось с вашим напарником?

– Напарницей, – поправил он. – Уволилась и уехала.

– Из-за чего?

– Наверное, надоела провинция, – он улыбнулся. – Не знаю, леди Штрауб, я с ней никогда особо близок не был. Очень замкнутая инорита. Но целитель прекрасный, да... Уверен, она хорошо устроилась.

Хорошо устроилась? Неужели Вайнер не знает, что Марта умерла? Должно же было быть хоть минимальное расследование? Неужели его не опрашивали?

Больше ничего я не успела спросить, в кабинет после короткого стука заглянул капитан Брун, расцвел, увидев меня, и пробасил:

– Леди Штрауб, вы потратили столько сил, их непременно нужно восполнить. Такая красивая леди должна питаться вовремя. Позвольте сопроводить вас на ужин.

– На ужин? У нас же карантин?

– В офицерскую столовую, разумеется. Вы же целитель, целители едят с офицерами.

Есть не хотелось, а еще больше не хотелось видеть Штадена, и изнутри все больше грызло

беспокойство. То, что охранника не наблюдалось поблизости, теперь пугало, и отнюдь не потому, что без охраны на меня кто-то мог напасть. Почему-то казалось, что я упустила что-то важное, что-то такое, что позволило этому капитану все понять. И дай Богиня, чтобы он понял правильно, а ведь мне только сейчас пришло в голову, как подозрительно выглядит такая замена: вместо одной девушки в военный гарнизон на границе с орками приезжает другая. Причем первая еще и неизвестно где находится... Нет, чем меньше мы будем встречаться, тем лучше.

– Прошу меня извинить, капитан, – улыбнулась я поклоннику, – но в обед герцогиня Траттенская угостила меня десертом, после которого совсем не хочется есть.

И который до сих пор так и не отлип от зубов. Впрочем, вполне возможно, это только казалось: слишком сильное впечатление произвело на меня это блюдо. В отличие от самой герцогини, манерной дамы, нагло вешающейся на бывшего жениха. Интересно, что в ней находил Штаден? А может, и сейчас находит: его отношение к бывшей невесте никак нельзя назвать равнодушным.

– Леди Штрауб, – укоризненно прогудел Брун и залихватски подкрутил ус, – вам непременно нужно поужинать. На самом-то деле вы хотите есть, просто так устали, что ничего другого не чувствуете. Или вы боитесь, что Штаден опять с вами поругается? Так его не будет.

– Покинул гарнизон до карантина?

Надо же, какой приткий. И не собирался же.

– Нет, в канцелярии сидит. Отправил письмо, ждет ответа.

– И кому отправил? – я невольно заволновалась.

– Да кто его знает, наверняка какой-нибудь оставленной в столице даме. Штаден – он такой непостоянный, не то что я. Вот я – образец верности и преданности.

Он опять подкрутил ус и расправил плечи, которые и без того были довольно широкими. Уверена, находится немало девиц, желающих опереться на эти выдающиеся плечи. И также уверена, что им разрешают разве что на них поспать.

– Только пока еще не нашлось, кому эту верность посвятить?

Я даже улыбнулась, хотя было не до смеха. Почему-то казалось, что письмо, которое ждет Штаден, напрямую связано со мной. Возможно, это было глупо, но я ничего не могла с собой поделать. Хотелось сбежать, но вот беда – карантин надежно запер меня на всю неделю в гарнизоне. Как бы эту неделю не провести в гарнизонной тюрьме.

– Вам бы все шутить, – расстроился Брун. – Эх, леди Штрауб, жестокая вы. А мне после тяжелой травмы нужна помощь и поддержка.

Он хотел показать пострадавший палец, но с того уже и пластырь слетел, а больше ничего о тяжелой травме не напоминало, даже следа укола не осталось. Я выразительно посмотрела, и Брун стыдливо завел руку за спину.

– Капитан, – торжественно сказала я, – как будущий целитель, обязанный заботиться о вашем здоровье, прописываю вам немедленно отправиться на ужин и основательно подкрепиться.

– А вы?

– А я пойду к себе. Приятного аппетита, капитан Брун.

Ответом был тяжелый выразительный вздох.

Глава 15 Гюнтер

Предположение казалось диким, и все же я себе никогда не простил бы, если бы не проверил. Инор Лангеберг сказал, что при необходимости могу связаться с ним через Дитера, мужа сестры и одновременно помощника придворного мага. Сейчас эта необходимость появилась. Письмо было коротким. Я сообщал о своих подозрениях: вместо леди Штрауб в гарнизон приехала совсем другая девушка, знакомая алхимика Кристиана Фалька по имени Фридерика. О том, что Кремер явно в курсе подмены, писать не стал: выводы делались на слишком шатких основаниях, а с Артуром мы знакомы давно, и в его лояльности короне я уверен. Отправлял через нашу канцелярию, но скоростной почтой и за деньги, поэтому надеялся, что ответ получу еще сегодня. Даже уходить не стал.

Дежурный притащил чашку чая ужасающих размеров, я пил обжигающую жидкость и думал, насколько справедливы предположения. Я не мог понять, зачем эта рыжая подменила Штрауб на практике в гарнизоне? Что такого интересного она может здесь узнать, такого, чего не сообщил бы хорошенькой инорите тот же Брун за небольшую благосклонность? Да здесь вообще ничего секретного не было и быть не могло! Но проникла же она сюда обманом? Значит, здесь есть что-то, ей интересное? Может, это что-то интересно и мне?

Тренькнул телепортационный артефакт и дежурный с удивлением сказал:

– Действительно, пришел вам ответ, капитан Штаден.

Я торопливо развернул листок. Там было всего два предложения. «Фридерика Рильке. Инор Лангеберг очень доволен». И? Объяснить причину довольства уже никак нельзя? Размер листа позволяет: вон сколько осталось свободного места, и не думаю, что все оно исписано убористым почерком развернутыми инструкциями, проявляющимися при специальных условиях. Вот ведь, старый хитрец, ничего лишнего не вытащишь. К чему вообще эти загадки? То, что Фридерика Рильке – та инорита, кто выдает себя за Штрауб, это понятно. Но что делать с этой информацией? Идти к Циммерману и сообщать, что в гарнизон проникла посторонняя особа? Но Лангеберг в курсе, и если бы было что серьезное, то наверняка уже приехали бы из Гаэрры и забрали лазутчицу. И где тогда настоящая леди Штрауб? Не то чтобы она была мне дорога, но я обязан защищать всех гармцев, вне зависимости от своего к ним отношения. Если, конечно, она нуждается в защите и это не часть постановки «Спаси принцессу и получи ее руку в подарок». Последнее было бы особенно печально.

– Что-то плохое? – участливо спросил дежурный.

– Скорее, странное, – уклончиво ответил я. – Спасибо за чай.

Итак, придворный маг убежден, что я справлюсь собственными силами. Интересно, что он ожидает? Полноценное расследование или результаты допроса подозреваемой? Удачно, однако, объявили карантин: подозреваемая никуда не денется целую неделю, можно выяснить все от и до. Но лучше, конечно, не тянуть. Время ужина еще не закончилось, да и устраиваться надо как-то на эту неделю, но я подумал и повернул к целительскому пункту: дело должно быть на первом месте.

Открыла обманщица сразу, даже не спрашивая, кто пришел. Совершенно неправильное поведение для того, кто должен быть постоянно настороже. Но опомниться я не дал – произвел захват по всем правилам: захлопнул дверь, впечатал самозванку в стену, антимагически зафиксировал руки над головой. Она возмущенно ахнула и попыталась меня пнуть.

– Капитан Штаден, вы что, с ума сошли? Я пожалуюсь полковнику!

Пришлось прижать ее так, чтобы ограничить возможность движения. Ее чуть приподнятое лицо оказалось совсем близко, в глазах было больше злости, чем испуга. Девушек раньше я не задерживал, к этому отнес внезапно возникшее чувство неправильности происходящего и несколько замешкался с уже вертевшимся на языке вопросом.

– Я буду кусаться, – неожиданно сказала она и даже попыталась сразу же цапнуть, но я без труда уклонился. – Вы так просто не получите то, что хотите, и не надейтесь.

– А что я, по-вашему, хочу?

Хотел я получить ответы, но было интересно услышать ее версию. Может, выдаст нечто, о чем я и не догадываюсь. Она поерзала, пытаясь отстраниться, но лишь уперлась в меня грудью,

весьма соблазнительно выглядящей с такого ракурса. Мой взгляд невольно там задержался. Ненадолго. Она заметила и покраснела, так сильно, что веснушки по цвету сравнялись с остальной кожей, до этого сливочно-белой. Богиня, как я мог принимать ее за женщину, подобную Штрауб? Видно же, что совсем неопытная девочка. Версия с проникнувшей в гарнизон лазутчицей тоже трещала по всем швам, но другой не было. Пока.

– Отпустите меня, – скомандовала Фридерика. – Немедленно отпустите!

– Отпущу, как только ответите на мои вопросы, инорита Рильке. Где леди Штрауб? Что вы с ней сделали?

Она вздрогнула и теперь испугалась по-настоящему. Глаза расширились, и она уставилась так, словно пыталась загипнотизировать. Но я гипнозу не поддаюсь, даже таких красивых глаз.

– Почему вы молчите? Слушаю вас, инорита.

– Она в квартире у Кремера.

Ответ не удивил: что-то такое я подозревал, не зря же Артур вел себя столь странным образом. Он обязан быть в курсе происходящего. Но ее слова пока ничего не прояснили.

– Замечательно. Значит, вы здесь, а леди Штрауб в квартире у Кремера. Она там удерживается силой?

– Силой? – она удивленно вскинула глаза. – Сомневаюсь. Она приехала туда по своему желанию и добровольно там живет.

– А что делаете здесь вы?

– Практику прохожу, – она неожиданно улыбнулась. – Капитан Штаден, я уже несколько раз отвечала вам на этот вопрос. Могли бы и запомнить.

Краска с лица постепенно сходила, и опять проявлялись веснушки, мелкие и золотистые, необычайно притягательные, так и хотелось их попробовать. Нет, положительно я зря не сходил на ужин – все мысли о еде, а не о деле.

– И почему вы здесь проходите практику?

– Потому что Ульрика мне за это заплатила.

Вот теперь я удивился. Со стороны дочери графа Штрауба было странно платить за информацию, которую она без труда могла получить сама.

– Заплатила? Зачем?

– Во-первых, она не хотела ехать в провинцию. А во-вторых, возможно, опасалась, что оценка за практику будет не слишком высокой. Она же не знала, что здесь столь отзывчивый инор Вайнер, согласный поставить любую оценку, лишь бы она уехала.

– А почему она попросила вас?

– Потому что я и раньше выполняла за нее задания. В моем бюджете это приличная статья дохода. Инор капитан, может, вы меня все-таки отпустите, и мы спокойно поговорим. А то я тоже вас неправильно поняла...

Я продолжал ее держать, хотя уже понимал, что никакой необходимости в этом нет – инорита проникла в гарнизон не для того, чтобы выведывать несуществующие военные тайны. Но смотреть так близко на нее оказалось необычайно притягательно, а стоит отпустить – и мы разойдемся по разным углам.

– Отпущу, непременно отпущу. Как только объясните, о чем говорили с инором Фальком, когда он ответил вам «да», хотя вы его ни о чем не спрашивали, только смотрели.

– Это касается моей семьи, а вас это совсем не касается, – неожиданно заупрямилась она.

– Как знать, инорита, может, это касается меня куда сильнее, чем вам кажется.

– Моя сестра вас в любом случае не касается. Отпустите меня наконец, а то я подумаю, что вы ко мне пристааете.

Это был запрещенный прием, и я с укором посмотрел: она прекрасно понимала, что я не настроен ни на флирт, ни на что-то более серьезное. Но Фридерика ничуть не смутилась, ответила вызывающим взглядом и опять дернулась в моих руках. Выбившаяся прядь упала ей на глаза, и девушка попыталась ее сдуть. Легкое дуновение коснулось и моей щеки. Почему-то запахло корицей.

– Отпустите, – с угрозой сказала она. – Отпустите немедленно. А то буду кричать!

– Это вам не поможет – я поставил полог тишины. Итак, что имел в виду инор Фальк, когда сказал вам «да»?

– То, что он знал мою сестру, – раздраженно ответила Фридерика. – Довольны?

В ее глазах появились злые слезы. Казалось, еще немного – и она расплачется. Но девушка только с силой втянула в себя воздух и прикусила нижнюю губу. Плакать она не собиралась, во всяком случае при посторонних. Я отпустил ее руки и чуть отодвинулся, давая свободу. Она же, вместо того, чтобы вытереть слезы, неожиданно с силой двинула меня по лицу. Что ж, сегодня я это заслужил.

– Инорита Рильке, у вас так скоро войдет в привычку меня бить.

– Если бы хотели, вы бы увернулись, – чуть ворчливо сказала она и провела тыльной стороной руки по глазам. – Вы меня напугали. Я ничего такого не сделала, чтобы так на меня набрасываться. У меня теперь точно будут синяки на запястьях.

Она потерла пострадавшие места, которые пока лишь ярко алели, вызываясь посмотреть и опять втянула в себя воздух, подавив всхлип. Тема сестры почему-то была ей очень неприятна, и тем не менее я чувствовал, что непременно нужно все выяснить.

– Если бы я захотел, я бы и увернулся, и превентивно врезал магией или кулаком, – согласился я. – Но вернемся к вашей сестре. Почему так важно, что Кристиан ее знал?

– Потому что он ни разу не говорил про это.

Она чуть наклонила голову и смотрела теперь не на меня, а на подол юбки или на пол – сложно понять.

– Может, просто к слову не приходилось?

– Да, конечно, – она вскинула голову и возмущенно уставилась. – Он занимался похоронами Марты, но как-то к слову не пришлось сообщить об их знакомстве.

– Так, может, и не знал. Почему вы решили, что это «да» – именно ответ на незаданный вопрос о сестре?

– Потому что Марта здесь работала. Вместе с инором Вайнером, который даже не знает, что она умерла.

– А отчего она умерла?

– Да какое вам дело? – возмутилась она. – До меня? До Кристиана? До моей сестры? Вы выяснили, что вашей любимой леди Штрауб ничего не грозит? Выяснили. Вот и отстаньте.

– Она не моя любимая, – теперь уже возмутился я, так как в ее словах почудился неприятный намек на матримониальные планы тетюшки. – Не выдумывайте глупости.

– А до этого нет дела уже мне. Можете выяснять, кто ваша любимая, за пределами моей комнаты. Видите – я не лезу в вашу жизнь. Не лезьте и вы в мою.

– Видите ли, инорита Рильке, я спрашиваю не из праздного любопытства.

Она немного помолчала, неприязненно глядя, но поскольку я не выражал желания покинуть ее комнату, неохотно сказала:

– По официальной версии, Марта покончила с собой из-за несчастной любви.

– Но вы в это не верите?

– Нет. – Она даже головой покрутила. – Марта была очень сильной. И потом... Да, в ее письмах проскакивали намеки, что кто-то у нее появился, но потом, потом там появился страх. Мне

кажется, она отсюда сбежала. И я не верю, что она покончила с собой. Мне даже ее предсмертную записку не показали. Дело очень быстро закрыли.

– А ваши родители не настаивали на более тщательном расследовании?

– У меня нет родителей, они умерли еще раньше. У меня теперь никого нет. – Ее голос дрогнул, и показалось, что она сейчас наконец-то расплачется, но нет, Фридерика лишь коротко вздохнула и посмотрела с вызовом: – Все? Допрос окончен?

– А вы? Почему вы не настояли?

– Потому что Кристиан, похоже, что-то мне подлил, из-за чего мое отношение к происходящему изменилось. Я собиралась нанять частного сыщика, но потом вдруг все это стало казаться неважным.

– Вы считаете, что он мог вам что-нибудь подлить? – недоверчиво уточнил я.

До сих пор я был уверен, что отношение Фридерики к Фальку было дружеским, а такое подозрение с дружбой не вязалось. Никак не вязалось.

– Мне очень плохо было после смерти сестры. Возможно, он думал, что действует для моей пользы, а возможно – что-то пытался скрыть. Я не знаю. Но сейчас, если уж я тут, я непременно выясню, что же случилось с Мартой и почему инор Вайнер даже не в курсе, что она умерла. Правда, я не знаю, откуда начать, но просто так это не оставлю.

– Я помогу. Вашу сестру звали Марта Рильке? Нужна точная дата ее смерти.

В глазах Фридерики появилось столько благодарности, что в ней можно было захлебнуться и утонуть. Словно не я не так давно повел себя по отношению к ней ужасающе грубо. Словно не она с таким гневом и отвращением не так давно смотрела прямо мне в глаза.

Глава 16

Фридерика

После того как капитан Штаден выяснил, что я вовсе не леди Штрауб, его отношение почему-то резко изменилось. Он перестал говорить гадости и смотреть так, что я чувствовала себя на редкость ничтожной и отвратительной. Оказалось, он бывает и вежливым, и приятным. Его обещание помочь неизмеримо обрадовало, я почувствовала, что теперь не одна. Но отрезвление пришло почти сразу. Почему он вдруг решил помочь? Не потому ли, что сам замешан?

– Вы знали мою сестру, капитан Штаден? – подозрительно спросила я.

– Откуда? Я здесь всего месяц.

Я немного успокоилась: к смерти Марты он не имеет отношения, поскольку его здесь не было. С Кристианом и местным целителем он тоже не в дружеских отношениях. А вот с Бруном и Кремером – да. Но считать ли это подозрительным?

– Полковнику Циммерману вы расскажете, что я не леди Штрауб?

Я была уверена в его ответе, но он ненадолго задумался и неожиданно сказал:

– С одной стороны, должен. Но с другой стороны, замена леди Штрауб на вас не угрожает безопасности гарнизона. Если я расскажу полковнику, он точно решит, что это непорядок. Тогда с большой вероятностью вас отсюда выставят, а вот настоящую – напротив, доставят. А это не в ваших интересах. И не в моих.

Я удивилась. Ульрику он явно не знал, иначе не принимал бы меня за нее. Казалось бы, какая разница, кого охранять? Вряд ли он принял столь близко к сердцу рассказанную мной историю и теперь стремление помочь затмевает служебный долг. Все это было ужасно подозрительно.

– И какой у вас интерес?

Он усмехнулся, и я поняла, что ответа не получу. Это меня никак не устраивало – если он собирается помогать, то причину нужно знать, иначе внезапно выяснится, что помощь окажется и не помощью вовсе, а попыткой окончательно все прикрыть. Правда, я не знала, было ли что прикрывать...

– Знаете, капитан Штаден, если вы не ответите, то я сама пойду к полковнику и все расскажу.

– Все?

– Все. И про Марту тоже, если вы об этом.

Он недовольно посмотрел, явно не желая расставаться со столь ценными сведениями, но я выразительно прищурилась и даже шаг к двери сделала.

– Видите ли, инорита, – неохотно процедил Штаден, – моя тетя уверена, что вопрос моего брака нельзя пускать на самотек, а лучшая кандидатура – леди Штрауб, с отцом которой она нашла полное взаимопонимание. От знакомства в Гаэрре удалось уклониться, правда, с некоторыми... гм... репутационными потерями и переводом сюда. Я был уверен, что лорду Штраубу моя кандидатура в зятя после случившегося покажется неподходящей. Но я ошибся, и теперь тетя забрасывает письмами с постоянным напоминанием, что леди Штрауб из Траттена должна уехать помолвленной.

Стало интересно, что за репутационные потери он себе устроил, только при воспоминании о которых его лицо приобретает необычайно страдальческий вид, но было понятно, что мое любопытство Штаден удовлетворять не станет. Наверняка, с его точки зрения, он и без того сообщил куда больше, чем собирался. Можно сказать, совершил над собой огромное усилие.

– А просто пояснить тете, что это не ее дело, вы не можете? – удивилась я.

– Видите ли, инорита, – чуть поморщился он, – проблема не в ней, а в лорде Штраубе, которого поставили в известность о том, что я готов жениться. Но жениться на его дочери я не готов, а лорд Штрауб не та персона, которая спокойно примет отказ.

Пожалуй, ситуация немного прояснилась.

– Поэтому вы сразу начали хамить при встрече? Потому что посчитали, что я приехала выйти за вас замуж?

Я вспомнила, как он говорил, что я ему не нравлюсь. Получается, он имел в виду в качестве жены? Я невольно рассмеялась. Богиня, оказывается, нашим военным тоже знаком страх, а самое страшное для них – брак. Штаден чуть смутился.

– А что, по-вашему, я должен был подумать? Что мне ее навязывают силой.

– Почему силой? Возможно, влюбились бы с первого взгляда. Вы же не видели Ульрику?

Тут я ничуть не лукавила: Ульрика была как раз из тех хорошеньких блондинок, которые нравились мужчинам. Возможно, Штаден и боялся, что не сможет устоять при личной встрече? А Ульрика наверняка не подозревала, что ее не просто отправляли в провинцию, а пытались свести со столь привлекательным капитаном, иначе она бы меня непременно предупредила. Но в ее напутственных словах не было упоминания о ждущем в Траттене «женихе».

– Достаточно, что я о ней слышал, – он нахмурился. – Инорита, вы серьезно полагаете, что я должен жениться на девушке, которая в настоящее время проживает у моего знакомого?

– Может, они только друзья?

Спросила я из вредности, и в ответ получила такой выразительный взгляд, что вопроса устыдилась почти тут же. В самом деле, зачем портить отношения с единственным союзником? И к чему нам вообще говорить про Ульрику, если есть тема куда важнее?

– Как вы думаете, кто здесь мог знать Марту? – спросила я после короткого молчания.

– Вайнер, Циммерман. Почти наверняка Брун – кажется, он в Траттене больше года. Интересно, почему при взгляде на вас он не вспомнил вашу сестру?

Это было как раз не странно.

– Мы с Мартой непохожи. Были.

– Совсем?

– Совсем. Знакомые всегда удивлялись, что мы сестры.

Штаден чуть дернул носом, как-то странно на меня посмотрел и неожиданно предложил:

– А не сходить ли нам на ужин, инорита? Заодно попытаемся что-нибудь выяснить.

– Ой, нет! – я невольно испугалась. – Там этот... Брун. Он опять начнет за мной ухаживать в своей странной манере.

С тяжеловесными комплиментами и проткнутым пальцем. С него станется повредить что-нибудь посущественнее, чтобы наверняка попасть под мое исцеление.

– Его можно спросить, ухаживает ли он за всеми местными целительницами, и таким образом подвести к вопросу о вашей сестре. Но осторожнее, если Вайнер в курсе и заодно с Фальком, то нужно расспрашивать так, чтобы не слышал целитель.

– Заодно в чем? – удивилась я.

– Мало ли. – Он чуть вильнул взглядом, самую малость, так что я даже подумала, не показалось ли. – Если вы подозреваете, что сестру могли убить, осторожность не помешает.

«Убить». Слово прозвучало жутковато, но точно. Сама я даже про себя думала лишь, что Марта никогда бы не пошла на самоубийство. Но если она шагнула из окна не сама... значит... значит, ей кто-то помог. И этот кто-то – убийца? Но за что могли убить целительницу заштатного гарнизона? Я взглянула на Штадена. Почему-то показалось, что он знает больше, чем говорит.

– Инорита, не стоит терять время, а то не успеем ни поужинать, ни поговорить с Бруном.

Он подошел к двери и распахнул ее, тем самым приглашая меня на выход.

– У нас теперь целая неделя в распоряжении, чтобы с ним поговорить.

Разговаривать с Бруном прямо сейчас не хотелось – еще поймет так, как посчитает нужным, и жди его ночью с дружеским визитом. Похоже, репутация Ульрики сыграла со мной злую шутку.

– Не волнуйтесь, я вас от него защищу, – правильно понял мои сомнения Штаден и подал руку. – Леди Штрауб, прошу.

– Леди Штрауб?

– Не будем путаться и путать окружающих, – усмехнулся он. – Хотя, признаюсь, мне имя Фридерика тоже нравится намного больше, чем Ульрика. И если ваш приятель продолжит вас так называть, то я невольно к нему присоединюсь.

Итак, причиной моего провала наверняка послужил слишком длинный язык Кристиана, которому недостаточно просто знать тайну, ему непременно надо на нее всем намекать и получать удовольствие из-за того, что намеков никто не понимает, слишком завуалированные. Впрочем, Штадену хватило...

На выходе из целительского пункта мы столкнулись с Вайнером. Он приподнял брови в деланном недоумении и окинул нас столь выразительным взглядом, что я покраснела. В самом деле, мы выходили из помещения, в котором кроме нас больше никого – даже пострадавшего солдата его товарищи уже оттащили в казарму, а учитывая, какие слухи ходят про Ульрику...

– Еле уговорил леди Штрауб пойти на ужин, – невозмутимо объяснил Штаден. – Капитан Брун произвел на вашу помощницу столь глубокое впечатление, что она боится выходить без охраны.

Я покраснела еще сильнее.

– И вы эту охрану осуществляете? – с невнятной улыбкой спросил Вайнер.

– Приказ полковника Циммермана.

– Ночью вы тоже ее будете охранять?

– В этом есть необходимость? – показательно удивился капитан. – Я был уверен, что охранные заклинания на целительском отделении – достаточная защита. Или на комнату леди они не распространяются?

– Распространяются, – неохотно ответил Вайнер. – Более того, конкретно на комнате, в которой поселили леди Штрауб, стоит зачарованная решетка на случай, если вдруг откажут охранные заклинания.

– Тоже приказ Циммермана? – заинтересовался Штаден. – В связи с приездом вашей помощницы?

– Да уже года полтора как поставили, – Вайнер нахмурился. – Вы думали, ради леди Штрауб?

– Мое предположение логично. Но если полтора года назад, то явно не ради нее.

– Да, – целитель потерял интерес к разговору и отодвинулся в сторону, давая нам пройти. – Поторопитесь же, капитан, а то окажется, что вы напрасно уговаривали леди поужинать.

Штаден поблагодарил его коротким кивком и, придерживая под локоть, повел меня к офицерской столовой. Я же все никак не могла прийти в себя после намеков Вайнера.

– Богиня, что он обо мне подумал, – невольно высказала я мучившие мысли.

– А на что вы рассчитывали, подражаясь играть роль леди Штрауб? С ее-то репутацией...

– Но я же не она, а подумают плохо обо мне, – несколько путанно пояснила я.

– Мы с вами столь мало были наедине, что если и подумают плохо о ком-то, то только обо мне, – несколько непонятно возразил Штаден, но не успела я спросить, о чем это он, как продолжил: – Не о том мы говорим. Решетка на окно была поставлена явно ради вашей сестры, и тема эта Вайнеру почему-то неприятна. На вопрос он не ответил и сразу отправил нас на ужин.

– Думаете? Там же четыре комнаты для целителей. Почему вы так уверены, что меня поселили именно в ту, где жила Марта?

– Потому что полтора года назад на ее окно поставили решетку. Зачем это делать, если в комнате никто не жил? И Вайнер не говорил, что поставили решетки на все комнаты для целителей. Заметьте, он сказал, конкретно на этой.

Он замолчал на самом интересном месте, я требовательно затеребила его за рукав и спросила:

– И?

– Что «и»?

– Какие выводы можно из этого сделать?

– Решетки ставят в двух случаях: когда боятся, что войдет кто-то посторонний, или когда боятся, что выйдет кто-то непосторонний.

– Марта через окна не лазила.

– При вас.

– Подозреваю, она и без меня не лазила. Она была слишком серьезной для этого.

– Не всегда младшие братья-сестры знают все о старших.

– Нет, теоретически она могла вылезти в окно, – согласилась я. – Но только при острой необходимости. И уж точно не проделывала это постоянно.

– Это вы про кого? – бесцеремонно вклинился в разговор Брун. – Кто вылезает через окна?

Надо же, а я и не заметила, что мы уже дошли.

– Леди Штрауб рассказывает про свою кошку, – нашелся Штаден. – Утверждает, что она на редкость благовоспитанная.

– Кошка? О, конечно, – расцвел Брун. – Наверняка вся в хозяйку. Золотистая и грациозная. И очень, очень хорошо воспитанная.

– Герцогиня Траттенская припомнила, что леди Штрауб – блондинка, – ехидно заметил Штаден. – Но поскольку любовь к переменам цвета волос у хозяйки, а не у кошки...

Брун посмотрел так, словно Штаден его оскорбил жесточайшим образом. Я уж подумала, что сейчас он начнет восхвалять уже белых кошечек, в надежде поразить меня в самое сердце, но нет капитан лишь кисло спросил:

– И как только Штаден уговорил вас пойти на ужин? Со мной идти вы не соглашались.

– Я был более убедителен. К тому же я не ухаживаю за всеми подвернувшимися целительницами.

– Я тоже не ухаживаю за всеми подряд, – возмутился Брун. – Только за леди Штрауб.

И только потому, что других целительниц нет в зоне видимости. И не только целительниц – в гарнизоне вряд ли много дам, достаточно молодых для бруновского интереса. А он заперт здесь на целую неделю. Да... Знала бы, что все так обернется – ни за что бы не согласилась на предложение Ульрики. При таком раскладе весь доход от этой авантюры уйдет только на успокаивающие зелья. Хотя отпугивающие были бы надежнее.

– Фред, тогда почему на окно комнаты целительницы поставили решетку? Наверняка от тебя. Ты же не столь хорошо воспитан, как кошечка леди Штрауб. Лازیшь в окна и без необходимости.

– Без необходимости я в окна не лажу. Тебе бы только опорочить мой светлый облик в чужих глазах, – укоризненно сказал Брун. – Эту решетку уже года два как поставили. При чем тут я?

– Так там тоже жила целительница. Хочешь сказать, не пытался нанести ей визит через окно?

– Я? Я визиты наношу исключительно через дверь, – он возмущенно посмотрел на Штадена, но возмущение было столь ненастоящим, что даже я не поверила. – И вообще, там плетистые

розы на стене, с огромнейшими колючками, а это, знаешь ли, не способствует лазанью по стенам...

– А с левитацией у тебя все те же проблемы?

– Какие проблемы? Нет у меня никаких проблем.

Брун возмущенно засопел, поклонился и ушел, одарив меня на прощанье разочарованным взглядом.

Глава 17 Гюнтер

Фридерика жаждала немедленных действий, пришлось напомнить, что пока мы ничего не знаем и можем только расспрашивать, и то – очень осторожно, принимая во внимание подозрения о смерти сестры. К сожалению, Фридерика ничего определенного не вспомнила, кроме общей тональности писем, на которой ничего не построить. Нельзя исключать вероятность обычного самоубийства, случившегося именно по причине, указанной следователем. Естественно, Фридерике говорить такое не стал, близкие люди иной раз не признают очевидное. Зато предложил внимательно осмотреть комнату погибшей сестры, поскольку практикантка упорно рвалась делать хоть что-то и следовало направить эту жажду деятельности в нужное русло. В комнате после погибшей целительницы никто не жил, могло что-то остаться. Маловероятно, конечно, но все же не невозможно, да и Фридерика займется делом, а не переживаниями.

Проводив инориту, я заглянул к Вайнеру, слишком уж явно было его нежелание говорить о зачарованной решетке на окне моей подопечной. Пришлось подождать в коридоре: целитель выслушивал очередного пострадавшего от карантина, который находил у себя все новые и новые симптомы в надежде повалиться несколько дней в одной из палат. Дверь оставалась чуть приоткрытой, поэтому я сполна насладился чужой фантазией: черный дымок при выдохе, звездочки в глазах при вдохе и жесточайшая ломота в костях. Картина вырисовывалась очень живописная.

– Рядовой, вы совершенно здоровы, – наконец не выдержал целитель. – Нечего выдумывать ерунду. Где ваш выдыхаемый дым?

– Его плохо видно, – вдохновенно продолжал врать пациент. – У вас освещение слабое, а дым не слишком сильный. А вот на солнце...

– А вот на солнце все пройдет, – Вайнер был невозмутим. – Кроме ломоты, разумеется. Но она – последствие вчерашнего перепоя, исцелять не буду. Свободны.

– Но вы обязаны...

– Исцеление похмельного синдрома – только по личному распоряжению полковника Циммермана, – отрезал целитель. – Не собираюсь тратить Дар на всякую ерунду. Я один – вас много. Звездочки, видите ли, у него в черном дыму. Пить надо меньше.

Пациент обиженно засопел, не так громко и выразительно, как Брун, но все же довольно артистично, словно надеялся, что целитель устыдится и займется своими обязанностями.

– Чего вы ждете? Свободны.

– Хоть зелье дайте. А то ходить невозможно, – прострадал рядовой. – И голова раскалывается...

– Зелье от похмелья не входит в комплекс, оплачиваемый военным ведомством.

– Сколько?

Вайнер озвучил, страдалец попытался торговаться. Интересно, знает ли Циммерман о маленькой подработке своего подчиненного? Наверняка знает, но смотрит сквозь пальцы. Второго целителя нет и не обещают, а на этого надавишь – без последнего останешься. А ведь гарнизон оплачивает еще и зелья, поставляемые Фальком, часть из которых уходит на сторону. Но полковника я не осуждаю ни в малейшей степени: должен же Вайнер при фактически круглосуточном режиме работы иметь хоть какие-то привилегии?

Торг набирал обороты и громкость. Но единственная уступка целителя, небольшая скидка при покупке сразу трех флаконов, никак не могла примирить покупателя с тем, что вообще придется платить.

– Целители должны быть самоотверженными, а не жадными, – разочарованно выдал неудачливый пациент. – Вы спасаете людей.

– Если с вас не брать денег, то я сам скоро окажусь на местном кладбище, – меланхолично заметил Вайнер. – Мои силы конечны, а ваши желания – нет. Приходится отделять важное от неважного. Решайте, берете ли, а то я подумываю, не поднять ли цену. Карантин на неделю, новых поставок не будет...

– Грабитель...

После очередного возмущенного вздоха послышалось звяканье отсчитываемых монеток, и наконец посетитель вывалился в коридор с несчастнейшим выражением физиономии. Да, расставаться с кровными, когда хотел получить что-то даром, всегда тяжело. Пропустив выходявшего рядового, я прошел в кабинет.

– И у вас звездочки и дым? – усмехнулся мне целитель, ссылая монетки в верхний ящик.

Сумма небольшая, но явно улучшившая его настроение.

– Пожалуй, с ними проблема. Ваш приятель Фальк пытался меня обеспечить хотя бы дымом, но задымился сам.

– Странно, Фальк обычно весьма аккуратен, и если уж наметил жертву, дымиться должна она.

– А пострадавшим от его действий полагается скидка?

– Нажалуетесь Циммерману? – заинтересовался Вайнер.

– Жаловаться? Я? Инор Вайнер, за кого вы меня принимаете?

– Пока не знаю, – он выразительно посмотрел. – Пришли же вы зачем-то, а теперь намекаете на скидку.

– Появился вопрос по поводу решетки на комнате леди Штрауб. Кто и зачем ее поставил.

– А вам-то какое дело? – невежливо спросил целитель.

Грубость я решил проигнорировать. Силой его заставить отвечать нельзя, да и показывать, что ответ важен, не стоит.

– Как вы знаете, меня поставили охранять леди на время ее пребывания в гарнизоне, поэтому должны понять мое желание знать, от чего ее следует охранять в первую очередь. И если дело в Бруне и ему подобным, то хотелось быть уверенным, что решетка их не пропустит.

– Не должна. Там сложное комплексное заклинание по всей стене, – неохотно ответил Вайнер. – Циммерман специально мага приглашал из штаба. Тот и предложил установить решетку, на нее ставить легче и в дальнейшем тратится меньше энергии. Перед приездом леди Штрауб ее проверили, неожиданностей не должно быть.

– Вы мне так и не сказали причину, – напомнил я.

– Так вы и сами поняли, – поморщился Вайнер. – В основном, конечно, Брун. Причем он не просто норовил пробраться в комнату инориты Рильке, но и с заходом через мой склад. Ваш приятель, знаете ли, пьет все, что хоть немного пахнет спиртом. В результате не только урон запасам, но и экстренное откачивание, если он ухитрился выпить что-то ядовитое из сейфа.

– У вас так плохо защищен сейф? – удивился я.

– Нет, это у капитана Бруна очень хорошо развиты навыки взлома, – зло бросил Вайнер. – Такое впечатление, что готовили его исключительно для того, чтобы потрошить целительские запасы, а не защищать граждан Гарма.

– А почему тогда решетка стоит на жилой комнате, а не на складе?

– Решетка – артефакт. Там оптимальное место, по мнению приглашенного специалиста по безопасности, – несколько туманно ответил Вайнер. – Когда ее установили, наконец удалось спокойно вздохнуть. Это был настоящий ужас, вы просто не представляете. Брун заявлял, что раз уж попал в помещение с алкоголем, обязан принять что-то для храбрости, перед тем как подняться к прекрасной инорите.

Насколько я знаю Бруна, если бы инорита его действительно интересовала, на другое он бы не отвлекся, прямиком отправился к ней. Или отвлекся, но ненадолго – ровно настолько, чтобы подхватить приглянувшуюся емкость и отправиться дальше. Так что слова были скорее отвлекающим маневром от истинной цели.

– И часто ему удавалось добраться до прекрасной инориты? – все же решил уточнить я.

– Ни разу, – грустно подтвердил мои мысли целитель. – Зато запас зелий на спирту на несколько месяцев был уничтожен подчистую.

Итак, решетку поставили все же из-за Бруна, но роман, если он был, случился явно с кем-то другим. Спросить об этом Вайнера или я покажу ненужную заинтересованность? Пожалуй, пока эту тему поднимать не стоит.

– Получается, сейчас помещения целительского отделения защищены примерно одинаково?

– Примерно, – согласился Вайнер. – Но комната леди Штрауб все же чуть сильнее. Кроме того, на ее двери активируется дополнительный защитный артефакт. Так что можете не волноваться, капитан Штаден.

– Хорошо, если так, – позволил я себе улыбку. – А то Циммерман пригрозил серьезными проблемами, если с леди что-то случится. Не хотелось бы из-за такой ерунды получить взыскание.

– Да, Циммерман это любит, – согласился Вайнер. – За его просчеты обычно отвечают другие.

Я уже почти собрался попрощаться, но перед уходом решил уточнить:

– После того как поставили решетку-артефакт, были удачные попытки взлома?

– Брун пытался, но там очень хитрая сигнализация. Инорита вскоре уехала, а значит, у него не осталось повода сюда забираться.

– Согласен, одно дело – случайно завернуть по дороге к даме сердца, и совсем другое – намеренно взламывать сейф целителя... – скупаясь согласился я. – Пожалуй, моей подопечной действительно ничего не грозит, так что я с чистой совестью вас покину и пойду устраиваться на эту неделю.

И тут Вайнер осознал масштабы близящейся катастрофы. Повод-то появился новый, а запасы зелий нынче невозможны из-за карантина. Он аж привстал на стуле от волнения и сказал явно громче, чем собирался:

– Постойте, капитан Штаден. Почему бы вам на эту неделю не устроиться тут?

Предложение выглядело заманчивым, но соглашаться сразу нельзя, соглашаться можно лишь неохотно и после долгих уговоров.

– Тут? В целительском пункте? Увольте. Мы с леди Штрауб не очень ладим, знаете ли.

– Мне так не показалось, – позволил он себе шпильку. – Вы с ней вполне спокойно беседовали.

– Временное перемирие, – пояснил я, – с которым неизвестно, когда что-то где-то взорвется и пойдет новый виток военных действий. В казарме, знаете ли, безопаснее.

– Зато здесь комфортнее, – Вайнер подошел и уцепился за мой рукав. – У нас очень хорошее жилье для целителей, гораздо лучше выделяемого офицерам в гарнизоне. Да и наверняка к этому времени все приличное разобрали. Как бы вас в общую казарму не направили, к рядовым... А здесь под боком красивая девушка...

– Вот именно, а еще незамужняя, – веско подчеркнул я. – Пойдут сплетни, не дай Богиня, а полковник Циммерман при первой нашей встрече прямо сказал, что женит при малейшей возможности. Нет уж, оставьте этот риск себе.

На мгновение Вайнер задумался, но, похоже, решил, что расстаться со свободой не готов. Посчитал, что одного целителя на гарнизон хватит, или сплетни о настоящей леди Штрауб дошли и до него?

– Но если нас будет двое, то мы, в случае чего, сможем свидетельствовать в пользу друг друга, – предложил Вайнер. – Капитан Штаден, с вашей стороны крайне неразумно портить отношения с единственным гарнизонным целителем.

– Вы угрожаете? – удивился я. – С вашей стороны это тоже не слишком разумно.

– Что вы! – взмахнул он свободной рукой. – Я хочу сказать, что мы можем быть полезны друг другу, понимаете? Что вам стоит пожить здесь все время практики леди?

Уже не неделя?

– У меня квартира в городе, – напомнил я.

- Из которой вы не сможете эффективно защищать подопечную.
- Помилуйте, инор Вайнер, что ей тут грозит, если мы только что выяснили, что защиту ставил специалист из штаба? Вы сомневаетесь в его работе?
- Я не сомневаюсь в предприимчивости Бруна.

Как бы в подтверждение этих слов донесся басовитый голос приятеля, что-то выяснявшего поблизости от целительского пункта. Уверенно выяснявшего, и со стороны, на которую выходят окна Фридерики. Я нахмурился. Не сыграет ли с ней злую шутку репутация нанимательницы? И чем только она думала, когда соглашалась на такую глупость? Явно не головой.

- Видите? Он уже здесь, - трагически сказал Вайнер. - Рыщет поблизости, ищет слабинку в защите и, помяните мое слово, непременно найдет. И тогда опять доберется до моих зелий.
- Пожалуй, сейчас он больше заинтересован в девушке.
- До нее он тоже доберется, - убежденно сказал Вайнер, - но уже под зельями, понимаете? И тогда вы точно не выполните поручение полковника.
- Не уверен, что это будет моей проблемой...

Но сомнения в голос подпустил.

- Капитан Штаден, поселившись тут, вы наверняка выполните поручение Циммермана и заслужите мою благодарность. Для вас всегда будут зелья, которых нет для других. А также мелкие целительские процедуры по вытрезвлению и снятию похмелья.

Предложение было очень щедрое, и я дал себя уговорить. Обрадованный Вайнер вручил ключ от комнаты, чтобы я заселялся прямо сейчас, но я первым делом вышел посмотреть, что затеял Брун.

Как я и думал, он стоял под окнами Фридерики и с отвращением изучал почему-то не решетку, а розы. Очень красивые плетистые розовые розы со слабым, но приятным ароматом, а не нравились они моему приятелю, скорее всего, потому что их шипы были куда длиннее, чем обычно прилагались к розам. Да, на такие свалишься, будешь весь в мелкую дырочку, а Брун если попытается левитировать, защиту не удержит и свалится прямо на этот куст.

- О, Гюнтер, - обрадовался Брун. - Думаю, а не сжечь ли эту пакость в целях профилактики. Она точно разносит «Черный ветер». Сердцем чувствую.

В доказательство своих слов Брун стукнул себя кулаком по груди. Удар получился гулкий, как по бочке. Судя по тому, что несмотря на убежденность в заразе, приятель не торопился ликвидировать растительность, ему требовалась поддержка, чтобы было в случае чего на кого сослаться. А исчезновение такого огромного и красивого куста точно не пройдет незамеченным.

- Что скажет на это полковник Циммерман?
- Ему-то какое дело? Это подарок той целительнице, что уехала. Не могла эту дрянь с собой забрать.

Брун тоскливо посмотрел сначала на куст, потом на зарешеченное окно, из которого Фридерика благоразумно не выглядывала, хотя не могла не слышать криков под окном.

- И кто решил не ограничиться букетом?
- Фогель, герцогский целитель. Или сам герцог? Уже не помню. Саженец-то точно из герцогского розария. В благодарность за услугу. Услуга была давно, так что никто ничего не вспомнит.

Я посмотрел на розы. Пожалуй, подарок с подвохом: шипы агрессивно намекали на неотвратимость возмездия для тех, кто попытается срезать хоть один цветок. Странно, что плети держались на стене безо всякой опоры, и не просто держались, а расплзались вверх и в стороны.

- А что за услуга?

– А я помню? – недовольно пробурчал Брун. – Кажется, что-то связанное с герцогиней. Так как? Поможешь?

Я покачал головой. Эти розы незаметно уничтожить не удастся, что приятель и сам прекрасно понимал. Похоже, они уже встроились в замечательную защиту целительской и дадут нападающему жесткий отпор: нежные цветы едва заметно окутывала дымка магии. Какие, однако, интересные подарки делает герцогский дом...

Глава 18

Фридерика

Предложение Штадена осмотреть комнату Марты, а теперь мою, объяснялось лишь желанием убрать меня подальше: чрезмерные расспросы могут преждевременно раскрыть, кто я такая, а появление Ульрики в Траттене капитану не нужно. Вряд ли он действительно рассчитывал, что найду какие-нибудь улики – слишком много прошло времени, комната выглядела безликой, словно гостиничный номер после тщательной уборки горничной.

И все же я решила осмотреться: нельзя пренебрегать самым ничтожным шансом. А если найду хоть что-то, капитану придется умерить свою снисходительность. Конечно, снисходительность лучше, чем презрение, но я не заслужила ни то, ни другое, что и собираюсь доказать. Ход мыслей немало удивил меня саму. В сущности, какая разница, что думает обо мне временный охранник, с которым через месяц мы расстанемся к взаимному облегчению, чтобы больше никогда не встречаться. Потому что наше знакомство лишнее и никому не нужное.

К сожалению, кроме этого ненужного знакомства, практика в Траттене принесла еще пачку других. И я не про герцогиню, которая потеряет ко мне интерес сразу, как узнает, что я не Штрауб. Куда больше беспокоили офицеры, местные и не только. От Кремера на эту неделю я избавлена, но к сожалению, он настроен на встречи в Гаэрре. Но это будет лишь через месяц, тогда и стану переживать, а может, и придумаю что к тому времени. А вот этого ужасного капитана Бруна придется терпеть всю практику, слишком уж заинтересованные взгляды он бросал, а когда мы попрощались в столовой, ушел, явно что-то обдумывая. Не успела я вспомнить о последнем, как с улицы раздался басовитый вопль:

– Ульрика, а вы оказываете срочную целительскую помощь нуждающимся?

Уточнять какую, я не стала. И без того понятно, что любая помощь – только предлог, чтобы подобраться поближе. Я притворилась, что не слышу, и вообще – меня здесь нет, не вернулась с ужина. Но офицера с Даром таким не проведешь, просканировать комнату для него не составило труда, и возгласы доносились все более горестные, словно несчастный капитан собирался испустить дух прямо под моими окнами. Но я была безжалостна: даже моего небольшого целительского опыта достаточно, чтобы понять: Бруну в ближайшее время смерть не грозит. Во всяком случае, из-за проблем со здоровьем. А вот из-за проблем с другими магами очень даже может: уверена, у многих возникает желание приблизить его кончину. Уже на что я не кровожадна, но даже мне захотелось уронить что-то тяжелое из окна. Остановила уверенность, что Брун это непременно поймет как заигрывание. Ему только повод дай – разойдется во всю силу своей немаленькой фантазии.

Решетка на окне еле заметно задрожала: Брун проверил защиту на прочность. Не будь я магом, даже не заметила бы, но на магическом плане эта попытка отдалась неприятным зудом, от которого зачесалась кожа и захотелось срочно пойти в душ. Решетка не поддавалась, но я забеспокоилась: похоже, выпастись не удастся, даже если попытки Бруна так и останутся попытками. Конечно, вмурованная в стену решетка выглядела прочной и была усилена защитным заклинанием, но я засомневалась, что такие мелочи остановят военного мага, наметившего себе определенную цель.

Голос Штадена принес огромное облегчение. Брун забасил в ответ. Почему-то они начали обсуждать розы, и я с некоторым изумлением узнала, что сестра оказала услугу герцогскому семейству. И, похоже, немаленькую услугу, если Брун говорит об этом столь уверенно. Но ни в одном письме Марты не было даже намека. Если бы это было секретом, то вряд ли герцог или его целитель прислали бы в подарок розовый куст, который так сейчас не нравится Бруну. Возможно, сестре было неприятно вспоминать? Но что такого она могла сделать?

– Альфред, не будь навязчивым. У леди Штрауб роман с моим приятелем Кремером.

– Пфф. Насколько я наслышан, обычно леди одним романом не ограничивается. А сейчас мы заперты на целую неделю, и где ей искать любовника? Правильно, в гарнизоне, – снисходительно пояснил свою точку зрения Брун. – Даже если бы не карантин, эта Штрауб стоит того, чтобы ее добиваться. Рыжие любовницы – самые страстные, что б ты знал.

– Естественный цвет леди Штрауб – не рыжий, – чуть раздраженно заметил Штаден. – Она перекрасилась из блондинки.

– Вот, – оживился Брун. – И я о чем. Перекрасилась. По-твоему, что это значит?

– Что?

– Что она срочно ищет замену твоему Кремеру. И если я не подсуечусь, то ее выбор упадет на другого, а мне целую неделю пускать слюнки со стороны.

Наверное, настоящая Ульрика нашла бы что сказать. Заявила бы, что бестолковому капитану в любом случае только и остается, что пускать слюнки со стороны, поскольку выбор на него никогда не упадет. Или упадет? Вкусы одноклассницы для меня были загадкой. В любом случае я – не она, поэтому роман с любым офицером в мои планы не входит. Богиня, почему я не подумала, что при замене Ульрики возникнут подобные сложности?

– Альфред, повторяю. Леди занята. Кремер очень ревниво относится к попыткам отбить подружек. Хочешь сразу после карантина отправиться на дуэль?

– Хоть какое-то развлечение, – опять оживился Брун. – Циммерман зверствует: запретил дуэли сначала между офицерами гарнизона, а потом и с жителями города, теперь не размяться как следует. А против вызова на дуэль от другого офицера ему нечего будет возразить. Твой Кремер точно вызовет?

– Не вызовет он, вызову я, – внезапно разозлился Штаден. – Альфред, чтобы я тебя не видел поблизости от леди Штрауб!

– Гюнтер, ты чего злишься-то? У тебя тоже есть шанс, – расщедрился Брун. – Я не собственник, в отличие от твоего Кремера.

– И поблизости от целительского отделения – тоже, – продолжил Штаден, словно его никто не прерывал. – Попробуешь вскрыть защиту, прилетит от меня. А если что-то нарушишь серьезно, Вайнер доложит Циммерману.

– Зачем сразу Циммерману? – расстроился Брун. – С него станется загрузить по полной не только на неделю, но и на весь месяц. Этак совсем не до романов будет. Ладно, пойдем длинным путем: личных встреч и комплементов. О, букет сейчас сделаю и передам.

Судя по всему, он явно наметился проредить розы под моим окном. И правда, где еще в гарнизоне взять цветы?

– Колючки не забудь обрезать, – ехидно заметил Штаден. – Если хоть одна останется, засчитаю за попытку убийства.

Раздался длинный печальный вздох, гулкий, словно вздыхающий сидел в бочке и использовал усиливающее заклинание. Что там за розы такие, что можно засчитать за оружие? Похоже, не такой уж простой подарок сделали Марте...

– А как леди Штрауб относится к поэзии? – не сдавался Брун.

– Отрицательно, – порадовал меня Штаден.

Какой замечательный капитан! Наверное, понял, что если к розам от Его Светлости приложатся еще сонеты бруновского сочинения, то я сама пойду к Циммерману и во всем признаюсь. И тогда на практику сюда пришлют настоящую леди Штрауб.

– Не может быть! – возмутился Брун. – Девушки очень любят поэзию.

– Леди Штрауб – исключение.

– Ты меня загоняешь в жесткие рамки... Конфеты! Конфеты она непременно любит! Закажу через магическую почту в канцелярии.

Судя по всему, туда Брун сразу же и направился, так как больше под окнами не раздавалось никаких звуков. Я осторожно выглянула и обнаружила внизу только Штадена, который изучал розовый куст. Весьма неприятный розовый куст, с невероятно огромными для декоративного растения шипами. Да, букет из таких цветов инориту не порадует, разве что она склонна к самоистязаниям... Надеюсь, Штаден не рассматривает эти цветы как подарок и интерес его вызван совсем другими причинами.

Мой охранник явно что-то обдумывал, не похоже, что просто любовался стеной, украшенной розами и защитными плетениями. Внезапно он резко поднял голову, и я испуганно отпрянула от окна. Еще решит, что подглядываю. Скорее всего, он меня не заметил, слишком поглощен изучением роз, но все же не хотелось бы, чтобы он принял мой интерес за интерес к

собственной персоне. И потом, мы договаривались, что я займусь обыском.

Повернувшись к окну спиной, чтобы даже соблазна не возникло выглянуть и убедиться, что Штаден сюда не смотрит, я решила все же внимательно обследовать комнату. Если Марта оставила какую-то записку или предостережение, то что это и где может находиться? В голову не приходили никакие идеи: секретов у нас с сестрой никогда не было, если не считать тех, что вылезают сейчас. Правда, исключить, что они – плод моей фантазии, я не могла.

Жилье казалось безликим, мебель, не старая и не потерянная, была насквозь пропитана казенным духом. Не верилось, что сестра прожила здесь почти год: не было в комнате ничего от Марты. А ведь после расследования мне передали совсем мало ее вещей, но сколько ни напрягала память, я не могла вспомнить, где те сейчас. Очень уж многое словно стерлось из памяти, и причина явно не во мне. Кристиану придется за это ответить. А также объяснить, куда делись вещи Марты. Могло ли там быть что-то подозрительное? Даже если и было, уверена, сейчас его нет.

Время, прошедшее после гибели сестры, сделало свое дело. Я уже могла думать, не погружаясь в горестные размышления, что в моем положении очень важно. Неестественное спокойствие, вызванное зельем Кристиана, позволило пережить первые самые тяжелые дни, после того как я поняла, что никогда больше не увижу Марту, не смогу с ней поговорить. Боль стала не такой острой, но и сейчас в груди щемило и хотелось плакать. Но позволить себе это я не могла.

Я подошла к шкафу. Когда вешала платья, был он пуст, только на одной из полок лежал комплект постельного белья, такой же серый, как и сама комната. Я переложила его на кровать, вытащила полки и осмотрела с обеих сторон. Пусто. Залезла на стул и взглянула на крышку шкафа, обнаружила толстый слой пыли, под которым не было ничего, что могло бы сойти за знак. Стул я тоже повертела и даже покрутила ножки, хотя была уверена – сложный тайник Марта бы не сделала. Вернула полки на место и вспомнила, что так и не купила замену белья, не вложенному Ульрикой в чемодан. При охраннике было неудобно заглянуть в такой магазин, а сейчас целую неделю придется обходиться без смены. Но пожалуй, это не самое страшное...

Кровать проверила, заодно застелив. Тщательно прощупала каждый шов и каждую складку на подушке, одеяле и матрасе, перевернула последний и изучила вторую сторону. Потом залезла под кровать и осмотрела все снизу. Не то чтобы я надеялась что-то обнаружить, но если уж за что-то берешься, делать нужно на совесть. Хорошо, что под кроватью пыли не было. Наверняка перед приездом леди Штрауб проводили уборку, только на шкаф заглянуть забыли.

Прикроватная тумбочка была с одним-единственным ящиком. Ни в нем, ни на нем, ни за ним ничего. На всякий случай я отодвинула ее от стены и положила набок. Ни на стене, ни на днище тумбочки ничего не оказалось.

Книжная полка над столом порадовала пустотой и чистотой, а еще оказалась намертво прибитой к стене, так что за ней спрятать что-либо не представлялось возможным. Я опять залезла на стул и осмотрела полку сверху. Там тоже была только давно не тронутая никем пыль.

Оставался письменный стол. Ровная столешница безо всяких знаков. Подставка для письменных принадлежностей, пустая. Верхний ящик порадовал парой карандашей и линейкой, до конца не выдвигался, во всяком случае, мне не хватило то ли умений, то ли сил. Я подергала и перешла ко второму, в котором нашлась пачка бумаги. Ее я вытащила на стол, прощупала оба ящика снизу и заднюю стенку за ними, но ничего не обнаружила.

Больше осматривать оказалось нечего. Расстроилась ли я? Пожалуй, нет. Я с самого начала не верила в успех. Искала только потому, что пообещала Штадену. Я задвинула ящик с карандашами и совсем уже собралась переложить бумагу со стола, как зачем-то решила ее пересмотреть. Все равно делать было нечего: не Штадена же из окна выслеживать? В ящик перекладывала по листу, осматривая каждый с обеих сторон. Занятие казалось совершенно бессмысленным, пока неожиданно в середине стопки не обнаружился рисунок, точнее, два на одном листке: бутон розы и герб, подозрительно похожий на герб герцогов Траттенских. Полной уверенности не было, я недостаточно сильна в геральдике, а к символам герцогской семьи, которыми в изобилии усыпаны самые неожиданные места в Траттене, не присматривалась, и все же мне казалось, что это именно он.

Но почему-то больше беспокоил даже не герб, а бутон, совершенно невинный розовый бутон, нарисованный с необычайной точностью. Появилась уверенность, что я раньше видела это изображение, причем в совершенно неожиданном месте.

Память вернулась яркой вспышкой. Я уже давно не сдерживаю рыданий, Кристиан что-то успокаивающе говорит, поглаживая меня по голове. Поднимают крышку гроба, чтобы закрыть сестру, чтобы окончательно забрать ее у меня. Я кричу: «Нет», хватаю Марту за руку, холодную мертвую руку, в которой давно уже нет ни малейшей искры жизни. Задирается рукав, обнажая чуть выше запястья то ли рисунок, то ли татуировку бутона розы. Рассмотреть не успеваю, Кристиан одергивает рукав и почти силой уводит меня от гроба. Тогда этот рисунок казался неважным. Все казалось неважным, кроме смерти Марты. Но теперь... Имеет ли хоть какое-то значение моя находка? Это рисунок Марты или кого-то другого? Почему на листе ничего не написано, если это попытка что-то передать? Вопросов было много, ответов – ни одного.

Глава 19 Гюнтер

Розы были странные. Чем больше я смотрел, тем больше убеждался: что-то с ними не то. Не могут быть такие шипы у декоративного растения, никто не будет выводить сорта, которые можно использовать только для устрашения врагов. Но на магическом плане я ничего не видел: розы как розы. Хотя упорно казалось, что что-то есть. Пожалуй, стоит попробовать заклинание по усилению магического зрения. Оно энергоемкое, резерв жрет со свистом, но экономить необходимости нет, а проверить нужно даже самые глупые предположения. Умных все равно нет.

Вспомнить нужное оказалось не так просто – после академии многие знания лежали мертвым грузом и нигде не применяясь. Да и в академии это заклинание использовали, только чтобы лучше рассмотреть тонкие плетения. Я не был уверен, что в розах есть что рассматривать, но буду рассматривать это как обычную тренировку.

Дар откликнулся, и магия потекла бурным потоком, усиливая восприятие магических структур. Засияли защитные заклинания на стене, почти ослепляя. Сложные, многослойные, местами выглядящие как красивый кружевной узор, местами – как спутанный комок нитей. Последнее сделано намеренно, чтобы такие, как Брун, не вскрыли с легкостью защиту. О, да здесь еще стазисная ловушка запрятана. Не заметишь, как вляпаешься. Бруна ждал бы неприятный сюрприз, прояви он чуть больше настойчивости. Думаю, Циммермана не обрадовало бы известие, что в гарнизоне стало на одного мага меньше и на одну статую больше. И все же, какая красота! Я поймал себя на том, что с восторгом изучаю работу мастера, а время идет, резерв опустошается, нужно срочно переходить к розам.

Наверное, будь на моем месте кто-нибудь с Даром послабее, не заметил бы ничего. Тонкие, почти прозрачные, на грани видимости, нити отходили от розового куста и вплетались в защиту здания. Вплетались настолько аккуратно, что проследить, куда они потом шли, оказалось невозможно. В тщетной попытке разглядеть я напряг зрение до предела и довел одну из нитей до решетки, где все-таки потерял. Попробовал еще одну – с тем же результатом. Зато смог найти, откуда они выходили: крошечная просвечивающая пульсирующая сфера в розовом кусте где-то на уровне перехода корней в стебли.

Я развеял заклинание: смысла поддерживать дальше не было, я уже увидел все что мог. И увиденное оказалось весьма странным. По всему выходило, что куст является сложным артефактом, что по классической магии невозможно. Он живой, он растет и меняется. Артефактом же должно быть что-то стабильное, или такое, у чего есть постоянные фазы: иначе невозможно просчитать и заложить необходимые изменения. Эту аксиому я помнил из курса артефакторики. Но увиденное с успехом доказало обратное. Судя по всему, куст встроился в защитное плетение и использовал как источник магии, вытягивая такую малость, что на работе защиты это не сказывалось.

– Любуется цветочками?

Я слишком глубоко задумался, и Циммерману удалось застать меня врасплох. Он явно это отметил – голос был громкий и ехидный. Тем не менее ответил я спокойно, даже с некоторой ленцой, делая вид, что давно уже заметил приближающееся начальство и только уважение к старшему по званию не позволило показать, что все его ухищрения по незаметности для меня и не ухищрения вовсе.

– Скорее, защитным плетением, инор полковник. Необычайно искусная работа. Сразу видна рука мастера, и не простого. И эти сложные блоки... Я, конечно, не специалист, но не только повторить не смог бы, но и не уверен, что сумел бы разобраться.

– Да, один из лучших в Гарме делал, – гордо сообщил полковник. – Из штаба специально присылали. Что удивительно, сразу после запроса.

– Странно, что запрос на второго целителя не выполняют.

– Целитель нужен на постоянно, – Циммерман помрачнел. – А этот приехал, за сутки сделал и уехал. Герцогская просьба тоже сыграла роль.

– Герцог просил поставить защиту в вашем гарнизоне, инор полковник? – удивился я. – С чего такая забота?

– Он беспокоился об инорите Рильке, – неохотно ответил тот. – Если бы не она... Впрочем, если бы не она, и необходимости в дополнительной защите не было бы.

– А как к этому беспокойству относилась герцогиня?

В интрижку герцога с покойной Мартой я не верил, но вопрос напрашивался, и было бы странно, если бы я его не задал.

– При чем тут герцогиня?

– Инор полковник, насколько я знаю Матильду, она не терпит соперниц, даже воображаемых. Не думаю, что со времени нашей помолвки что-то изменилось, – пояснил я, заодно напомнив полковнику, что герцогиня была когда-то моей невестой. – А тут ее супруг и беспокоился о безопасности целительницы, и присылал ей розы, как сказал Брун.

– Так вот эти прислал, – Циммерман протянул руку к розам, но трогать не стал. Интересно почему? Что-то знает или просто осторожничает? – В благодарность за помощь.

Значит, все же герцог, а не его целитель. Интересно...

– Такие розы – в благодарность? – удивился я. – Они похожи на мутировавший эксперимент безумца. Я бы не рискнул никому дарить.

– Так то вы, а то герцог, – невнятно ответил Циммерман. – Собственно, капитан, я вас искал не для того, чтобы говорить о розах. У меня дел невпроворот, а вы меня отвлекаете.

Укоризна в его глазах была совсем настоящая. Напоминать, что разговор завел он, я не стал, напротив – показал, что внимательнейшим образом слушаю и не пропущу ни единого слова.

– Мне написала леди Эдин, ваша тетя...

Циммерман сделал паузу и выразительно посмотрел. Уже по вступлению я не ожидал ничего хорошего от продолжения, поскольку единственная причина, по которой тетя могла написать полковнику – это леди Штрауб.

– Не очень красиво с ее стороны, инор полковник, отвлекать столь занятого человека своими глупостями.

– Какие же это глупости? Леди беспокоится о вас, и я ее прекрасно понимаю. Что ж вы, капитан, не сказали, что на практику к нам направили вашу невесту?

Вывод, что в проблемах гарнизона с леди Штрауб виноват я, полковник уже сделал или сделает в ближайшее время, и тогда моя служба окажется куда сложнее, чем я думал, отправляясь сюда. Это меня никак не устраивало. Вредную полковничью мысль следовало как можно быстрее опровергнуть.

– Инор полковник, леди Штрауб – не моя невеста, – кисло ответил я. – Боюсь, тетушка выдает желаемое за действительное. Я ей лишь написал, что вы меня направили охранять леди, а она посчитала это удобным случаем устроить мою личную жизнь.

– И она совершенно права! – воодушевился Циммерман. – Я тоже думаю, что вам пора жениться.

– Не так давно, инор полковник, вы меня предупреждали по поводу своеобразной репутации леди, – напомнил я.

Циммерман недовольно скривился. Наверняка пожалел, что был столь откровенен.

– Капитан, иной раз слухи – это только слухи, – неожиданно заявил он. – Я не уверен, что они имеют под собой основание. Леди Штрауб – прекрасно воспитанная девушка, а инор Вайнер отзывался о ней очень хорошо как о будущем целителе. Говорил, много знает и умело применяет знания.

А также Вайнер позволял себе неприличные намеки и взгляды, за которые на дуэль не вызовешь, но от этого менее оскорбительными они не становятся. Уверен, целитель с удовольствием бы избавился от навязанной помощницы, как бы хороша она в своем деле ни была.

– Я рад за нее. А еще я рад за моего приятеля Кремера, с которым у леди Штрауб роман. Вы же не хотите, инор полковник, чтобы я отбивал невесту у друга? Это непорядочно.

Поскольку Кремер был не из его гарнизона, Циммермана не волновали ни личная жизнь

постороннего офицера, ни порядочность в его отношении. И все же попробовать стоило.

– Капитан, с таким тестем, как лорд Штрауб, не придется беспокоиться о том, чтобы не обидеть кого-нибудь. Сами подумайте, что важнее: счастье ваше и леди или счастье постороннего типа, с которым они даже официально не обручены? Не обручены же?

– Не обручены, – согласился я. – Но, инор полковник, вы не учитываете еще один важный момент. Мы с леди с трудом выносим общество друг друга, находимся рядом только по необходимости.

Своим сообщением я нанес начальству сокрушительный удар. Оно уже все распланировало, а я так безобразно нарушаю планы. Его и тети Эльзы.

– Может, если приглядитесь к друг другу получше, измените отношение, – уже не с таким энтузиазмом сказал Циммерман и почти тут же радостно предложил: – Хотите, я поговорю с Вайнером и вам выделят место в целительской?

– Инор Вайнер уже попросил меня там поселиться. Он так уговаривал, что пришлось согласиться. Видите ли, инор полковник, целитель боится за сохранность сейфа с зельями.

– Да, такая девушка, как леди Штрауб, – серьезное испытание для наших офицеров, – грустно согласился Циммерман, – в попытках добраться до нее может пострадать не только сейф.

– Инор полковник, с такой защитой вряд ли доберутся даже до сейфа, – утешил я его. – А уж девушка точно не пострадает.

– Вы не знаете Бруна, – обреченно сказал Циммерман. – Он необычайно талантлив в вопросах что и как сломать. Вскрыть незаметно не сможет, а вот сломать ломает, если не с первой попытки, то со второй или третьей точно.

Бас «необычайно талантливого» Бруна раздался со стороны входа в целительскую. Весьма возмущенный бас. Защита уже работала вовсю и пройти внутрь можно было лишь по разрешению Вайнера, которое тот точно не даст. «Я вручу конфеты и сразу уйду». Голос был настолько честный, что не поверил бы и пятилетний ребенок, а не только целитель со стажем, поэтому Бруна не пустили. Теперь бы еще придумать, как самому проникнуть внутрь, не привлекая внимания ни этого «необычайно талантливого» офицера, ни другого, чей потенциал пока в данном гарнизоне не раскрыт. Для лже-Ульрики идея карантина оказалась не столь хороша, как думал ее приятель, не учел он репутацию настоящей леди Штрауб, хотя наверняка о ней знал.

– Да, веселый предстоит месяц, – мрачно отметил Циммерман. – Послушайте, Штаден, а если я вас попрошу о личном одолжении?

Нет, такие идеи нужно пресекать сразу, не допуская лишних разговоров.

– Извините, инор полковник, при всем моем уважении к вам на леди Штрауб я не женюсь.

– Речь о женитьбе не идет. Но вот если вы скажете, что помолвлены с леди, вряд ли найдутся желающие портить с вами отношения. Заключите временную помолвку, так сказать, на благо родного гарнизона, а уж я непременно пойду вам навстречу в других вопросах...

Он выразительно посмотрел. Но от временной помолвки до настоящей стараниями тети Эльзы может оказаться не так далеко. Поместит на радостях объявление в газету и объяснит потом лорду Штраубу, что помолвка была фиктивной, по нуждам гарнизона и совсем не с той девушкой.

– Извините, инор полковник, но эта идея не кажется мне привлекательной.

К голосу Бруна присоединился еще один, принадлежащий лейтенанту, одному из тех, кого я левитировал на столе и немного стукнул о стену при приземлении. По всей видимости, стукнул головой и полностью его повреждения целитель не ликвидировал, поскольку первое, что сказал лейтенант, пройдя к нам одновременно с Бруном:

– О, да тут очередь уже... И инор полковник даже.

Голос был полон вселенского разочарования. Инор полковник – слишком серьезный соперник, когда собираешься лезть к понравившейся инорите через окно.

– Вон! – рывкнул покрасневший Циммерман.

– Гюнтер, такого от тебя я не ожидал, – возмутился Брун. – Если определять очередность, так я должен быть первым.

– Вон! Оба вон!

Циммерман гаркнул так, что офицеров вынесло за здание в одно мгновение. Но далеко они не ушли – ауры светились совсем рядом, а это значило, что собираются переждать начальственный гнев и вернуться. Пожалуй, если бы здесь была настоящая леди Штрауб, я бы не волновался, но девушка, сдуру согласившаяся ее заменить, такого отношения не заслуживает. Да и мало ли что придет в голову нашим офицерам, а меня поблизости не окажется.

– Капитан Штаден, убедительно вас прошу, – страдальчески выдавил Циммерман. – Иначе нас ждет форменный ужас.

Я задумался. Пожалуй, склонялся к согласию, но оставался вопрос с Матильдой, до которой непременно дойдут слухи о помолвке, тогда Фридерика получит проблемы еще с ней. И что страшнее: ревнующая герцогиня или толпа озабоченных офицеров? Так сразу и не решишь...

– Леди Штрауб может не согласиться на фиктивную помолвку, инор полковник.

– Сейчас уговорим, – оживился Циммерман. – Не дура же она, должна понимать, чем все эти очереди закончатся. И с вашим другом, как его там?.. Кремер?.. вопрос решим: я ему лично подтверждаю, что помолвка фиктивная и исключительно ради безопасности его невесты. Пойдемте, капитан.

Вайнер настроил защиту на меня, поэтому нам не пришлось стоять перед дверью в целительский пункт. А вот Фридерика открыла не сразу, и вид у нее был настолько потрясенный, что я понял – нашла что-то, касающееся сестры.

– Леди Штрауб, прошу прощения за поведение моих подчиненных, – смущенно сказал полковник, принявший состояние девушки за результат попыток Бруна со товарищи проникнуть внутрь. – Мы с капитаном Штаденом посоветовались и решили, что лучше всего будет объявить о вашей помолвке.

– Какой помолвке? Я не собираюсь за него замуж! – возмутилась мигом пришедшая в себя инорита. – Я не для этого сюда приехала.

– Фиктивной, – пояснил Циммерман. – Капитана Штадена в гарнизоне уважают, поэтому к его невесте не будут приставать.

В его голосе прозвучала небольшая неуверенность, вполне понятная тем, кто знает Бруна. Того сомнительный статус чужой невесты вряд ли остановит, разве что на несколько дней...

Глава 20

Фридерика

Циммерман все-таки настоял на объявлении помолвки, но это не очень-то и помогло. Первое, что ляпнул, услышав такое известие, Брун: «Я ж говорил, нужно подсуетиться. Опередел. И кто опередил? Можно сказать, боевой товарищ. Как-то это совсем не по-товарищески». Он обиженно посмотрел на проигнорировавшего красочное выступление Штадена и тут же поторопился вручить мне коробку конфет со словами: «Ульрика, вы подумайте, пока есть время. К чему вам выходить за типа, для которого воинское братство ничего не стоит? Вам нужен настоящий мужчина, с правильными понятиями о чести и долге». Правда, говорил он, опасливо косясь на мужчину с «неправильными понятиями», и так, чтобы тот не слышал. От конфет я отказалась и заметила, что он как-то странно понимает воинский долг. Брун обиделся, но не настолько, чтобы не прийти ранним утром с жалобами на разбитое сердце. Поскольку сигнал был в неурочное время, я спустилась, рассчитывая помочь целителю, но, похоже, зря: инор Вайнер прекрасно разобрался бы с пациентом и без меня. А так на меня отвлекался не только Брун, но и Штадену пришлось к нам присоединиться. Лицо у него было не особо довольное. Но выглядел он мрачным, скорее всего, не потому, что пришлось вскакивать ни свет ни заря: был он тщательно выбрит и аккуратно одет. Скорее всего, плохое настроение объяснялось двумя причинами: навязанной помолвкой и моими вчерашними воспоминаниями. Когда я показала рисунок и рассказала про татуировку, он некоторое время молчал, а потом заявил, что нужно осторожно расспросить тех, кто как-то с сестрой здесь общался, но чтобы я ни в коем случае не занималась самостоятельным расследованием, а особенно внимательно вела себя в разговоре с Кристианом и Вайнером. Когда я спросила, в чем он их подозревает, ответом стал неопределенный хмык. Потом Штаден, ничего не объясняя, повесил мне на шею странный артефакт, явно штучной авторской работы, сказал, что ему все нужно обдумать, а до завтра ничего не изменится, пожелал спокойной ночи и ушел. Но какое тут спокойствие?..

– Вот тут болит и ноет. – Брун стукнул себя по груди, звук получился гулкий и выразительный и совсем не доказывал болезненность пациента. – Мне кажется, до вечера не доживу.

– Доживете, инор капитан, – скептически сказал Вайнер. – Все у вас в порядке, я же вижу.

– Ничего не в порядке, – запротестовал Брун. – Да я еле к вам дошел, чуть концы не отдал на крыльце.

В подтверждение своих слов он опять стукнул себя по груди и ненатурально закашлялся. Смотрел он при этом на меня совсем не как умирающий. Штадена, пристроившегося чуть в стороне, выразительно игнорировал.

– Это потому что пока не позавтракали. – Вайнер, ничуть не стесняясь, зевнул «пациенту» прямо в лицо. – Поедите, слабость сразу пропадет.

– Томас, ты меня неправильно осматриваешь. Без должного прилежания. Я настаиваю, чтобы меня дополнительно осмотрела леди Штрауб и вынесла свое заключение.

– Леди осмотрит и скажет то же самое. Вот стоило из-за ерунды поднимать нас в такую рань? Мы с леди, знаешь ли, не железные. Особенно леди, которой необходим крепкий здоровый сон для поддержания красоты.

– Да что там поддерживать! – возмутился Брун.

Инор Вайнер подавился смешком, «жених» холодно процедил:

– Я попросил бы выбирать выражения, когда говоришь о моей невесте.

Брун осознал, что выдал, и смущенно поправился:

– Я хотел сказать, что на красоту леди Штрауб маленький недосып никак не повлиял, и она все так же прекрасна. И потом, «поддерживать» говорят, когда что-то разваливается, а леди в самом расцвете красоты. Гюнтер, это Томас виноват: неправильно сформулировал, вот я и... – он смущенно потупился и продолжил: – Леди Штрауб, если я вас невзначай обидел, то это не потому, что хотел. Вы самая прекрасная леди из всех, кого я знаю.

– Ты наверняка говоришь это всем целительницам в надежде на бесплатное зелье, – с насмешкой заметил Штаден.

– Обратите внимание, Ульрика, на слова жениха, – радостно пробасил Брун. – Он невзначай выдал причину, по которой на вас женится. Я же не столь меркантилен.

– Согласен только на бесплатное лечение? – инор Вайнер опять зевнул, широко и заразительно. – На зелья не претендуешь?

Брун укоризненно посмотрел сначала на него, потом на Штадена, потом перевел взгляд на меня.

– Леди, вы же понимаете, что эти два негодяя пытаются очернить меня в ваших глазах. Но вы же не столь легковжны?

Я насмешливо прищурилась.

– Я понимаю, что вы пытаетесь ухаживать за всеми встреченными дамами.

– Да вы что? – возмущился он. – За кого вы меня принимаете? Это гнусный поклеп! И я даже знаю, от кого он идет.

Он всем телом развернулся к моему «жениху», горя жадной мести. Вайнер с интересом переводил взгляд с него на Штадена, со Штадена на меня, а с меня опять на Бруна. И не было в его глазах ни грана доверия к разыгрываемой здесь сцене. Причем доверия не удостоился не только Брун.

– Решетку на окно предыдущей целительницы от тебя поставили, – задумчиво протянул Штаден. – И сбежала она тоже наверняка от тебя, не выдержав силы твоего ухаживания.

– Да я тут вообще ни при чем! – возопил Брун. – Томас, скажи им, у меня с иноритой ничего не было!

– Мне-то откуда это знать?

– Как это откуда? Мы все время на твоих глазах были.

– Особенно когда ты в мой сейф лазил.

– Вот именно, я лазил в сейф, а не к инорите, – обрадованно подчеркнул Брун. – А сейчас...

– А сейчас, если полезешь к инорите, получишь от меня.

Штаден говорил с некоторой досадой. Как мы ни пытались свести разговор к Марте, пока ничего нового не выяснили. Брун постоянно уходил со скользкой темы.

– И потом, инорита Рильке часто уходила в город, и встречалась ли там она с кем-нибудь, я понятия не имею, – невозмутимо вставил Вайнер. – Поскольку ты тоже в городе бываешь чаще, чем в гарнизоне...

– Если уж на то пошло, то более вероятно, что роман с ней был у тебя, – возмущился Брун. – Тебе-то и в город выходить не нужно было. То-то ты такие меры безопасности выбил из Циммермана. И вообще, ты к ней неровно дышал, точно знаю.

Вайнер чуть изменился в лице. Было ли что-нибудь между ними или Брун выдумывает? Марта упоминала Вайнера, но в письмах было лишь уважение к чужому профессионализму. Странно, но только сейчас я поняла, что она ничего не писала про свою личную жизнь: только короткие зарисовки из работы с пациентами, рассказ о красивых местах Траттена... Как-то описала невероятно вкусный десерт, который ела в кафе. И сделала это так, что я словно сама попробовала. Но не одна же она ходила по кафе? Или одна?

– Не смотрите на меня с таким подозрением, леди Штрауб, – проворчал Вайнер. – У меня нет привычки заводить романы на работе.

– Да откуда же ей взяться, этой привычке? – оживился Брун. – Если по работе вы имеете дело только с мужчинами, а целительницу прислали всего лишь второй раз. Один роман – это не привычка, это так, разовая акция. Я очень надеюсь, что с леди Штрауб у вас ничего не будет. Руки прочь от леди Штрауб! Она...

– Моя невеста, – напомнил Штаден, с интересом слушающий выступление приятеля.

– Думаешь, Вайнеру это помешает завести роман?

– То есть у него был роман с уехавшей целительницей, несмотря на то, что ты был в ней заинтересован?

– Не было никакого романа! – рявкнул окончательно проснувшийся Вайнер. – Инор капитан, вон отсюда, а то пожалуюсь на вас Циммерману.

– А чего сразу на меня жаловаться? Можно подумать, это у меня был роман с иноритой Рильке.

Брун держался уверенно, но к двери на всякий случай переместился поближе: слишком уж злое стало лицо у Вайнера. Этак запустит целитель в него чем-нибудь убойным вместо целительского. Мы, конечно, не проходим атакующие заклинания, но должен же он был чему-то научиться от пациентов в гарнизоне.

– Так с кем у нее все-таки был роман? – заинтересовался Штаден.

– Да откуда мне знать?! – взвился Вайнер. – Понятия не имею, с кем она встречалась в свободное время, которое у нас с ней не совпадало по понятным причинам.

– А я здесь встречался только с сейфом, – напомнил на всякий случай Брун.

– Но защитили комнату инориты, а не помещение с сейфом. Значит, не только с ним встречался.

– Поклеп! – взвился Брун. – Леди Штрауб, не верьте! С кем мне тут встречаться, если мы только что выяснили, что у инориты Рильке был роман с Томасом? Больше же здесь никого не было, третьим бы они меня не взяли. Да я и сам бы не пошел – не то воспитание.

Вайнер зашипел как ядовитая змея, но сказать ничего не успел: Брун понял, что перешел уже все границы, и предпочел ретироваться, зато вместо него тут же зашел лейтенант, который вчера под моим окном спрашивал про очередь, и тоже начал жаловаться, что почти умер.

– Я тебе скажу по секрету, – наклонившись к нему, почти прошептал Вайнер, – женщины не любят постоянно болеющих мужчин.

– А как же инстинкт выхаживания? – не согласился лейтенант, незаметно покосившись на меня. То есть это он так думал, что незаметно...

– Выхаживание – это одно, а женская заинтересованность другое, – все так же тихо пояснял Вайнер. – Девушки предпочитают сильных и здоровых иноров, вот это у них точно на уровне инстинктов. Выхаживание – ближе к материнскому, сам понимаешь...

Лейтенант скис и очень быстро дал себя уговорить, что здоров и готов на подвиги. После его ухода Вайнер повернулся к нам и укоризненно сказал:

– Если вы продолжите в том же духе, никто не поверит в серьезность вашей помолвки.

Я почему-то решила, что он говорит о попытках расспросить Бруна о Марте. Мне казалось, что Штаден делал это очень осторожно, но, видимо, недостаточно, если Вайнер заметил и пытается нас предостеречь.

– Вы о чем, инор? – высокомерно спросил Штаден. – Серьезность наших намерений может подтвердить полковник.

– Да понял я, что это он настоял. И не только я. Вы не выглядите как влюбленные, – усмехнулся Вайнер. – Поэтому нашествия офицеров не избежать.

– Полковнику бы как-то их занять, – неуверенно предложила я.

– Это само собой, – согласился Вайнер, – я с ним поговорю сразу после завтрака. Не в моих интересах такой наплыв желающих срочно выздороветь. Но вам бы тоже приложить усилия.

– Так?

Неожиданно Штаден взял мою руку, нежно провел большим пальцем по тыльной стороне кисти и поцеловал. Раз. Другой. Как-то так поцеловал, словно не просто выполнял просьбу Вайнера, но и делал это с огромным удовольствием. Словно ему было необычайно приятно ко мне прикасаться. И самое ужасное, что мне это понравилось. Захотелось, чтобы он не останавливался и целовал не только руку, но и... Когда я это осознала, руку резко выдернула и

покраснела.

– Леди, это вы зря, – укоризненно отметил Вайнер. – Ваш жених сейчас был идеален. Вы же повели себя как пугливая девственница наедине с посторонним мужчиной. Впрочем... – он задумчиво посмотрел на меня несколько рассеянным профессиональным взглядом и с некоторым удивлением заключил: – Надо же, слухи оказались только слухами.

– Вы сейчас о чем? – уточнил Штаден.

Я же покраснела еще сильнее, поскольку прекрасно поняла, о чем говорит целитель. Эту разницу между мной и Ульрикой покраской волос не уберешь.

– Не пора ли на завтрак? – поторопилась я как можно скорее сменить тему.

– Спросите у леди, – усмехнулся Вайнер. – Ответит, если посчитает нужным. А нам действительно пора на завтрак. И, леди Штрауб, если вдруг капитан Штаден захочет показать свою любовь так, как он это сделал не так давно, краснеть можете, это выглядит очень мило, а вот руку отнимать не надо. Наоборот, можно к нему чуть-чуть податься, жених все-таки... И не смотрите с таким возмущением. Это в ваших же интересах, леди. А то как начнется сюда паломничество...

– К сейфу? – мрачно уточнила я.

– К сейфу тоже, – грустно подтвердил целитель. – Так что, леди Штрауб, побольше нежности к капитану Штадену. Не такая это невыполнимая просьба. Вам же не придется целоваться, не говоря уж... хм... В конце концов, ничего страшного не случится, побросай вы влюбленные взгляды на красивого жениха.

Как сказать... Кристиан случится точно. И кто знает, на что он пойдет из ревности? Хорошо, если успею объяснить, что фиктивная помолвка – следствие его же собственного необдуманного предложения. А если нет – наверняка прямиком отправится к Циммерману с сообщением, что в гарнизоне вовсе не леди Штрауб. И я даже думать не хочу, что тогда начнется...

Глава 21 Гюнтер

Рука Фридерики оказалась одновременно и нежной, и твердой. Шелковистая кожа на тыльной стороне кисти, и жесткие подушечки мозолей на ладонке. Обманчивая рука. Рука инориты, привыкшей к физическому труду и рассчитывающей только на себя. Невольно вспомнились ловкие уверенные движения, когда она показывала нам с Вайнером, что чего-то стоит как целитель. И ее резкий удар, когда выливалась на меня накопившуюся обиду и страх. Запугать ее оказалось не так уж и просто. Смелая девочка. И все же, каково это – остаться совсем одной, без единого родственника? Мои иной раз слишком назойливы, особенно тетя, но и она действовала исключительно из заботы о моем будущем. Разумеется, таком, каким она его видела. Жизнь без родных я себе не представлял. Без любящих родителей, хулиганистого младшего брата, упрямой сестрички. Только представить на миг, что их нет... Пустота. Пустота, которую ничем невозможно закрыть. Но что-то изменить я не мог, поэтому просто поцеловал руку Фридерики, чуть прикоснувшись губами к коже и опять почувствовав этот странный дразнящий аромат корицы. Почему-то вспомнилось ее лицо совсем рядом, глаза, пылающие гневом, и россыпь мелких золотистых веснушек на белоснежной коже. Веснушек, которые хотелось попробовать на вкус, словно неизведанное лакомство.

Фридерика выдернула руку так, словно прикосновение ей было противно. Еще бы, наверняка до сих пор вздрагивает, когда вспоминает, как ее допрашивал. Действительно, тогда ситуация получилась отвратительной. Сейчас же ее движение отрезвило. Не то, совсем не то у меня в голове: наконец-то появились факты, которые можно хоть как-то притянуть к поручению Лангеберга.

Об этом я и размышлял как по дороге в столовую, так и в ней. Выводы не нравились. По всему выходило, что ниточки ведут к герцогу. И если я уже начал подозревать, совершая обход Траттена, что если что-то и есть, то оно в герцогском особняке, то теперь подозрения превратились в уверенность. Герцогский особняк наверняка экранирован в достаточной степени, чтобы скрыть все следы незаконной волшбы. А что она была незаконной, я не сомневался – достаточно посмотреть на розовый куст. Пришлось ли герцогу Траттенскому влиять на расследование или он был уверен, что ничего не найдут? После смерти сестры Фридерики розы не уничтожили, несмотря на то что это улика, и очень серьезная. Не потому ли, что артефакт слишком сложен в изготовлении, а его собираются использовать еще? В такое предположение прекрасно вписывается то, что в гарнизон так и не прислали еще одного целителя – герцогу явно нужна целительница, которая заселится в комнату покойной и станет подконтрольной. Фридерика говорила, что сестра была сильной, но очень похоже, силы хватило только на то, чтобы удрать. Она не смогла ни написать о преступлении, ни пойти в Сыск с устным заявлением. Зато смогла покончить с собой. Сама или помогли? И еще... Розовый бутон – татуировка-печать? Предполагать можно что угодно, проверить уже никак – вряд ли что-то сохранилось за год.

И если герцог узнает, что вместо леди Штрауб в гарнизоне совсем другая девушка, не со столь значимыми родственниками, а точнее – вообще без них, Фридерика попадает в зону его интересов. Если, конечно, мои выводы правильны. Но в любом случае нужно ее как-то обезопасить. По-хорошему, отправить отсюда, но... Но я вспомнил гневный блеск ее глаз и понял, что рассчитывать на это не приходится. Но пока ей ничего не грозит.

Кто может выдать ее тайну? Имеем два слабых звена: Кремер и Фальк. В самом плохом случае они связаны с тем, что здесь происходит.

Мог ли подстроить Кремер замену Ульрики на нужную инориту? Запросто. Тогда Матильда приглашала нас, уже зная правду, и ее слова о цвете волос неслучайны. Конечно, Кремеру невыгоден такой спектакль – ведь в случае чего вылезает на свет проживание у него дочери лорда Штрауба, а тот ни за что не спустит подобное пренебрежение моралью. И в этом случае легкое развлечение закончится совсем нелегким браком, что не в интересах Кремера. И все же вычеркивать возможность, что он замешан, нельзя. Да и в свои интересы он меня не посвящал, разве что заявил, что хочет жениться на Фредерике.

Фальк... Этот инор к Фридерике явно неровно дышит, и не только дышит. С неожиданным раздражением я вспомнил, с каким собственническим видом он брал ее за руку и смотрел на нее, но она... она, пожалуй, относилась к нему ровно, как к приятелю. Впрочем, какое мне дело до того, как она относится к Фальку? Совершенно никакое. Важно, выдаст ли он любимую герцогу. Но вопрос риторический: я Фалька не знал и не знал, какие отношения на самом деле связывают этих двоих. Могли притворяться и он, и она. Она, пожалуй, нет – слишком легко удалось вычислить, что она не леди Штрауб.

Я не знал, за что браться в первую очередь и стоит ли сообщать инору Лангебергу о том, что

обнаружилось. Пока все только на уровне предположений. Раньше расследованиями заниматься не приходилось, и поручение инора Лангеберга не так давно казалось не слишком серьезным, пусть и обязательным к исполнению, тем более что он предупредил: следователь сюда приезжал и ничего не нашел, хотя местные власти оказывали любую требуемую помощь. Но слишком тревожные ходили слухи о загадочных ритуалах подчинения, и главный королевский маг не успокоился. Очень похоже, что не зря.

– Гюнтер, как думаешь? – Брун не только прервал мои размышления, но и довольно сильно саданул в бок, совсем не по-дружески саданул.

– Головой, – недовольно ответил я. – А вовсе не ребрами, которые ты пытался сейчас сломать.

– От такого легкого толчка даже синьская ваза разве что покачнется. Леди Штрауб, обратите внимание, как хлипок ваш жених, – радостно переключился Брун. – Если от дружеского похлопывания у него трещат ребра.

– Боюсь, что от вашего дружеского похлопывания мои ребра точно сломаются, – ответила Фридерика.

– Что вы, леди! – запротестовал он. – Я никогда не позволяю себе похлопывать дам.

Фразу он не продолжил, но посмотрел на Фридерiku настолько плотно, что она невольно отвела взгляд и покраснела, а мне захотелось стукнуть его гораздо сильнее, чем не так давно он – меня. Но тетя Эльза была хорошим учителем, так что я сдержался и даже смог пошутить.

– Во всяком случае, пока не похлопаешь подвернувшийся сейф, – усмехнулся я. – А что там бывает после, ты и сам сказать не можешь.

– Наглая ложь! – возмутился Брун. – Сколько там, в этом сейфе? На один глоток.

– Мне дважды пришлось тебя откачивать, – напомнил Вайнер.

– Это не потому что мне было плохо, а потому что ты решил воспользоваться моментом и сделать гадость, – нахально заявил приятель. – Я к тебе со всем доверием – а ты мне сразу промывать желудок. Нехорошо.

– Напиши заявление на имя полковника, в следующий раз промывать не буду, – предложил целитель. – Кто я такой, чтобы мешать инору самоубиваться?

– Как кто? – всполошился Брун. – Целитель.

– Кто собрался самоубиваться? – мрачно спросил подошедший полковник.

– Капитан Брун, – любезно ответил Вайнер. – Говорит, слишком скучно.

– Да, – подтвердил тот, – с этим дурацким карантинном совершенно нечем заняться. Может, фейерверк устроим над гарнизоном?

И посмотрел на меня этак выразительно. Мол, в прошлый раз он проиграл только по случайности, и то только потому, что соревновались на дальность, а вот если на красоту... Я чуть снисходительно улыбнулся и подумал, а не поцеловать ли руку «невесты»? Исклyчительно, чтобы позлить Бруна.

– После которого опять придется отписываться, что это было сделано для устрашения потенциального противника? – ядовито уточнил Циммерман. – С нашим карантинном еще примут за сигнал бедствия. Хорошо еще, если только вызовут целителей из столицы.

Вайнер чуть изменился в лице. Пожалуй, при таком развитии событий ему будет совсем нехорошо – выяснится, что нет никаких оснований для карантина, и встанет вопрос, зачем обманывать начальство, которое и так многое спускает.

– Может, напротив, осадят и попробуют уничтожить? – предположил Брун, глаза его мечтательно заблестели, и он даже на пару мгновений потерял интерес к Фридерике. – Все развлечение...

– Скучно вам, капитан, – ядовито протянул полковник. – Будет развлечение специально для вас. Инвентаризация всех артефактов гарнизона. Проверяете на работоспособность, износ и заполненность энергией. При необходимости заряжаете. Отчет предоставите в течение недели.

Брун мечтать перестал сразу. Возмущенно посмотрел на полковника, пытаясь найти хоть один аргумент в пользу невозможности подобного развлечения. Потом его взгляд упал на Фридрику, и он радостно предложил:

– Если леди Штрауб будет помогать, то результат превзойдет все ваши ожидания, инор полковник. А так – не могу обещать, очень уж у меня плохой почерк. Вдруг вы не поймете, что я написал, и это отразится на боеспособности гарнизона? Нет, так рисковать нельзя.

– Если я не пойму, что написано, капитан, отправлю вас на курсы каллиграфии. Боеспособность гарнизона не должна зависеть от вашего умения писать. Наставят крестиков, а потом утверждают, что это тайный никем не понятый шифр.

– Он и читать не умеет, – влез Вайнер. – Написано «Яд», так нет же, нужно выпить и проверить.

– Вам волю дай – на всем «Яд» напишете, – пробурчал Брун, – только чтобы не брали. Яды у целителей лежать не должны, я это точно знаю. И все же, инор полковник, неделя – это слишком короткий срок. Артефактов много, я один. Так что кого-нибудь в помощь непременно надо. Лучше с хорошим почерком. В идеале – леди Штрауб.

Он опять посмотрел на Фридрику. И я не выдержал. Взял руку невесты и поцеловал. Отпускать не стал, она же не вырывалась, лишь опустила взгляд на пол – наверное, подействовали увещевания Вайнера.

– Леди Штрауб есть чем заняться, – возразил полковник.

– Да, подтвердил Вайнер. – В ближайшее время она готовит зелья, которые могут понадобиться.

– Тогда дайте в подчинение Штадена, инор полковник, – предложил Брун. – У него прекрасный почерк. Вдвоем мы все сделаем очень быстро.

– У капитана Штадена уже есть задание.

– Мне вы никогда такие задания не даете, инор полковник, – обиделся Брун. – Хотя кому, как не вам, знать, как и кого можно использовать с большей пользой для гарнизона. Я бы охранял леди Штрауб ничуть не хуже, и даже лучше, поскольку собственнические инстинкты мне чужды.

– Отправьте его на гауптвахту за пререкания, – скучающе предложил Вайнер.

– Я не пререкаюсь! – оскорбился Брун. – Я хочу выполнить поручение наилучшим образом.

– Труд намного лучше способствует исправлению, чем лишение свободы, – возразил целителю Циммерман, чуть заметно поморщившись.

– Гауптвахту до сих пор не восстановили? – удивился Вайнер. – Там всего-то пара дыр в крыше.

– Обижаешь, – жизнерадостно заявил Брун. – Там крыша почти обвалилась. Дыра в стене. И требуется замена двери.

Выглядел он настолько гордым, что не приходилось сомневаться – гарнизон без гауптвахты остался из-за вполне определенного инора. Да, ломать – не строить, это Брун давно осознал. Неожиданно рука Фридрики дернулась освобождаясь, я с сожалением отпустил.

– Дверь заменили, – мрачно отметил полковник. – На остальное времени не хватило.

– А остальным пусть занимается тот, кто передал Бруну вино на гауптвахту, – предложил Вайнер и кивнул на лейтенанта, хищно кружащего неподалеку. Наверняка пытался произвести впечатление на леди Штрауб своим здоровым видом. – Все равно у этих оболтусов сейчас масса свободного времени. И капитану Бруну кого-нибудь в помощь дайте. Только не леди Штрауб. Не говоря уж о том, что в этом случае инвентаризация не закончится до отъезда леди, так сейчас из-за карантина скучающие служащие начнут чаще друг друга травмировать. Я не бесконечный, а помощь леди весьма кстати.

Полковник обрадованно согласился, и вскоре разочарованные Брун и недолевитируемый лейтенант неохотно направились на выход, где и разошлись, перекинувшись парой слов. Очень надеюсь, что по делам, а не подготавливать очередное проникновение в целительский пункт.

– Инор полковник, Вайнер прав, нагрузка на него слишком большая. Странно, что до сих пор не прислали второго целителя, – заметил я. – Неужели вообще никого нет?

– Да предлагали, – раздосадованно ответил полковник. – Но только инорит, пришлось отказываться. Сами понимаете, пока здесь служит Брун, любая целительница – источник проблем в гарнизоне.

Итак, комната с решеткой все-таки ожидает новую жертву.

– Инор полковник! – радостно завопил лейтенант из гарнизонной канцелярии. – Еле вас нашел. Вам срочное письмо от лорда Штрауба!

Пока полковник обеспокоенно вскрывал письмо, оказавшееся довольно короткой запиской, Фридерика не менее обеспокоенно смотрела на меня. У предложения ее приятеля оказалось отнюдь не одно слабое звено, грозившее развалить всю игру.

– Ваш отец, леди Штрауб, очень встревожен карантинном, – заявил Циммерман.

– Можете ему написать, что заболевших нет, – предложил Вайнер. – Да и карантин по подозрению, а не по выявленному больному. Леди ничего не грозит. Я рядом и позабочусь об этом.

– А не лучше ли будет, если это напишет леди Штрауб? Успокоит папеньку.

Фридерика вцепилась в меня сама. Успокаивать чужих папенок она явно не собиралась. Да и вряд ли тот успокоится, получив письмо, почерк в котором будет совсем не дочерний. Я положил свою руку на руку «невесты». Исключительно чтобы приободрить.

– Думаю, инор полковник, что письмо от вас скорее успокоит лорда Штрауба, – возразил я. – Вы лицо официальное, вам веры больше.

– Капитан Штаден, вам тоже пришло письмо с магической почтой, – вспомнил канцелярист. – От леди Эдин.

– Волнуется тетушка за вас, – участливо заметил Циммерман. – Может, ей тоже отправить официальное письмо, что оснований для беспокойства нет?

– Спасибо, инор полковник, я сам напишу.

Знаем мы, о чем волнуется тетя Эльза. Если полковник нечаянно проговорится о ненастоящей помолвке – пиши пропало, тетушка сделает все, чтобы помолвка стала настоящей, и мою draжайшую родственницу не остановит даже то, что леди – ненастоящая...

Глава 22

Фридерика

Энергии Бруна хватило и на инвентаризацию артефактов днем, и на попытки взлома ночью. При одной из таких попыток решетка заходила ходуном, настолько сильно, что показалось: сейчас отвалится и придавит навязчивого поклонника. Пациентов, раздавленных решетками, в моей практике пока не было, и я начала лихорадочно одеваться и припоминать, что там нужно делать в первую очередь. Но тут к Бруну спустился Штаден и что-то резко сказал. Решетка успокоилась, а вот Брун – нет. Он начал возмущаться отсутствием компанейского духа моего «жениха» и договорился до того, что улетел напрямик в отвратительный розовый куст. И вот тут он взвыл. Не просто взвыл, а ВЗВЫЛ. Я даже поначалу решила, что в гарнизоне сработала сирена, возвещающая об опасности, и выскочила наружу. И не только я – буквально через минуту возле пострадавшего стояли всклоченный Циммерман в незастегнутом мундире, заспанный Вайнер и пара дежурных офицеров. И это не считая Штадена, который выглядел так, словно не дрался только что, а просто вышел прогуляться перед сном. Хотя какое перед сном – прошла уже добрая половина ночи.

– Брун! – заорал полковник. – Это уже переходит все границы! Я вас под трибунал отдам за создание паники среди гражданского населения в мирное время! Какого орка вы ночью вопите словно пожарная сирена?

– Инор полковник, чего сразу под трибунал-то? – смутился Брун. – Я случайно упал на розы, вот и все.

И посмотрел совершенно честными глазами на начальство, которое ничуть не размякло и не успокоилось.

– А орали вы так оттого, что задели за куст?

– Там же шипы ого-го, инор полковник. Мне показалось, они меня насквозь проткнули. И я не задел, я на розы свалился.

– Брун, если бы вы на них свалились, куст бы непременно сломался, а он стоит целехонек. Вам бы все шуточки шутить! – продолжал возмущаться Циммерман. – Придумайте что-нибудь поубедительнее.

– Он действительно свалился на розы, – с неохотой подтвердил Штаден, не уточняя, что помог приятелю в этом сложном деле.

– Это не цветы, инор полковник, это оружие массового поражения, – пробурчал Брун, – их необходимо удалить из гарнизона. Вернуть герцогу. Все равно та, кому это дарилось, больше здесь не живет и подарок с собой не забрала, выходит, мы присваиваем герцогское имущество, а это ни в какие рамки.

Розы стояли совершенно целые: стебли воинственно торчали, оцетинившись не только шипами, но и листьями, крупные цветы одуряюще пахли и не радовали ни одним свалившимся лепестком. Да, эти розы могли за себя постоять. Полковник наверняка подумал о том же, когда на них взглянул.

– И что вы предлагаете? Выкопать и отправить герцогу? Сами возьметесь?

Брун шарахнулся от куста, словно ему предложили взять лопату в руки прямо сейчас. Но быстро сделал вид, что просто подошел поближе к собеседнику, чтобы точнее донести свое мнение.

– Зачем сам, инор полковник? – уверенно пробасил он. – Дело тонкое, требует подхода специалиста по растениям, который аккуратно извлечет отсюда и перенесет туда. Герцогский садовник с этим справится куда лучше любого офицера в гарнизоне. Нам доверять такое нельзя – непременно повредим герцогское имущество.

– Вот и договоритесь с ним, – решил полковник, – а пока, чтобы я вас не видел ни у роз, ни у целительского отделения. Попадётесь на глаза – выкапывать и возвращать будете сами. Причем выкапывать сразу, а возвращать – по окончании карантина. А до того времени этот замечательный цветок будет стоять у вас.

– Инор полковник, вы пытаетесь лишить меня доступа к целителю. А если буду умирать, тоже нельзя к Вайнеру или леди Штрауб? – деловито уточнил Брун, разом взбодрившись.

– Можно, – порадовал его полковник. – Но как только они признают вас здоровым, сразу начнете выкапывать розы.

Брун посмотрел на куст с огромным отвращением и потер бок, наверняка тот самый, который свел с розами близкое знакомство, поэтому теперь сама мысль о любых контактах с растениями вызывала у Бруна не слишком приятные чувства.

– У меня аллергия на розы, – сделал он последнюю попытку.

И чихнул. Не менее громко и выразительно, чем до того убеждал окружающих в своей невинности.

– То-то вы у них постоянно ходите, – едко отметил полковник. – Странная такая аллергия, затрагивающая исключительно мозговую деятельность.

– На что не пойдешь ради прекрасных глаз? – Брун гулко вздохнул и укоризненно посмотрел почему-то на меня.

– Нет у него никакой аллергии, – Вайнер зевнул, намекая, что пора расходиться. – Одна дурь и куча нерастрченного здоровья. Розы покопать ему даже полезно. Может хоть сейчас начинать, главное, чтобы молчал. А то перебудил всех. Вон, даже леди Штрауб подскочила. Наверняка решила, что нападение орков.

– Ночью вообще-то спать надо, – Брун недовольно взглянул на целителя. – Я как раз и шел, но упал в розы. А какой в них сон, сам подумай, Томас? Уверен, до утра они без меня обойдутся.

И исчез с такой скоростью и, главное, почти незаметно, что появилась уверенность, что при необходимости он может действовать четко, быстро и бесшумно, а значит судьба Гарма при нападении потенциального противника не такая уж печальная, как казалось в последнее время...

Штаден потянул меня в целительский корпус. Его желание избежать объяснений с полковником, который теперь непременно найдет новую жертву для высказывания претензий, было понятно, поэтому я позволила себя увести и бурчание полковника на оставшегося Вайнера слышала уже издалека.

– Не надо было вам выходить, Фридерика.

– Когда раздался этот ужасный звук, я решила, что на нас напали, – смущенно призналась я.

– Да, вопит Брун занимательно. Со сна еще не то может показаться.

– Не могу этим оправдаться – я не спала.

– Брун разбудил?

– Не только. Почему-то, стоит лишь уснуть, сразу начинает сниться что-то такое странное, что я в страхе просыпаюсь.

– Что именно?

Голос Штадена прозвучал спокойно, но в глубине глаз промелькнула тень тревоги. Настолько быстро, что я засомневалась, не показалось ли.

– Не могу сказать. Совершенно не помню, что снилось, остается лишь ощущение чего-то липкого и противного. И страх, что в следующий раз не проснусь. Я и прошлую ночь почти не спала.

– Я заметил, что вы не выспались, но отнес это на Бруна и раннюю побудку. Почему вы не сказали раньше? Придется с вашим страхом бороться доступными методами. Сегодня спите в моей постели, – неожиданно заявил Штаден.

– Ну, знаете ли! – возмутилась я. – Фиктивная помолвка не дает вам права на такие заявления. Я не Ульрика, если вы не забыли, у меня нет привычек шастать по чужим кроватям.

– Придется вырабатывать, – нагло ответил он, – поскольку в вашей комнате спать нельзя, несмотря на выданный амулет. Похоже, он полностью не экранирует влияние роз, поэтому меняться комнатами с вами я не буду.

– Даже если мне нельзя спать в своей комнате, это не значит, что я буду спать с вами. То-то вы мне так старательно сегодня ручки целовали. Я думала – выполняете просьбу Вайнера, а оказывается, это была подготовка!

И какая подготовка, по всем правилам! Нежные прикосновения, почти незаметные окружающим, заставляли сердце биться чаще, зато голову отключали напрочь. Ничем другим я не могла объяснить то, что не торопилась забирать у него свои руки, а наслаждалась каждым мгновением. Не в моем положении позволять подобные вольности, вот он и решил, что может рассчитывать на продолжение. Я так на себя разозлилась, что чуть было не дала Штадену по нагло ухмыльнувшейся физиономии.

– Инорита, делить с вами постель я не собираюсь, – неожиданно сухо сказал он. – Мне не нужны проблемы ни с вами, ни с Циммерманом. Он при моем появлении в гарнизоне сразу заявил, что женит при первой возможности. Ни брак с вами, ни конфликт с ним меня не прельщает.

– Но...

– Вы будете спать на моей кровати, я на полу. Устраивает? Мысли у вас, конечно, идут в интересном направлении, но я ничего подобного не предлагал. Я не Брун, с кем попало не сплю.

– Извините.

Я порадовалась, что не успела его стукнуть. Все же бить охранников за собственные странные мысли, – неправильно. Но тут же пожалела, что извинилась: его слова, что я – кто попало, не слишком приятны. Можно сказать, даже оскорбительны. Но возмутиться вновь я не успела.

– Принято, – кивнул Штаден. – И закончим на этом. Забирайте из своей комнаты одеяло, подушку и что там еще вам нужно для спокойного сна.

– Но...

Я не знала, как объяснить, что у меня нет много чего для спокойного сна. Например, ночной сорочки. Не посчитала Ульрика нужным вложить мои вещи в свой чемодан. Возможно, они ей показались слишком скромными. Или не соответствующими графской дочери. Или она их просто куда-то засунула и забыла. С Ульрикой всегда так, не проконтролируешь – получишь непредсказуемый результат.

– Я поставлю в той комнате артефакт, имитирующий вашу ауру, а вас у меня мы, напротив, замаскируем, – неправильно понял мою заминку Штаден. – Не бойтесь, вашей репутации урон нанесен не будет.

Репутация – это последнее, о чем я сейчас беспокоилась. Глупо беспокоиться о том, чего нет у Ульрики, чью роль сейчас играю пусть не перед Штаденом, но перед другими. Не зря же Брун так рвался ко мне.

– И все же не слишком прилично в одной комнате. Мы с вами совсем посторонние...

– Почему неприлично? Моей матери пришлось на практике делить одну комнату с однокурсником, и никто ничего плохого не подумал.

– Да? И чем это закончилось? – подозрительно уточнила я.

– Хорошо закончилось, – ответил он после короткой паузы. – Вы мне не доверяете?

И посмотрел так, что сразу вспомнилось, как он ко мне относился поначалу. Однако, какой опасный тип. За сегодня я уже почти забыла, как возненавидела его по приезду в Траттен. Не лучше ли ночевать у себя? Пусть с кошмарами, но одной. Я опять на себя разозлилась. Можно подумать, он только тем и занимается, что пытается затащить меня к себе в постель. То есть пытается, но совсем не для того, о чем я сначала подумала, а чтобы защитить. Пожалуй, лучше все объяснить, чтобы опять невзначай не оскорбить Штадена.

– У меня нет ночной сорочки, – честно призналась я. – То есть есть, но у Ульрики. Она мои вещи не заложила, хотя мы договаривались.

– То-то меня так удивили ваши покупки, – неожиданно сказал он. – Не волнуйтесь, инорита, я не смущаюсь при виде голых дам.

Слова сопровождалась весьма ехидной усмешкой. Подозрения затопили меня с новой силой. Кто-то недавно говорил, что он не Брун? Возможно, это ограничение только при Циммермане, чтобы ненароком не женили...

– Зато я смущаюсь.

– Хорошо, я вам дам свою рубашку и обещаю не смотреть.

Мне почему-то казалось, что он не договаривает, что за его предложением стоит еще что-то. Тем более что с меня обещания не смотреть он не взял. То ли доверяет, то ли ему все равно, то ли, напротив, считает, что ему есть что показать. Но пусть не надеется, он мне совершенно неинтересен.

– Инорита, решайтесь. Скоро вернется Вайнер, еще заметит ваш переезд ко мне, пойдут разговоры. Да и время позднее, в конце концов, действительно пора спать.

– И все же, может, лучше я останусь у себя?

– Не лучше. Я не знаю, как на вас действуют розы, и не хочу рисковать. Если Брун все-таки выкопает эту гадость, в чем я сильно сомневаюсь, вернетесь к себе. Можете поверить, на полу мне спать не нравится.

И так посмотрел, словно хотел добавить, что здесь ему не нравится вообще все, и я в том числе. Вот ведь! Мог бы свою неприязнь оставить для Ульрики: ей все равно нет никакой разницы...

– Вы так и не объяснили, что не так с розами, хотя обещали, – попыталась я оттянуть решение, хотя и понимала, что все равно придется согласиться.

– Объясню, как только окажетесь в моей кровати. Инорита, я не могу вас бесконечно уговаривать. В конце концов, я отвечаю за вашу безопасность.

И он без дальнейших церемоний вломился в мою комнату и, пока я мучительно вспоминала, не валяется ли там чего неподходящего на виду, вытащил из кармана небольшой артефакт, немного над ним поколдовал, затем смел все с кровати и направился на выход.

– Но я еще не согласилась, – запротестовала я довольно жалко.

Штаден остановился на пороге и к чему-то прислушался, чуть склонив голову набок.

– Вайнер возвращается, – сообщил он. – Будем ругаться при нем?

Потом прошел и распахнул дверь уже к себе таким приглашающим жестом, насколько это было возможно с постельными принадлежностями в руках. Привлекать внимание целителя не хотелось, поэтому я молча прошла в чужую комнату.

Глава 23 Гюнтер

Не успела за нами захлопнуться дверь, Фридерика начала возмущаться, что я все решил за нее, и не успокоилась даже тогда, когда я заметил, что был бы плохим офицером, не умея в сложной обстановке принять быстрое и правильное решение. Она тут же засомневалась в правильности. Спорить можно было бесконечно. Я вытащил рубашку, купленную днем в магазинчике гарнизона, не слишком тонкую, зато чистую и новую, и протянул Фридерике.

– Через пять минут вы должны лежать в кровати и делать это молча.

– А если нет?

Она возмущенно уперла руки в бока и слушаться явно не собиралась. Эффект грозного вида смазывался тем, что ругаться приходилось шепотом, чтобы не выдать себя Вайнеру. Правда, я сразу поставил полог тишины, о чем не сообщил, поскольку девушка, шепчущая ругательства, выглядит намного интереснее, чем орущая в голос, да и желания подраться у нее не возникает. Свет я чуть притушил и невозмутимо ответил:

– Заставлю замолчать вас доступным мне способом.

И выразительно посмотрел на ее губы. Фридерика не разочаровала.

– Поцелуем? – зло выдохнула она.

Не скажу, что идея не вдохновляющая, и предложи она это на полном серьезе... Я одернул себя и насмешливо процедил:

– Обездвижу магией. Инорита, создается впечатление, что вы во мне заинтересованы намного больше, чем я в вас. Если уж с постелью ничего не вышло, хотите получить хотя бы поцелуй.

Она вспыхнула. Жарко, полностью, заставив почему-то сердце забиться чаще. Взяла рубашку, прикоснувшись ко мне, резко отдернула руку и пробурчала:

– Отвернитесь. Вы обещали рассказать, что не так с розами.

Отворачиваться не хотелось, в голове слишком заманчиво звучала фраза о поцелуе. Но все же встал лицом к двери, поскольку целоваться всерьез мне никто не предлагал, а смотреть, как она переодевается – только себя дразнить. Да и не станет она при мне переодеваться.

– Похоже на сложный артефакт.

– Шутите? Таких артефактов не бывает, – уверенно ответила Фридерика.

Она чем-то соблазнительно шуршала, заставляя воображение рисовать картины одна другой интересней. Обидно, что после таких сладких мечтаний меня ждет ночевка на жестком холодном полу. А она наденет мою рубашку, потом займет мою кровать, а пока требует рассказать сказку на ночь, словно я ей нянька, древняя и морщинистая, ни на что больше не годная.

– Я раньше тоже так думал. Более того, я никогда не слышал, чтобы артефакты делали из растений.

– Может, оно не растение?

– Нет, оно явно живое.

Заскрипела кровать, и Фридерика сказала:

– Можете поворачиваться.

Ее платье аккуратно висело на стоящем у кровати стуле, мое постельное белье было сложено на принесенный матрас.

– Могли бы и мне постелить, – заметил я.

– Вы дали слишком мало времени, – ехидно ответила она. – За пять минут я еле успела постелить себе и раздеться. И потом, уверена, вы прекрасно справитесь сами. Так же, как и раньше справлялись без меня.

– Можно подумать, я затащил вас сюда для собственного удовольствия.

Она чуть смущенно потупилась, забавно вытянула губы трубочкой, мне показалось, захотела извиниться, но нет, спросила:

– А как связаны мои кошмары с розами?

– Не знаю. Я не понимаю, как это работает. Но нити идут от куста к решетке вашей комнаты.

Она зябко поежилась, подтянув одеяло, в которое и так была закутана намного больше, чем бы хотелось, и неожиданно спросила:

– Как вы думаете, капитан, Марта... она тоже видела кошмары? Получается, она жила в них все время?

– Вряд ли. Скорее всего, розы столь агрессивны, потому что им нужна привязка. Та, что была у вашей сестры.

Я подхватил матрас и начал расстилать. В конце концов, разговаривать можно и лежа. Лежа даже лучше – тогда я хоть смогу закрыть глаза.

– Агрессивны? А привязка – вы о рисунке сейчас?

– Да, – кивнул я и скомандовал: – Отворачивайтесь.

Она на удивление послушно повернулась и спросила:

– И что теперь?

Я ответил не сразу, собирался с мыслями, пока раздевался.

– Теперь нужно сложить всю мозаику в единую картину. Но думаю, у нас не хватает еще многих кусочков. Когда увидите своего Фалька, расскажите про кошмары.

– Кристиану?

Она резко повернулась и ойкнула, я еще не успел лечь и даже после ее ойка не поторопился этого сделать. Мне стеснятся нечего.

– Подглядывать нехорошо.

– Было бы на что смотреть, – проворчала она отвернувшись.

Но опять заалела так, что даже кончики ушей потерялись в пышных волосах, которые она злостно распустила на ночь. Не иначе как для того, чтобы подразнить.

– Вы сейчас по привычке играете леди Штрауб? – ехидно спросил я. – Про свою опытность можете не рассказывать, целитель же определил, что слухи только слухи.

Свет я окончательно убрал: мы собрались спать, а не рассматривать друг друга, тем более что как раз мне никого рассмотреть не получилось.

– Почему вы думаете, что Кристиан замешан? – смущенно спросила она, делая вид, что ничего не случилось.

– Может, и не замешан, может, даже ничего знает. Посмотрим на реакцию. Лишнего ему не говорите, только про плохие сны. Спокойной ночи.

Фридерика возмущенно подпрыгнула в кровати.

– Но я еще не все выяснила, – с нажимом сказала она и села.

– Если вы собираетесь переходить ко мне, может, лучше мне перейти к вам? На полу неудобно, знаете ли.

– Что неудобно? – не поняла она.

– То, для чего вы собрались переходить ко мне. Не для разговоров же. В такое время занимаются не разговорами.

Я тоже сел, показывая готовность поменять место сна.

– Спокойной ночи, – торопливо сказала Фридерика и легла, опять укрывшись под горло.

Я выразительно вздохнул, она, насторожившись, чуть повернулась, ловя каждое движение. Дразнить ее было забавно, но если так пойдет дальше, не выспимся уже оба, что непременно отметит Брун и истолкует в меру своей испорченности.

– Фридерика, давайте спать, и пусть вам приснится что-то хорошее, – неожиданно для себя сказал я.

– И вам, – успокоенно ответила она.

Утром я проснулся раньше и долго разглядывал Фридерiku. Она спала, трогательно подложив руку под щеку. Волосы, густые, яркие, сияющие в просочившемся солнечном луче, контрастировали с белизной лица, которая только подчеркивалась брызгами веснушек. Тени под глазами уменьшились, но все равно оставались и выдавали усталость и напряжение. Одеяло сползло, открыв девушку по пояс, но то, что открыло одеяло, закрывала моя рубашка, застегнутая под горло. Нужно было вчера пуговицы с нее срезать, хотя бы верхние, но кто знал, кто знал...

Дыхание чуть изменилось, а ресницы начали подрагивать, выдавая, что она тоже подсматривает.

– Пытаетесь вспомнить, какая по счету дама в вашей кровати? – раздался голос, чуть сонный, но уже готовый к военным действиям.

– Хотите получить порядковый номер? Или право называться дамой в моей кровати? – Я потянулся, расправив плечи, и с удовлетворением заметил, что взгляд ее от меня не отрывается. Да, конечно, «посмотреть не на что». – Если второе, приступим сейчас или отложим до вечера? А то Вайнер, знаете ли, может заметить, что мы вдвоем и у меня.

– Отвернитесь, – скомандовала она, напрочь проигнорировав предложение.

– Значит, откладываем до вечера, – «понял» я.

До вечера нам было чем заняться. Вайнер принимал тех, кто обнаружил у себя симптомы «Черного ветра», Фридерика же готовила зелья в соседнем помещении, так что те из пациентов, кто пришел в надежде на ее магию, потерпели фиаско. Бруна среди них не было, наверняка побоялся, что полковник выполнит свое обещание и отправит выкапывать розы, но это не помешало приятелю в столовой смотреть на Фридерiku настолько плотоядно, что она краснела, а я постоянно ловил себя на желании отправить его в целительское отделение залечивать переломы. Останавливало лишь то, что Брун как раз туда и стремился, а значит, пара сломанных костей его только порадует.

После обеда Вайнер присоединился к нам, изредка отходя, если кому-то опять требовалось его внимание. В их работу я не лез, не сказать чтобы я так плохо делал зелья, но пусть лучше этим занимается кто-то другой. Мысль ассистировать Фридерике появлялась, но я ее пока успешно отгонял – девушка прекрасно справлялась сама, а так мы будем отвлекаться друг на друга, и получится вместо зелья, выводящего избыток магии, зелье, ее привлекающее.

Притащился лейтенант из канцелярии, якобы для того, чтобы передать письма, а на деле – пофлиртовать с леди Штрауб. Нет, письма он тоже принес: два мне, от тети и Матильды, и одно – леди Штрауб. От Кремера, толстенькое такое письмо. Можно сказать, даже пакет. Пухлый, почти лопающийся по сгибам. Не иначе Кремер за невозможностью исполнять серенады теперь сочиняет сонеты. Я подозрительно оглядел конверт, но Фридерика его пока не вскрыла, поскольку зелье требовало неусыпного внимания.

Лейтенант для вида вызвался подождать, пока мы напишем кому-нибудь. Грех было не воспользоваться предложением, я придвинул к себе лист бумаги и задумался, что и кому написать. Вайнер отвлекся на пациента, и мы остались втроем. Фридерика закончила очередную партию, выглядела довольной результатом, поэтому с удовольствием включилась в легкую, ни к чему ни обязывающую беседу, которую я слушал со все нарастающим раздражением, пытаясь одновременно составлять письмо к Эрике. Почему-то во мне проснулась подозрительность, и прямо передать беспокоящие моменты я не решился. Вдохновенное описание чудесного розового куста получилось несколько корявым, но информативным. А уверения, что он непременно бы понравился сестре, очень убедительными. Эрика терпеть не может розы еще с жениховства кронпринца, так что удивится, поделится с

мужем, а там и до Лангеберга дойдет, что с розами что-то нечисто. Во всяком случае, я на это очень надеялся. Закончил, когда лейтенант уже намекал Фридерике на совместный обед после отмены карантина, пришлось напомнить, что его ждут обязанности, и выставить из целительского отделения, после чего я наконец приступил к чтению писем, стараясь не обращать внимания на злой взгляд Фридерики.

Первым вскрыл письмо от тети. Тетушка предсказуемо порадовала требованием ежедневного отчета о подвижках в романе с леди Штрауб. Ничего другого, даже моя возможность заболеть «Черным ветром», ее не волновало. Правильно, пусть племянник умирает, лишь бы сначала заключил полезный брак. Захотелось ответить, что от брака нас отделяет лишь карантин и отсутствие храма в гарнизоне, но остановили опасения, что в этом случае она не отстанет, а вдохновится еще больше. С нее станется прислать священника, чтобы выполнить «последнюю просьбу бедного племянника». И отстанет она, лишь только когда я женюсь. Но жениться ради успокоения тетушки? Увольте.

Письмо от Матильды содержало столько полунамеков и недоговоренностей, что у меня свело зубы от злости. Нас больше ничего не связывало, хотя она упорно твердила другое. Но если отбросить всю ерунду с непрошедшей любовью в сторону, суть сводилась к тому, что сразу после карантина герцогская чета ждет нас с леди Штрауб в гости, о чем полковник уже поставлен в известность. Я задумался. Почему бы нет? Расследование застопорилось: ниточки вели из гарнизона, а все, что можно было выяснить тут, не привлекая подозрения, я уже выяснил. Кроме, разве что, с кем был роман у инориты Рильке, но этого тут либо никто не знает, либо скрывают по тем или иным причинам. Нельзя также исключить, что романа не было, мало ли что показалось Фридерике.

Кроме того, неплохо было бы сравнить герцогские розы с той, что прислали сюда. Только остро встает вопрос, как обезопасить Фридерiku, если герцоги Траттенские в курсе, кто она. В голову ничего не приходило, кроме как объявить и Матильде о нашей помолвке. Боюсь, Фридерике это не понравится. Я перевел взгляд с письма на «невесту».

Она перемывала лабораторную посуду, выражая каждым своим движением пренебрежение к зрителям. Поскольку кроме меня других зрителей не было, становилось понятно, что насилие над личностью она мне не простила. Да, я совершил ужасное преступление – дал возможность девушке спокойно выспаться...

Фридерика вытерла руки и взяла письмо от Кремера. Неправильно, руки нужно мыть после, а не до. Говорить я это не стал, но поближе подошел, поскольку стало интересно, что написал приятель. Должен же кто-то побеспокоиться о безопасности? Кремер тот еще мутный тип.

К удивлению, письмо содержало другое письмо – от настоящей леди Штрауб к ее папеньке. Однако... В сопроводительной записке было небрежно набросано несколько строк о том, что будет подозрительно, если Ульрика ничего не напишет отцу про карантин, и чтобы Фридерика не волновалась – он лично просмотрел письмо от и до, и там все нормально. Потом шли заезженные комплименты, видно, на случай, если девушка вдруг забыла, что он за ней ухаживает.

Глава 24

Фридерика

Окончание карантина ознаменовалось тем, что в целительское отделение одновременно вломились, отталкивая друг друга, Кристиан и Кремер. Приятель смотрел на соперника так, что появилось подозрение – часть из принесенных в большом кожаном бауле зелий уйдет явно не к Вайнеру. Или те, что Кристиан носит для развлечения, всегда в карманах?

Иenor Вайнер как раз доверил мне осмотр пациента, который случайно попал под заклинание. Захлестнуло его лишь краем, но этого оказалось достаточно, чтобы вся правая половина тела покраснела, а местами даже покрылась волдырями. Пациент страдальчески морщился и временами шипел сквозь сомкнутые зубы, отнюдь не наигранно шипел – было ему действительно больно, но с исцелением мы не торопились, поскольку при повреждении магией очень важно поставить правильный диагноз, а обезболивание может смазать картину.

– Прошу посторонних покинуть помещение, – грозно сказала я. – Вы мешаете работе целителей.

– А он не мешает?

Кремер недовольно кивнул на Штадена, который пристроился на одном стуле, вытянул длинные ноги на другой и что-то увлеченно чертил уже на третьем листе бумаги, не обращая внимания ни на что, даже на вломившихся нарушителей. Две предыдущие попытки состряпать на коленке артефакт против гадкого розового куста потерпели поражение, и я все так же ночевала в кровати Штадена, что не устраивало нас обоих. Меня – больше, поскольку я неизменно проигрывала в словесных пикировках, и мне иногда уже самой казалось, что я заинтересована в Штадене куда больше, чем он во мне. Словно я действительно намекаю на поцелуй и не только, но при уточнении «жениха» быстро иду на попятный. Особенно же злило то, что он иной раз вел себя так, словно меня не было. Особенно по утрам, когда считал, что сплю. Не то чтобы я подглядывала, как он разминается, но удержаться не было никакой возможности...

– Он не посторонний, он охранник леди Штрауб, – заметил Вайнер.

О том, что не только охранник, но и жених, предусмотрительно умолчал. Наверное, вовремя вспомнил, что моим женихом считает себя Кремер, да и Кристиана расстраивать не захотел. Приятелю изменения в моем статусе точно не понравится, даже если случились они из-за его идеи и долго не продлятся.

– Хорош охранничек, – скривился Кристиан, – да он ухом не дернет, если леди похитят.

– Хотите проверить, инор? – не отрываясь от своего занятия, лениво процедил Штаден. – Какого уха вам не жалко – правого или левого? Или оба лишние?

И посмотрел на вошедших так, что даже Кремер сделал шаг назад, спохватился и, чтобы придать отступлению видимость добровольности, объявил:

– Пожалуй, леди Штрауб права – нельзя вмешиваться в работу целителя. Я подожду в коридоре. Точнее, мы подождем.

Кристиан недовольно зыркнул сначала на него, потом на Штадена, но ничего не сказал, вышел сразу за ним. Я забеспокоилась, не начнет ли он свои шуточки в комнате ожидания – этак застрянет у нас Кремер на неделю, а он не Вайнер, не дай Богиня обнаружит, что ночую у Штадена. Я посмотрела на «жениха», но тот ничуть не встревожился. Поднял с листа взгляд на меня и выгнул бровь в вопросе. Как-то так выгнул, что захотелось срочно сказать ему какую-нибудь гадость. Или хотя бы согласиться на поцелуй и посмотреть, как будет выкручиваться. Я еще раз посмотрела на Штадена и засомневалась, что идея хорошая. Нет, дурным желанием потакать нельзя, во всяком случае не в моем статусе не пойми кого.

Я сосредоточилась на пациенте и начала согласовывать с Вайнером этапы воздействия. Диагностику он уже одобрил, причем смотрел на меня взглядом, который у другого был бы явным признаком влюбленности, но к счастью, целителя восхищала не я сама. Он уже несколько раз сказал, что никогда не ожидал встретить столь глубоких и разнообразных знаний у студентки-второкурсницы, да еще с такой репутацией. В словах о репутации слышалось явное сомнение, и я даже не знала, хорошо это или плохо для легенды, о соответствии которой совсем не хотелось думать, поскольку практика оказалась очень

интересной. Когда еще представится возможность почти самостоятельно исцелять? Вряд ли в Центральной гаэррской лечебнице ко мне будут столь же внимательны. Случаи в гарнизоне были разнообразны и часты, поэтому удавалось опробовать разные методы и подходы. Чужой практикой я бы искренне наслаждалась, если бы к ней не прилагались навязчивые офицеры гарнизона и страшная загадка, ответа на которую не было.

– Замечательно, – вынес вердикт целитель. – Эх, такую напарницу бы насовсем, а не только на месяц...

– В отпуск бы сходили? – спросил Штаден.

– И в отпуск тоже.

Вайнер тяжело вздохнул, не став больше распространяться, куда бы он потратил освободившееся время и начал инструктировать пациента, как и чем ему долечиваться после того, как уйдет.

Я встряхнула уставшими кистями рук: напряжение приличное, движения пока не отработаны, приходится каждое контролировать. Не то что у Вайнера – руки расслаблены, но при необходимости включаются в работу куда быстрее моих.

– Дорогая невеста, вас кавалеры ждут, – издевательски напомнил Штаден. – Мне кажется, их нельзя надолго оставлять без присмотра, а если оставлять, то сначала развести по разным помещениям.

– Да, леди Штрауб, – отвлекся от пациента Вайнер, – на сегодня вы свободны. Полковник Циммерман предупредил, что вы вечером идете к герцогу. Ван наверняка нужно время, чтобы подготовиться.

Я кисло улыбнулась. Я бы предпочла подежурить здесь. Готовиться я не собиралась, а к герцогу не согласилась бы пойти, не настаивай Штаден. Почему-то казалось, что в моем присутствии особой необходимости нет. Уверена, герцогине достаточно одного «жениха», который тоже это прекрасно понимал, поэтому и пытался прикрыться мной, уверяя, что я в случае чего отвлеку герцогское семейство. Ага, как же. Уверена, герцогиню от Штадена не отвлечет даже нападение орков на их особняк.

Кристиан и Кремер сидели рядышком, словно близкие друзья, во что не позволяла поверить настороженность поз. Первым делом я подозрительно осмотрела офицера. Пока он не дымился и не обрастал ничем странным, но успокаиваться было рано, поэтому я сразу подошла к Кристиану:

– Нам надо поговорить.

– Конечно, Рика, – расцвел он в улыбке. – Я тоже по тебе соскучился.

«Рику» пришлось проглотить, лучше уж так, чем он будет при всех и каждом величать меня Фридерикой. Правда, такая снисходительность леди Штрауб не пойдет на пользу ее облику, но это не моя проблема.

– Ульрика, вы почти моя невеста, – нахально заявил Кремер. – Невесты должны в первую очередь обращать внимание на женихов. И во вторую тоже.

Пожалуй, зря я о нем беспокоилась. Только нужно намекнуть Кристиану, что месть следует вершить перед телепортом или с отсрочкой срабатывания.

– Тогда она должна обращать внимание только на меня. Поскольку по настоянию полковника Циммермана мы заключили помолвку.

Кристиан зло прищурился, Кремер же невозмутимо заметил:

– Поскольку в газетах объявлений не было, помолвка была нужна отнюдь не для того, чтобы завершить ее в храме. Слишком много оказалось скучающих в карантине офицеров?

Штадену даже не пришлось отвечать на этот вопрос, поскольку в целительское отделение ввалился Брун и забасил сразу, как меня увидел:

– Леди Штрауб, какое счастье, что я вас застал! Карантин сняли, а вы обещали со мной пообедать.

– Я обещала? Не помню.

– Ох уж эти девушки, – сокрушенно заметил Брун. – Кружат голову, и уже сами не помнят кому и что обещают. – Он обвел орлиным взором окруживших меня мужчин и упрямо продолжил: – Но мне вы обещали первому, имейте в виду.

– Я никому ничего не обещала. И уж тем более вам, – возмутилась я. – Я для вас как замок, который непременно нужно взять.

– Прекрасный замок, смею заметить. И осада не из легких.

Брун подкрутил ус и придвинулся ко мне. Точнее, попытался, поскольку на его пути как подводный риф, продырявивший днище гордому крейсеру, возник Штаден с вопросом:

– Так и не догадался, как снять защиту? Или опять боишься свалиться в розы?

– Ах да, – вспомнила я. – Капитан Брун, полковник же вас отправлял к герцогскому садовнику, чтобы договориться о возвращении розового куста.

– А потом вы со мной пообедаете? Леди Штрауб, после опасностей карантина вам непременно нужно развеяться, – воодушевился Брун. – Давайте перед обедом вместе сходим к садовнику? Вы намного убедительней меня. Скажете, что вам эти розы постоянно снятся в кошмарах.

– Мне и так здесь постоянно снятся кошмары, без ваших роз, – заметила я, краем глаза пытаюсь уловить реакцию Кристиана. – Я даже выспаться нормально не могу.

– А выглядите прекрасно, – не согласился Брун. – Прямо как розы под вашим окном. И шипы такие же колючие. Так мы идем, леди? Чего время тянуть-то? Я знаю чудный ресторанчик поблизости, вам понравится.

– Если вы будете приставать к моей невесте... – грозно начал Кремер.

Богиня, еще одного жениха только не хватало!

– Когда увижу вашу невесту, тогда и решу стоит, ли к ней приставать, – небрежно отмахнулся Брун. – А пока я всего лишь предлагаю приятную прогулку невесте капитана Штадена. Из дружеского расположения к вышеупомянутому. Он же не может все свое время уделять личной жизни, когда-нибудь и короне послужить нужно.

И укоризненно посмотрел на моего «жениха», словно всю эту неделю исполнял его обязанности в гарнизоне.

– Боюсь, для такой прогулки потребуется разрешение полковника Циммермана, – заметил Штаден.

– Так он будет только рад, если вопрос с розами решится, – оптимистично ответил Брун. – А он непременно решится, если леди Штрауб приложит свою, не побоюсь этого слова, прекрасную ручку.

– Вечером мы все равно идем к герцогу, – вспомнила я. – Там и спросите сразу.

Брун посмотрел с такой укоризной, что даже не пришлось уточнять, пригласили ли его. По-видимому, замок под названием «герцогиня» уже осаждался. Интересно, с каким результатом? Я искоса взглянула на Штадена, но того это, похоже, ничуть не волновало.

– Рика, – неожиданно сказал Кристиан, – я подумал, зачем тебе ночевать в гарнизоне? В доме моих родителей будет намного удобнее. Там нет ни роз, ни офицеров. Уверен, тебя сразу перестанут мучить кошмары.

Прозвучало это так, что я не поняла, связал ли Кристиан кошмары и злополучный розовый куст, или же просто пытается увести из зоны видимости столь замечательных представителей нашей доблестной армии.

– Наверняка там это в еще больших масштабах, – парировал Кремер. – Траттен весь в розах. Можно, сказать, не город, а сплошной розарий. В гарнизоне хотя бы только один куст. А что касается того, что у вас не будет офицеров... Мне кажется, вы сильно заблуждаетесь.

– У нас очень хорошая защита.

Брун состроил снисходительную мину. Ох, не уверена, что родители Кристиана выдержат мое проживание дольше одного дня, если Брун заберется к ним в дом и продегустирует содержимое уже их алхимического сейфа. Но меня предложение Кристиана привлекало, и очень. Оно давало возможность выбраться наконец из комнаты Штадена. Нет, надо хотя бы попробовать. Я уже почти открыла рот для согласия...

– Боюсь, вашим родителям придется выделять комнату еще для меня, – усмехнулся Штаден, – поскольку я не только жених, но и охранник леди Штрауб на все время ее пребывания в Траттене.

Кристиан посмотрел на него безо всякой приязни. Атмосфера накалялась, и я понятия не имела, что делать. Раньше всегда Кристиан разрешал подобные проблемы с моими поклонниками с выгодой для себя, но после того как не так давно задымился сам, идея поселить у себя противника его привлечь не могла: не было никаких гарантий, что остальные попытки не обратятся опять против моего приятеля.

Офицеры заспорили, кому со мной идти на обед. То есть заспорили Брун и Кремер, а Штаден смотрел на это представление со скучающей миной победителя. Действительно, вряд ли полковник опять даст разрешение Кремеру на мою охрану – тот же теперь не может считаться женихом.

Пока они ругались, я потянула Кристиана за рукав и отвела в сторону, так, чтобы остальные нас не слышали. Штаден покосился, но подходить не стал. Наверное, подумал, что охранять сможет и издалика.

– Я хотела тебя спросить...

– Да, – ответил он. – Я знал твою сестру.

– И это все, что ты хочешь сказать?

– Фридерика, тебе нужно уехать. Не вздумай заниматься расследованием.

– Почему?

– Потому что это опасно. Для тебя опасно.

– То есть Марту все-таки убили?

– Я уверен, она покончила с собой, – неожиданно ответил Кристиан.

– Из-за несчастной любви? – ядовито спросила я. – Что-то никто здесь не знает о ее романе.

– И тем не менее он был. Фридерика, я тебя умоляю, не лезь, – Кристиан говорил необыкновенно серьезно, что так не было похоже на него обычного. – Не дай Богиня, кто-нибудь узнает, что ты сестра инориты Рильке. Нельзя ли как-нибудь досрочно завершить практику? Мне кажется, это даже в интересах гарнизона.

Глава 25 Гюнтер

Умиляла уверенность Фалька и Фридерики, что их никто не слышит. Наивные. Нужный артефакт я активировал сразу и теперь наслаждался каждым звуком. Заметил я и то, на что инорита не обратила ни малейшего внимания, – Фальк испугался. К сожалению, я не силен в психологии, поэтому не мог сказать точно, испугался он за девушку или за себя.

– И кто же тот загадочный поклонник сестры?

– Зачем тебе это знать?

– Я хочу взглянуть ему в глаза.

– Фридерика, Марту не вернуть. Не надо ворошить прошлое, ни к чему хорошему это не приведет.

– То есть никого не было?

Выразительное молчание в ответ. Тяжелое, гнетущее. Игра в «кто кого переглядит». Переглядел Фальк.

– Кристиан, а тот рисунок на руке Марты... – начала Фридерика.

– Какой рисунок? – фальшиво удивился он. – Дорогая, я не понимаю, о чем ты.

Тишина за спиной была настораживающей. На месте Кристиана я бы уже задумывался об отходе. Захотелось увидеть лицо Фридерики. Наверняка сейчас ее прекрасные глаза мечут молнии в незадачливого вралю, и до того, как ее уверенные ручки начнут метать что-то посушественней, оставалось совсем немного. Громкий «ах» прозвучал слишком неожиданно, но относился не к Фальку, а к Кремеру, который прямо на глазах начал обрастать густой зеленой шерстью. Брун предусмотрительно сделал пару шагов назад, видно, раздумывал, не заразно ли это и, если заразно, успел ли он подцепить или пора удирать. Сам же Артур в ужасе расставил руки в стороны, словно это могло помешать обрастанию.

– Кристиан, что это такое?

Наконец я с полным правом обернулся и взглянул на эту парочку. Фридерика ухватила за лацкан фальковского пиджака с таким видом, что будь она мужчиной, никто бы не усомнился, что этого типа вскоре начнут бить. Пожалуй, я бы поучаствовал: слишком специфическое чувство юмора у этого инора.

– А я тут при чем? – возмутился Фальк. – Меня даже рядом не было. Они там стояли втроем. И сейчас, можно сказать, ты пытаешься меня приплести к внутрикапитанскому делу. Мало ли, за что они так этого зеленого. – Фридерика неуверенно оглянулась и отпустила поклонника, а Фальк сразу приободрился и заявил: – Наверняка это тот, с усами. Он стоял ближе. Можно сказать, все возможности были. Дыхнул – и вот результат.

– Позвольте! – возмутился Брун. – С чего бы от моего дыхания кому-то обрастать? Что за гнусный поклеп? Я бы еще понял, если бы он свалился в обморок.

– Капитаны в обмороки не падают, – заметил Фальк. – Это недостойно.

На шум выглянул Вайнер и тут же определил виноватого.

– Инор Фальк, я просил, и неоднократно, – возмутился он. – оставлять ваше нездоровое чувство юмора перед проходной.

– Томас, да при чем тут я? Я стоял здесь с Рикой, а они там втроем, когда это все началось. Может, капитан сам маскировочное зелье принял, а оно оказалось с дефектом. Хотя почему с дефектом? В кустах капитана Кремера теперь точно не заметишь.

В последней фразе невольно проскочила гордость, поэтому Фридерика опять посмотрела на него с подозрением. Но Кремер выглядел столь забавно, что она уже не злилась, а прикусывала губку, чтобы не расхохотаться. Рост шерсти наконец прекратился, остановившись примерно на пяти пальцах. Кремер стоял весь лохматый и ярко-зеленый и на фоне серого коридора сразу бросался в глаза, но наверняка будет совсем незаметным на фоне летней зелени, если, конечно, снять с него офицерскую форму.

– Он дал мне конфету, – наконец смог выдавить из себя Кремер, с ненавистью глядя на Фальку.

– Обычную конфету. – Тот пожал плечами жестом такого недоумения. – Исключительно в знак дружеского расположения. И если припомните, сам съел такую же. И как видите, не обрастаю. – Он крутанулся на каблуках, показывая отсутствие любой растительности, не только зеленой. – У вас же, инор капитан, наверняка постоянно работают артефакты на распознавание вредных примесей. Как я мог всучить вам что-то вредное, сами посудите? Вы лучше припоминайте, кто из этих двоих на вас либо подышал, либо плеснул что-то незаметно. У них наверняка есть опыт, как обходить защиту.

Предположение, как Фальку удалось скормить зелье Кремеру, у меня были. Наверняка разместил действующие компоненты в разных слоях конфеты, вот артефакт и не посчитал опасным. Удивляло другое – как мог попасться приятель на такой простой трюк?

– Особенно у Бруна, – отрешенно протянул Вайнер.

Не думаю, что он поверил Фальку, скорее, обрадовался возможности нажаловаться на давнего недруга полковнику.

– Я таким не занимаюсь, – сразу оскорбился Брун. – Это, скорее, Штаден не поделил невесту.

И оба капитана с подозрением уставились на меня.

– Я бы разделил на вас обоих.

– Действительно, – хохотнул Брун, – Гюнтер никого не обижает невниманием. Томас, а ты уверен, что это не последствия «Черного ветра»? Отдаленные... Может, мы рано сняли карантин? Нужно поставить в известность Циммермана.

Брун говорил довольно убежденно, не забывая при этом медленно, но верно отступать к выходу. Вряд ли он действительно собирался ставить в известность Циммермана о неуставном обрастании посторонних офицеров, скорее, боялся, что прикажут ликвидировать последствия чужой диверсии. А Бруну и своих хватало.

– Уверен. Причина – зелье короткого действия. По предварительной диагностике уже завтра капитан Кремер облезет до изначального вида.

Фридерика невольно прыснула. Брун от двери послал ей воздушный поцелуй и скрылся, ничего более никому не говоря. Действительно, этак задержишься ненадолго – и опять гауптвахта гарантирована, а в ней только-только отремонтировали крышу. Так что приятеля гнало беспокойство об имуществе гарнизона.

– А быстрее? – мрачно спросил Кремер, собирая шерсть над глазами в кулак. – Видите ли, инор целитель, я никак не могу торчать у вас здесь до завтра.

– Ну почему же? В таком виде вы наверняка распугаете всех нежеланных поклонников леди Штрауб.

– Боюсь, в таком виде у меня нет никаких шансов на взаимность с ней.

– Боюсь, у вас и так нет шансов на взаимность, – безжалостно сказала Фридерика и предложила Вайнеру: – А если провести депиляцию? Заклинания, правда, к косметическим относятся, нам такое только начали давать...

В ее голосе слышалось искреннее сожаление, что не удастся опробовать знания на так кстати обросшем поклоннике. Пожалуй, подпади Кремер под что-то иное, у него было бы куда больше шансов на взаимность...

– Частично его не депилировать, слишком тонкая работа, потребует много времени, чего я позволить себе не могу. А если пройтись общим, ничего хорошего не выйдет, – задумался Вайнер. – Капитану вряд ли понравится ходить без бровей. А может, под мороком домой до телепорта? А дома облезете сами? Все же лишняя магия...

Кремер прорычал нечто невразумительное, что вкупе с его нынешним видом, вышло довольно грозно. Заглянувший как раз в этот момент рядовой, увидев такое зрелище, застыл на месте на несколько мгновений, потом издал странный булькающий звук, решил, что не так уж и болен и быстро захлопнул дверь. Наверняка, чтобы не выпустить ужасное неизвестное животное на свободу.

– Капитан Кремер говорит, что хочет облезть здесь, – перевел я Вайнеру слова приятеля. – Вы непременно что-то придумаете, а мы пока с леди ходим на обед, чтобы вам не мешать.

Фридерика мелко закивала, с трудом удерживаясь от смеха. Фальк подхватил ее под руку с видом собственника, как бы говоря: «Никуда вы без меня не пойдете», но Вайнер посмотрел на него весьма выразительно и сказал:

– Инор Фальк, потребуется ваша консультация по подбору наиболее эффективного зелья.

– Чтобы такой специалист спасовал? Не верю. – Фальк неохотно отцепился от Фридерики и опасливо подошел к Кремеру, но тот бить его не стал, ограничился неприязненным взглядом. – Думаю, обычный антидот должен подойти. – С этими словами Фальк незаметно от Кремера сунул Вайнеру в карман целительской мантии пузырек. – Но ты, Томас, разбираешься в этом куда лучше меня. Я что? Только делаю, а уж применяют другие...

Вайнер выразительно посмотрел на приятеля, но ничего не сказал, зашел в кабинет и приглашающе махнул Кремеру. Тот быстро прошмыгнул и закрыл за собой дверь.

– Инор капитан, не хотите конфетку? – невозмутимо спросил Фальк, протягивая карамельку.

Однако, некоторых жизнь ничему не учит. Я поборол желание ответить так, как инор заслуживает, и смерил его насмешливым взглядом.

– Я бы сказал, куда вы можете ее засунуть, инор, и даже поспособствовал бы этому, но увы, присутствие леди обязывает следить за речью и действиями.

Леди возмущенно дернула приятеля за рукав и потащила на выход. Пришлось идти за ними. Жених я или не жених, в конце концов? Кроме того, было интересно, как «невеста» отнеслась к попытке моего устранения.

– Ты лучше Бруну скорми, – проворчала Фридерика. – И лучше что-то такое, что будет проходить не меньше месяца.

– Ему скормишь, – погрузнел Фальк. – Он уже пуганный. Брун у меня ничего не берет.

– А ты через кого-нибудь.

– Инор капитан, – обернулся Фальк. – Вы не передадите приятелю несколько конфет?

– Капитан Брун не слишком любит сладкое.

– Разве? У меня создалось другое впечатление.

Беседа с Фальком мне быстро надоела, тем более что я чувствовал себя посторонним рядом с этой парочкой, чего никак нельзя было допускать. Я подхватил Фридерiku под свободную руку и спросил, как только мы миновали проходную:

– Леди Штрауб, что вы предпочитаете на обед?

– Капитан Штаден, я бы хотела поговорить с Кристианом наедине. Наш разговор в целительском отделении прервали.

Фальк поскущел.

– Рика, я ничего другого тебе не скажу, кроме того, что уже сказал – не лезь, а то все плохо закончится. А если будешь настаивать, я пойду к полковнику Циммерману и сообщу, что ты не та, за кого себя выдаешь.

Это было неожиданно. Фридерика остановилась и возмущенно ахнула. Фальк с вызовом посмотрел сначала на нее, потом на меня. Пожалуй, Фальк все же больше боится за девушку и хочет ее отсюда убрать любым путем.

– Да-да, Рика, именно это я и сделаю. Ради твоей безопасности.

– Боюсь, что полковник Циммерман поступит не так, как вы рассчитываете, инор Фальк, – заметил я. – Он не отправит ее из Траттена, а заставит пройти практику до конца, очень уж инор Вайнер расхвалил вашу подругу. А вот охрану в моем лице снимет, да. Охрана – только для леди Штрауб.

– Значит, рассказала...

Фальк бросал короткие взгляды то на нее, то на меня и о чем-то сосредоточенно размышлял.

– Вы ее сами выдали. Я отправил запрос, и мне подтвердили, что девушка другая. – Про то, что я в курсе истории Марты, решил не сообщать. – Инорита была вынуждена признаться, что выполняет договор, заключенный с леди Штрауб. По здравому размышлению я не стал сообщать полковнику Циммерману – гарнизону ничего не угрожает, а вот инорите, всплыви правда, – очень даже.

И в первую очередь – капитан Брун, которого некому будет останавливать. Ведь Циммерман вряд ли поймет, захоти я остаться в целительском отделении на этот месяц. Разве что имитировать бурный роман? Идея, конечно, интересная, позволит и остаться, и объяснить, в случае чего, почему Фридерика ночует не у себя. Но было, было в этой идее слабое звено – Вайнер, который сразу поставит под сомнение достоверность. Не думаю, что инорита согласится пустить меня к себе в постель на самом деле. А я, пожалуй, даже готов пойти на определенные жертвы ради достоверности, особенно после того, как она нагло дразнила меня своим видом в моей рубашке. Приглашая ее к себе, я не подозревал, что моя выдержка подвергнется подобному испытанию.

– Это все, что она вам рассказала? – зачем-то уточнил Фальк.

– А есть что-то еще, что мне следует знать?

– Нет, что вы, капитан, это я так, от неожиданности.

– И все равно нам нужно закончить разговор, Кристиан, – твердо сказала Фридерика.

– Я могу пообедать за соседним столиком. Ваши тайны останутся при вас.

Фальк подозрительно посмотрел. Наверное, некстати вспомнил, что кроме зелий, есть еще артефакты, с помощью одного из которых я их уже подслушивал. Правда, Фальк этого не знает.

– Не стоит, – наконец решил он. – Все равно я не отвечу Фридерике на заданные вопросы.

– Вот как? Почему это?

– Потому что ответ для тебя опасен, – отрезал он.

Зря не объяснил чем. Неужели не понимает, что так не остановит Фридерiku? Рассчитывает, что за месяц она ничего не узнает? Или в планах очередной карантин? По обрастающим загадочным зеленым мехом офицерам? Но такой ответ обрисовывает очень узкий круг подозреваемых. Если инор, с которым был роман у Марты, существовал, то это либо герцог, либо кто-то из его близкого окружения, либо сам Фальк. Во втором случае туман напускается намеренно. Но как с этим связан розовый бутон на руке? Стоять и гадать можно было бесконечно.

– Инор Фальк, не подскажите хороший ресторан, где бы мы могли спокойно посидеть. Желательно, не тот, что в прошлый раз.

– Опасаетесь встретить герцогиню? – ехидно заметил этот хам.

– А вы думаете, кому-то удастся спокойно поесть в ее присутствии?

– Вряд ли...

Он задумался, но судя по взглядам, бросаемым на Фридерiku, совсем не о том, чтобы избежать встречи с герцогиней. Ее взгляды были тоже далеки от приятных. Слишком сильные эмоции она испытывает по отношению к Фальку, без которого мы прекрасно можем обойтись. Все равно толку от него... Хотя... Кремер был устранен довольно элегантно.

– Гюнти, как же я рада, что с тобой ничего не случилось. Я всю эту неделю глаз не сомкнула, боялась, что ты заболеешь.

Да, встречи избежать не удалось. Не надо было изображать групповой памятник посреди улицы, свернули бы сразу, как вышли из гарнизона. С другой стороны, может, это и к лучшему, отмучиться сразу?

– Для неспавшей целую неделю ты слишком хорошо выглядишь.

– Говорить комплименты посторонним дамам при невесте... – укоризненно протянул Фальк.

Вот как, значит? Решил, что герцогиня скорее вынудит «соперницу» уехать? Фридерика, по-видимому, подумала так же и уставилась на поклонника с плохо скрываемой яростью. Но тот делал вид, что ничего не замечает и полностью увлечен разговором с герцогиней.

– Невесте?

– Капитан Штаден и леди Штрауб договорились о помолвке.

Матильда посмотрела на Фридерика так, словно уже примеривалась, откуда начнет есть. После того, разумеется, как выдерет сопернице все волосы.

– О помолвке? С этой?

В голосе Матильды сквозило нескрываемое презрение.

– Кристиан, ты несправедлив к Гюнтеру, – медово влезла Фридерика. – Под слоем косметики Ее Светлость выглядит не столь блестяще. Кроме теней под глазами, ей пришлось замазывать еще два прыща. Наверное, тоже вылезли от переживаний.

Пожалуй, теперь даже заяви я, что помолвка фальшивая, это ничего уже не изменит. Матильда не посчитала слова Фридерики дружеской помощью и уставилась на соперницу, зло поджав губы, та ответила насмешливым взглядом, ничуть не стушевавшись, поэтому герцогиня быстро отвлеклась от разглядывания моей невесты и перевела огонь своих прекрасных голубых глаз на другой объект.

– Гюнти, ты променял меня на эту рыжую? На эту крашеную рыжую? Как ты мог?

В ее голосе прорезались истеричные нотки. Всклип был один, и не слишком естественный.

– Матильда, я не мог тебя ни на кого променять. Ты сама меня оставила ради герцога.

– Гюнти, не начинай. – Еще один неестественный вскрик. – Ты сам виноват, что все так случилось.

– Гюнти, – проворковала Фридерика, принявшая такую позу, что со стороны наверняка казалось, что она тесно ко мне прильнула, – мы сегодня пообедаем? Сладкими речами твоей бывшей невесты сыт не будешь.

Я притянул ее к себе по-настоящему – играть так играть. Сопротивляться она пыталась, но поскольку при этом не хотела выдать себя герцогине, борьба шла незаметно и быстро закончилась полной моей победой. А после этого я нежно поцеловал невесту прямо в россыпь золотистых веснушек на щеке. Веснушки были вкусными, но их было столь мало, а поцелуй оказался столь коротким, что я ничуть не удовлетворился, лишь раздражил себя. Нет, пора с этим заканчивать...

– Дорогая, мы уже идем.

Глава 26

Фридерика

Наверное, герцогиня решила перенести поле битвы на свою территорию, на этой она проигрывала с разгромным счетом: когда Гюнтер поцеловал меня в щеку, нежное личико перекопилось в столь злобной гримасе, что никто бы уже не назвал Матильду привлекательной. Такое косметикой не прикроешь, разве что флером, и то от более слабого мага. Жаль, что Гюнтер этого не видел.

– К сожалению, у меня совсем нет времени на разговоры, – прошептала герцогиня, с трудом вернув милую улыбочку. – До вечера еще так много нужно сделать, вы просто не представляете. – Взгляд, которым при этом она одарила Штадена, говорил, что в планах есть и что-то касающееся его, не слишком приятное для бывшего жениха. – Но вечером, вечером мы непременно продолжим у нас.

Она победно улыбнулась, высокомерно кивнула и гордо направилась к ожидающей карете. Гордость не помешала ей вилять задом, довольно неприлично вилять, совсем не по-герцогски. Я посмотрела на своих спутников, сначала на одного, потом на второго: оба задумчиво глядели ей вслед. Причем Штадену это не мешало меня обнимать, не обращая внимание на то, что я уперлась в его бок.

– Отпустите, капитан.

Он и не подумал выполнить просьбу. Разве что перестал смотреть на Матильду и перевел взгляд на меня. Нехороший взгляд. После такого взгляда жди неприятностей. Я даже пожалела, что герцогиня так рано ушла – лучше бы Штаден сорвался на нее, а не на нас с Кристианом.

– Как я могу лишить поддержки невесту?

– Какая я вам невеста?

– Как какая? Матильда ушла в убеждении, что самая настоящая. Если ей сейчас даже полковник Циммерман скажет, что помолвка фиктивная, не поверит.

– А вам есть дело до того, что она думает?

Я почему-то так разозлилась, что пожалела, что Кристиан накормил конфетами Кремера, а не ее. Нужно было сразу обоих. Глядишь, и прониклись бы друг к другу теплыми чувствами на фоне общей растительности. Правда, у герцогини есть муж, но это не мешает ей предъявлять права на других. Других, которые не торопятся разжимать объятия. Я опять попыталась освободиться и даже стукнула «жениха» кулаком в бок. Из-за того, что хотела проделать это незаметно, сильного удара не получилось, Штаден даже внимания не обратил. И держал уже этак собственнически, словно имел на то полное право.

– Зачем вы это устроили? – мрачно спросил Кристиан.

– А вы, инор Фальк? Зачем вам потребовалось дразнить Матильду? Мне кажется, вы прекрасно знаете ее характер.

– Я думал, ей удастся относительно безболезненно выжить Фридерiku, – без всякого стеснения заявил Кристиан. – Вы просто не представляете, капитан, насколько ей опасно тут находится.

– А вы расскажите, я и представлю. Фридерика, прекратите дергаться, вы привлекаете внимание. Еще решат, что у вас эпилепсия. Карета Матильды далеко не уехала. Вдруг моя бывшая невеста подумает, что моей нынешней невесте срочно понадобилась целительская помощь, и вернется? Итак, инор Фальк, я вас слушаю.

Но Кристиан отвечать не торопился, наверное, прикидывал, не удастся ли и этого типа чем-нибудь напоить и убрать с дороги. А если опохмелить не удастся – облить или обсыпать. С газообразными веществами Кристиан не работал, это я знала, но также была уверена, что при необходимости его не остановит и отсутствие опыта – в изобретательности приятелю не отказать. Но также знала, что газы избирательно не действуют, а это значит, что в следующий раз обрасти и позеленеть могла уже я. За компанию.

– Это не моя тайна, – наконец решил он на отказ. – Если Фридерика посчитала бы нужным,

она бы вам рассказала. И вообще, герцогиня уже уехала, хватит обнимать девушку, ей же явно не нравится.

– Разве?

Вопрос прозвучал издевательски, но при этом Штаден меня наконец отпустил. Отодвинулась я с большим облегчением. После ухода Матильды я только и думала, как отделаться от объятий, да еще поцелуй горел на щеке, словно отравленный, постоянно напоминая о недавнем нежном прикосновении. Почему-то вспомнился ответ Ульрики на мою жалобу на Кремера. «Он и не должен быть с тобой галантен. Кто ты и кто он? Пфф...». Думаю, ее фразу можно отнести и к этому капитану. Я потеряла кожу, словно так можно было избавиться от неподходящих мыслей.

– Мы идем обедать? – спросила я со всем собранным спокойствием. – А то ужинать нам точно не придется. Во всяком случае мне. В доме герцогини я ничего в рот не возьму.

– Боишься, что отравит? – хохотнул Кристиан. – Правильно боишься. Не надо было вешаться на предмет ее интереса.

Последняя фраза прозвучала особенно неприятно, и я не удержалась:

– А тебя что больше волнует: мое поведение или то, что предмет интереса герцогини – не ты?

– Ты же знаешь, я больше волнуюсь, когда предмет твоего интереса – не я, – увильнул этот нахал и даже попытался обнять, наверное, чтобы показать всю глубину своего волнения.

Но на сегодня с меня объятий хватило, поэтому Кристиан получил по рукам и соорил обиженную гримасу.

– А кто? – заинтересовался Штаден.

– А вам-то какая разница? – недружелюбно ответил Кристиан. – Ваша задача – охранять мою девушку и не впутывать ее в свои сложные отношения с герцогинями.

– Я не твоя девушка!

Кристиан снисходительно посмотрел и начал стряхивать несуществующие пылинки с ворота. За его руками я наблюдала очень внимательно, опасаясь очередной каверзы. Ибо подозревала, что если он выведет Штадена из строя, к герцогине придется идти с Бруном. Похоже, следила я не за тем: внезапно с ладони Штадена сорвалась искорка и взорвалась передо мной, на мгновение ослепив и оглушив. Но возмутиться я не успела.

– Инор Фальк, – процедил Штаден, – как там говорил инор Вайнер? «Я просил вас оставлять свои шуточки за проходной?» Так вот, я прошу вас оставлять свои шуточки подальше от охраняемой мной персоны, иначе в следующий раз я переправлю ваш подарок назад к вам и не просто переправлю, а с некоторыми добавками.

– Он пытался меня отравить? – удивилась я.

– Фридерика, зачем же сразу отравить? – возмутился Кристиан. – Я просто помогаю найти причину для отказа.

– Путем отращивания замечательной зеленой растительности?! Кристиан, ты... – я не закончила фразу, поскольку слова не находились, во всяком случае, такие, что можно говорить при посторонних.

Кристиан хорошо меня знал, поэтому почти незаметно сдвинулся так, чтобы между нами оказался Штаден. Видно, понадеялся, что тот будет охранять не только меня, но и от меня. Руки сами собой сжались в кулаки, но добраться до цели не представлялось возможным. Пока.

– Предлагаете написать: «Занималась косметическими процедурами в компании капитана Кремера, почти жениха»? – издевательски предложил Штаден.

– Капитан Кремер – неподходящая компания для Фридерики, – не смутился Кристиан. – В отличие от вас. Могу поспособствовать провести всю помолвку в целительском отделении. И посещать герцогиню не придется. Как я понимаю, визит туда вас тоже не вдохновляет.

– В одной палате? Интересное предложение, я подумаю, – усмехнулся Штаден. – А пока, инор Фальк, мы с вашего позволения пообедаем. Без вас: нет никакого желания все время быть настороже, ожидая очередной пакости. В моих планах нет целительского отделения, а если

его нет и в ваших, то вы за нами не пойдете. Тем более что на вопросы Фридерики вы не отвечаете. Всего доброго, инор Фальк.

Он подхватил меня под руку и невозмутимо повел прочь от опешившего Кристиана. Я оглянулась. Кристиан чуть сузил глаза и смотрел так, что на месте Штадена я бы вернулась, извинилась и вежливо пригласила противника пообедать с нами за капитанский счет. Но на месте Штадена был Штаден, а Кристиан явно решил, что и в его планах не найдется места целительскому отделению, поэтому догонять нас не стал и мы уходили все дальше и дальше от места стычки.

– Фальк очень хочет вас отсюда убрать.

Я на мгновение представила, как выглядела бы, долети до меня посланное Кристианом. Да, для Матильды это было бы прекрасное зрелище, но поскольку герцогиня уже уехала, приятель явно рассчитывал на другого зрителя – Штадена. Интересно, зачем ему это?

– Раньше его шутки на меня не распространялись, – мрачно заметила я.

– Думаю, он ревнует.

– Ревнует? К кому?

– Ко мне, разумеется, – с долей превосходства ответил Штаден.

– У него для этого нет никаких оснований, – твердо возразила я. – Вот еще, ревновать к вам!

В самом деле, Кристиан же не может знать, что я ночью у Штадена, в его рубашке, и каждое утро наблюдаю за разминкой капитана, делая вид, что сплю. Штаден ставил полог молчания, наверняка, чтобы меня не разбудить, но почему-то я всегда просыпалась как раз перед тем, как он начинал свои упражнения, и делала вид, что сплю, до самого конца. Выглядело это заворачивающе, но сообщать о подобном кому бы то ни было я не собиралась.

– Вы на мне слишком вызывающе повисли. Кстати, зачем вы это сделали?

– Подумала, что вам не помешает помощь, – невозмутимо ответила я. – А вот вам незачем было меня прижимать, да еще и целовать при бывшей невесте.

– Не смог удержаться, очень уж хотелось.

– Подразнить герцогиню?

– Поцеловать вас.

Поцелуй меня взволновал куда больше, чем хотелось, и именно поэтому разговор нужно было срочно прекращать.

– Вас Брун покусал? – насторожилась я.

– Думаете, вы можете понравиться только Бруну?

Это можно было бы считать легким ни к чему не обязывающим флиртом, но не при таких обстоятельствах. Я – не Ульрика, со мной можно не церемониться, полковник Циммерман жениться в случае чего не заставит. Поэтому нужно быть как можно более осторожной. Провоцировать Штадена на возвращение в его собственную кровать не в моих интересах. Нет, я прекрасно понимала, что на полу спать неудобно и жестко, да еще и охранять меня приходится круглосуточно, но...

– Не волнуйтесь, небольшая тренировка перед визитом к герцогу, – разбил мои умозаключения Штаден. – Не надо так пугаться.

Говорить, что я не испугалась, не стала: в это даже я сама не поверю, не говоря уж о Штадене. До ресторана, того же, что и в первый раз, мы дошли в мрачном молчании. Выглядели так, что, думаю, даже герцогиня теперь ни за что не поверила бы, что нас что-то связывает, кроме ролей охранник-охраняемая. Может, на герцогском приеме к ним вернуться? Я вспомнила перекошенную физиономию Матильды, когда Штаден меня поцеловал... Нет, даже если эта особа решит, что помолвка фиктивная, отыграется и на мне, и на Штадене. Лучше про нее пока вообще не вспоминать: зло, о котором не думаешь, как бы не существует. Не думать о герцогине, не думать о поцелуе...

– Какие у нас планы? – спросила я мрачного Штадена. – Если уж карантин закончился, а Кристиан так ничего и не выдал.

– Сходить на герцогский прием, разумеется. А почему вы считаете, что Фальк ничего не выдал? Выдал, что боится. Интересно, приятель вашей сестры действительно существовал? О нем не знает ни Брун, ни Вайнер. Один Кристиан говорит уверенно, но отказывается сообщать кто.

– По письмам Марты я поняла, что у нее кто-то появился.

– Значит, будем исходить из того, что роман был, и, скорее всего, с женатым инором.

– Почему с женатым? Марта бы никогда на это не пошла!

– Почему тогда она скрывалась даже от вас?

Я недоуменно повела плечами.

– Мало ли какие причины были у сестры.

– Например? – заинтересовался Штаден. – Насколько я понял, вы были очень дружны и секретов друг от друга не имели. Как вариант, в письме было имя, но вас заставили его забыть.

– Вы сейчас о Кристиане? Но с Мартой было не совсем так – заставили не забыть, а изменить отношение к ее смерти. – И тут до меня дошло, на что он намекает: – Вы думаете, Кристиан – тот самый инор, с которым она встречалась?!

– Весьма маловероятно, ибо я не вижу причины, по которой они скрывались, но отбросить такой вариант нельзя. Потом, Фальк точно знает правду о смерти вашей сестры, и именно поэтому, когда понял, что вы расспрашиваете о Марте, решил убрать вас из Траттена.

– Вы же говорили, он ревнует? – не удержалась я.

– И это тоже.

Разговаривая, Штаден не забывал есть. Мне же кусок не лез в горло. Все оказалось слишком запутанно и страшно. Я бессмысленно накалывала еду на вилку, стряхивала ножом и опять накалывала. Это создавало видимость обеда. Впрочем, не поручусь, что часть с тарелки все же не перекочевала в рот, но ни вкуса еды, ни того, что я вообще что-то ела, я не ощущала. В принесенный чай вцепилась с облегчением.

– Возвращаемся в гарнизон?

Спросила я больше для порядка. Никаких дел у нас в Траттене не было. Во всяком случае до осмотра герцогского розария.

– Нет, прогуляемся по городу, – неожиданно ответил Штаден. – Кое-что осталось незаконченным.

– Что?

– Осмотр Траттена, разумеется. Если не хотите со мной, могу проводить до гарнизона, поступите под охрану Вайнера.

Гарнизон без Штадена совсем не привлекал: там и без Бруна хватало офицеров со странностями, а Вайнер больше интересовался пациентами, чем происходящим.

– Он свой сейф сохранить не может без чужой помощи, – проворчала я. – Нет уж, лучше пройду с вами, вдруг вспомню что-нибудь из того, что писала Марта, будет за что зацепиться.

После обеда Штаден выглядел довольным и медлительным, как сытый кот. Но похоже, прогуливался не просто так, а по вполне определенной причине, поскольку потянул меня в центр, но не туда, где обычно гуляет праздная публика, и хоть выглядел достаточно расслабленным, но его рука под моей была напряжена, а пальцы время от времени делали еле заметный пасс, уловимый лишь потому, что я шла рядом. Но объяснять он явно ничего не собирался, да и вообще молчал, поэтому я просто печально разглядывала симпатичные особнячки, утопающие в зелени. Кремер сказал правду – роз в Траттене множество, самых

разных форм, размеров и окрасок. Наверное, здорово было бы жить в одном из таких домов, как этот – с солнечными часами посреди огромного розария, или этот – с плющом, увившим не только здание, но и забор, или этот – с розами на стене. Этот... С розами...

– Гюнтер, розы! – возбужденно сказала я.

– Да-да, здесь одни сплошные розы, – отмахнулся он, явно занятый другой мыслью.

– Да посмотри же! Точно такие же розы, как под моим окном. Только куст больше.

Куст был не просто больше. Он был огромен, он заплетал всю стену, почти не оставив пустого места. И цветы были ему под стать: большие, тяжелые, лениво покачивающиеся под ветром.

– «Марк Фогель. Целитель» – прочитал Штаден надпись на табличке. – Если не ошибаюсь, герцогский?

Глава 27 Гюнтер

На удивление, Матильда в спектакле не участвовала: то ли трезво оценивала свои силы, то ли не хотела их распылять. И без того она лавировала между мной и мужем, пытаясь каждому показать, что все ее внимание – только одному. Получалось плохо, поскольку при этом она пыталась игнорировать «леди Штрауб», которой столь же пристально интересовался герцог. Рядом они смотрелись забавно, я уже забыл, что Матильдин муж тоже рыжий, но его рыжина не была столь яркой и солнечной, как у Фридрики, возможно, потому что прилично разбавилась сединой. Был он все так же пузат, а росту если и прибавил, то за счет каблуков, но это не мешало ему вести себя так, словно он – ценный приз для любой дамы. Его внимание к «моей невесте» было столь явно и навязчиво, что я был вынужден встать между ними. И ведь предупреждал же ее, так нет, улыбается каждой дурацкой шутке этого типа. Похоже, герцогский титул разжигает мозги всем особам женского пола.

Хорошо, что наконец начался спектакль и герцог вместе с супругой вынужденно нас покинули, поскольку их кресла стояли в отдалении от остальных. Этакое провинциальное подобие королевской ложи. Фридрика проводила их рассеянным взглядом и с интересом уставилась на сцену. Я же принялся осматривать зал, небольшой, но очень пышно украшенный. Кресла для гостей, мягкие и удобные, не шли ни в какое сравнение с креслами герцогской четы, которые напоминали скорее троны, пусть и выглядели новоделами. Интересно, кто воплотил свои мечты о власти: сам герцог или его супруга?

Гостей было немного, персон двадцать, по-видимому, из местных, потому что я никого, кроме Циммермана, не знал, а представить нас никто не озаботился. Полковник, пришедший без жены, с умилением наблюдал за передвижениями по сцене вульгарно накрашенной особы, которая время от времени раздражалась игривыми куплетами. Голосок у нее был приятный, но слабый, явно не для столичных театров, но в небольшом зале звучал хорошо.

– Талант, какой талант, – еле слышно выдохнул восхищенный полковник.

И этот инор утверждал, что брак оберегает от ошибок? Не слишком заметно, чтобы его собственный брак на что-то влиял. Не думаю, что инора Циммерман, манерная особа с вечно поджатыми губами, снующая по гарнизону в поисках с кем бы поругаться, отказалась бы от развлечений. Не считать же за таковые постоянные проказы детей? Интересно, какую причину выдумывает полковник, чтобы не брать супругу с собой? Уверен, герцогское приглашение приходит на обоих.

Певичка замолчала, и полковник разразился аплодисментами, гулко хлопая в ладоши и восклицая через неравномерные промежутки: «Божественно!», «Неповторимо!», «Изумительно!» Певичка манерно улыбалась, посылая воздушные поцелуи и стреляя глазами направо-налево. В стрельбе чувствовался значительный опыт и желание заменить покровителя на более молодого или хотя бы щедрого. Действительно, одними аплодисментами на безбедную старость не заработаешь.

– Как повезло Ее Светлости, что Клоринда согласилась променять Гаэрру на Траттен. С таким талантом прозябать в провинции не так-то легко.

Полковник обращался ко мне, поэтому пришлось ответить как можно дипломатичнее:

– Возможно, талантливую инориту устраивает компенсация от Ее Светлости и прекрасная атмосфера Траттена?

– Да, у нас прекрасный город, – гордо заявил подошедший герцог.

Пожалуй, сейчас он меня тревожит куда больше, чем герцогиня. Вон как плотоядно уставился на Фридрику, куда до него Бруну. Приятеля в случае чего осадить куда проще, а в случае применения силы к герцогу проблем не оберешься.

– Особенно розы хороши, – не удержался я. – Нигде не видел такого количества роз.

– Да, большинство гармских сортов выведены у нас, – без ложной скромности заявил герцог. – Со мной консультируется даже королева Ниаля. Кстати, к королевскому двору мы присылаем все новинки. А вы, леди Штрауб, что скажете вы про мой город?

– Он очень красив, Ваша Светлость. А ваши розы потрясают.

Герцог поощрительно улыбнулся и поцеловал руку Фридрики. Отпускать не торопился, а та не торопилась забирать, чуть смущенно улыбаясь. Пожалуй, роль герцогской невесты удалась

бы ей намного лучше, чем моей – у меня бы она руку уже выдрала и смотрела бы с таким подозрительным прищуром.

– Леди Штрауб, никакая роза не сравнится с вами.

Подошедшая Матильда дернулась и весьма зло посмотрела на Фридрику. Впрочем, она всегда терпеть не могла, когда говорили комплименты другим. А тут еще внимание мужа полностью уделено сопернице.

– Кстати, о розах, – оживился полковник Циммерман, – розовый куст, подаренный вами нашей целительнице, остался в гарнизоне после ее отъезда. Мы решили вам вернуть вашу собственность.

– Подарки не возвращают, – небрежно бросил герцог, поглаживая большим пальцем пальчики Фридрики.

Та очнулась и рванула руку на себя. Кавалер разочарованно отпустил, но явно нацелился повторить, пришлось взять руки Фридрики в свои. Жених я или нет, в конце концов?

– Но это подарок не нам, – возразил Циммерман. – И я постоянно опасаюсь, что мои подчиненные затопчут такую красоту.

У Фридрики расширились глаза до невозможности. Наверняка оттого, что она представила Бруна, со всем возможным усердием топчущего розы. Не оттого же, что в пику герцогу поцеловал ее руку уже я?

– Тот сорт не так просто затоптать, – чуть насмешливо сказал герцог. – Пусть остается у вас, украсит гарнизон.

По его поведению было совершенно непонятно, знает ли о начинке розового куста или нет. Ни малейшего беспокойства при столь неудобном разговоре, но, возможно, герцог уверен, что никто ничего не заметит?

– Не такое уж это украшение, – чуть нервно сказала Фридрика, пытаясь отобрать руку уже у меня, но я – не герцог, так легко не стряхиваюсь. – Капитан Брун недавно в них свалился и был очень этим расстроен.

Циммерман негромко хмыкнул. Наверняка тоже вспомнил вопль «расстроенного» Бруна. Вопль, разбудивший весь гарнизон.

– Надеюсь, пострадал? – вежливо улыбнулась Матильда.

– Простите?

Фридрика недоуменно взглянула на герцогиню, полагая, что ослышалась.

– Моя супруга надеется, что капитану Бруну от роз досталось не меньше, чем от нее. – Герцог чуть брезгливо прищурился, глядя на Матильду. – Видите ли, дорогая, она не любит, когда не оправдывают ожиданий.

Я с интересом посмотрел на бывшую невесту. И каких ожиданий не оправдал приятель? Отказался вызывать на дуэль герцога, проведя пару приятных часов в постели герцогини? Однако, все интереснее и интереснее. Губы Матильды сжались, наверняка пытается удержать в себе порцию гадостей. Зря, слишком уж ее распирает, так и лопнуть можно от злости.

– Капитан Брун тоже интересовался розами? – спросил я.

Матильда одарила меня взглядом, очень далеким от признательного. Но тут же взяла себя в руки и даже попыталась улыбнуться.

– Смотря что считать розами, – с явным намеком ответил герцог, и, потеряв ко мне интерес, опять обратился к Фридрике: – Нравятся ли вам розы так же, как вашему жениху?

– Смотря какие, Ваша Светлость.

– Не хотите ли взглянуть на наш розарий, леди Штрауб? А ваш жених пока побеседует с моей супругой. Как выяснилось, они очень хорошо знакомы.

Герцог подал Фридрике руку жестом, подразумевающим полное и безоговорочное

подчинение. Матильда же вцепилась в мой рукав, лишая возможности маневрирования. Да, у этой пары взаимодействие прекрасно отработано, что бы ни утверждала бывшая невеста.

Фридерика вопросительно взглянула. Я опять поцеловал ее руку. Исключительно чтобы успокоить. И показать герцогу, что уж здесь точно ничего не добьется.

– Увы, Ваша Светлость, я не могу отпустить мою невесту с вами.

– Не доверяете?

Он сделал вид, что удивился, и не опускал руку, за которую Фридерика так и не взялась. Матильда же тянула меня в сторону с силой, неожиданной для столь нежной леди. Но тянуть она могла долго и безрезультатно: я не гнусь, не ломаюсь и не двигаюсь. Если не хочу. А сейчас я не хотел, хотя дама в расстройстве уже впивалась ногтями. Небольшой местный щит и маленькая тактильная иллюзия – и Матильда остается в уверенности, что продолжает делать мне больно. Развлекайся, дорогая, не жалко.

– Не доверяю, Ваша Светлость. Согласитесь, у меня есть на то все основания: одну невесту вы у меня уже увели.

Герцог расхохотался. Красивым обволакивающим смехом, от которого его живот под расшитым камзолом заколыхался как желе во время землетрясения, что выглядело уже не столь привлекательно. Впрочем, гостям, присоединившимся к его смеху, было не до разглядывания чужих животов.

– Ревнуете, капитан? Я бы на вашем месте тоже ревновал. Не ту невесту я увел, эх, не ту... Но кто знал, что на моем пути попадетесь обворожительная леди Штрауб? Завидую вам, капитан.

Он выразительно вздохнул, чуть выпятив полные губы, словно для поцелуя, а Матильда, более не сдерживаясь, зашипела от злости.

– Вы что-то говорили про розы и Бруна? – хищно улыбаясь, промурлыкала она. – Насколько помнится, куст посадили под окнами целительского отделения. Не оттуда ли свалился Брун в розы? Обессилел, так сказать, после ночных подвигов.

Герцог снисходительно усмехнулся и с еще большим интересом взглянул на Фридерiku. Вполне возможно, слухи о легкодоступности леди Штрауб дошли и до него. Все же лорд Штрауб – слишком значимая персона в Гарме, чтобы его дочь обходили вниманием. Фридерика намек поняла и покраснела. Ярко, выразительно, так, как умела только она. Пожалуй, лучший ответ на грязные намеки.

– Что вы такое говорите, Ваша Светлость? – шокированно сказал Циммерман. – У нас охранное закливание высшего порядка на все целительское отделение. А на окне леди Штрауб еще дополнительная решетка, во избежание ненужных визитов, если вы меня понимаете...

– Если вам так интересно, Ваша Светлость, то свалился он отсюда, – я сжал одну руку в кулак и постучал по нему второй.

– Гюнти, я не хотела обидеть ни тебя, ни... твою невесту, – заворковала Матильда, все же не удержавшись от неприязненного взгляда на нее. – Но Брун, он такой неразборчивый, ему вообще все равно, откуда сваливаться. Такие знакомства никакую леди не красят.

– Предлагаете отказывать ему в целительской помощи? – холодно поинтересовалась Фридерика.

– Почему нет? У Бруна и без того в приятелях слишком много целителей, – невозмутимо ответила Матильда. – Обойдется как-нибудь без целительницы-недоучки.

Злость в ее голосе очень сложно было перепутать с другим чувством, но мою руку она перестала драть. Неужели сломала ноготь? Я украдкой бросил взгляд. Так и есть, ноготь на указательном пальце надломился и теперь некрасиво торчал. Я сделал все что мог, чтобы этого не случилось, но увы, сила чувств Матильды оказалась чересчур велика для ее хрупкого ногтя.

– Слишком много – это сколько? – уточнил я. – Не думаю, что в Траттене толпы целителей.

– Фогель и Вайнер, естественно, – ответил герцог. – Почему-то в Траттене целители не задерживаются. Чем мы их только не соблазняем, полгода-год – и все – уезжают.

Он недоуменно развел руками, показывая удивление, а я поневоле задумался, сколько из уехавших целителей уехали на самом деле, а не погибли. Судьба Марты наводит на грустные размышления. Впрочем, вполне может быть, что Фогель попросту выживает конкурентов: если Вайнер почти не покидает гарнизон, то на долю герцогского целителя приходится все случаи в городе, следовательно, он может заламывать любую цену. Если может, с таким-то кустом под окнами. Куст оказался такого же рода, что и гарнизонный, но отличие в сердцевине плетения все же было, и неясно, следствие это размера или причина в другом. Пока с герцогским целителем о розах не стоит говорить, тем более что сканирование возле дома показало некоторую неправильность, очень небольшую и смутную, но возможно, ту самую, что я искал. Если конечно, целитель не экранирует изготовление зелий – наш Совет иной раз перестраховывается, запрещая все, в чем заметили даже малейший намек на запрещенные разделы.

Из письма сестры я понял, что информация о розах ушла к Лангебергу: Эрика спрашивала, есть ли в городе еще такой сорт, или этот куст единственный, и можно ли достать саженец. Вставал вопрос, как искать такие розы: плетение было столь тонким и потребляло столь мало, что его можно разглядеть лишь вблизи, а на фоне защитных заклинаний, да еще при разглядывании издалека, оно вообще терялось. Опять обходить город, но уже в поисках роз определенного типа? А вдруг бывают и другие розы-артефакты? В Траттене слишком много роз, но самые привлекательные – у герцогского особняка. Какая жалость, что их предлагают осмотреть не мне...

Появились лакеи с закусками и напитками, Матильда оживилась и заворковала:

– Леди Штрауб, вам непременно надо попробовать эти корзиночки с фруктами. Наш повар делает их божественно.

И сама выбрала одну с подноса, как мне показалось, после поданного лакеем знака. Но Фридрику предупреждать не пришлось, она с большим сомнением смотрела на угощение и не торопилась брать.

– У меня аллергия на сладкое.

– Разве? – выгнула в удивлении бровь герцогиня. – Когда мы впервые встретились в ресторане, вы с удовольствием съели рекомендованный десерт.

– После того случая и проявилась, – заметила Фридерика. – Я только не поняла пока, то ли на все сладкое, то ли только на рекомендованное Вашей Светлостью.

Матильда зло дернула носом, а герцог опять расхохотался, явно поняв намек моей «невесты».

– Дорогая, может быть, ты сама съешь эту корзиночку, чтобы показать гостям, что она безопасна? – предложил он.

– Валентин, ты же знаешь, я не ем в это время.

Матильда попыталась поставить пирожное назад на поднос, но сделала это столь неловко, что оно упало на пол. И правильно – если у случайного герцогского гостя после неслучайного угощения разовьется аллергия, это будет несколько подозрительно, хотя сам герцог, похоже, не испытывал ни малейших иллюзий в отношении супруги.

Глава 28 Фридерика

Почему-то казалось, что герцогиня все же подстроила какую-то пакость, уж с очень характерным выражением она посматривала на Гюнтера. Удовлетворение – вот что временами проскакивало. Поскольку он тоже ничего не ел и не пил, пакость была не из съедобных, но от этого беспокойство никуда не уходило. Я хотела обратить внимание спутника, но такой возможности не представилось: хоть мы и стояли рядом, но ни на миг не оставались в одиночестве. Пришлось понадеяться, что Гюнтер сам перехватит такой взгляд, но он, на удивление, почти не обращал внимания на бывшую невесту.

К герцогине подбежала горничная и что-то зашептала. Матильда бросила короткий испуганный взгляд на мужа, нацепила сладкую улыбку древнего засахарившегося цуката, застрявшего в зубах, изящным жестом подобрала юбки и быстро направилась из зала. Что-то случилось? Или кто-то пришел? Почему-то подумалось о кредиторах – леди тратит много, и кто знает, может, ей не хватает выделяемых мужем средств? Но еще показалось, что она активировала какой-то артефакт, и не только мне – Гюнтер бросил на нее короткий взгляд, явно уловив срабатывание.

Герцог же ухода супруги не заметил, всецело поглощенный мной. Его внимание скорее пугало, чем льстило, хотя он дальше невнятных намеков не заходил и был совсем нестрашный: такой милый, упитанный, домашний, чуть выше меня, с забавно торчащей вперед бородкой. И все же расслабляться не следовало – вдруг как раз он тот самый загадочный поклонник сестры? Но неужели бы о герцоге не ходили слухи? Персона заметная...

Подошел лакей с подносом, на этот раз – с бокалами, наполненными заманчиво пузырящейся золотистой жидкостью. Я брать не стала: мало ли куда отошла герцогиня, может, как раз подсыпать какую-нибудь гадость специально для меня, она же не знает, что помолвка фиктивная. Впрочем, что-то подсказывало, что даже если бы знала, отношение ее не слишком изменилась бы – стоит только вспомнить подсунутый при нашем знакомстве десерт.

– Шамборское шампанское. Рекомендую, – сказал герцог, не торопясь, впрочем, сам брать бокал, тоже, наверное, побоялся попасть под горячую месть жены.

– Спасибо, Ваша Светлость, я не хочу пить.

– Но попробовать? Вы обязаны попробовать, а то потом скажете, что герцог Траттенский жаден.

Он состроил обиженную мину, я невольно улыбнулась.

– И все же – нет. Целителям спиртное противопоказано.

– Но вы же сейчас не целитель, вы моя гостья. Прекрасная гостья, леди Штрауб.

Ему удалось завладеть моей рукой и даже поцеловать. Руку я отобрала, но все равно от стоящего рядом Гюнтера почти физически чувствовалось напряжение. Возможно, герцог это тоже заметил, поскольку спросил:

– А вы, капитан Штаден, неужели вы тоже откажетесь от шампанского? Или предпочитаете чего покрепче? А потом устраивать фейерверки?

Герцог разразился смехом от понятной только ему шутки. Я вопросительно посмотрела на Гюнтера, но тот не торопился ни улыбаться, ни пояснять, с чего так веселится хозяин дома.

– Это было показательное выступление. Для устрашения потенциального противника, – кисло сообщил Циммерман.

Значит, фейерверк все-таки был?

– Потенциальным противником вы считаете меня? Я так легко не устрашаюсь.

Герцог опять расхохотался. До слез. Вытащил кружевной платок, больше подходящий даме, и принялся вытирать глаза. Потом жестом позвал лакея, держащего поднос с рюмками, в которых было явно что-то более крепкое, чем шампанское, в один глоток выпил одну, вторую, третью...

– Леди Штрауб, а вы любите фейерверки? – вертя четвертую в руках,дохнул он мне в лицо алкогольными парами. Пары были густыми – поднеси огонь, получишь если не взрыв, то

вспышку. – Яркие, громкие, заметные даже далеко от города.

Я чуть отодвинулась, насколько возможно: Гюнтер удерживал так, словно я была опасным преступником, захват которого осуществил доблестный маг. Ни одного лишнего движения не сделать, хотя со стороны наверняка казалось, что я не испытываю ни малейшего неудобства. «Не нервничайте, Фридерика. В случае чего я вас защищу», – прошептал «жених». Не могу сказать, что успокоил – в деле Гюнтера я не видела. На мгновение я даже пожалела, что рядом нет Кристиана, уж он-то понаторел в отпугивании моих ухажеров. Но герцога надо не отпугивать, а как-то натолкнуть на мысль показать розы, ради осмотра которых мы сюда пришли. Впрочем, кто сказал, что искомые кусты при доме? Опыты могут проводиться на отдаленных плантациях. Я улыбнулась, не будучи уверенной, что это у меня хорошо получилось в таких условиях, и сказала:

– Да, я люблю фейерверки.

– Тогда вы непременно будете ими постоянно наслаждаться, если сделаете глупость и выйдете за этого типа.

– Почему глупость? Капитан Штаден – прекрасный человек.

– Прекрасней меня?

Гюнтер хмыкнул, а герцог подбоченился и покрутил перед собой руками с перстнями так, что огоньки от драгоценных камней заиграли в причудливом танце. Сколько там было обычных украшений, а сколько артефактов, я понятия не имела, но мне всегда казалось, что лишние кольца мешают настоящему магу. Но герцог доказал, что я ошибалась, создав на ладони шаровую молнию, небольшую, но очень яркую и неприятно жужжащую. Он подбросил ее как мячик, затем задумчиво посмотрел на потолок и на меня. Рука Гюнтера ощутимо напряглась, подготавливая необходимый защитный пасс. Или что там делают наши доблестные военные для предотвращения нападения герцогов на население? Думаю, наверняка для столь важных особ свои правила: населения много, герцогов мало.

– Ваша Светлость, вы вне конкуренции, – немного нервно ответила я. – Но увы, вы уже заняты. У вас прекрасная жена. Приходится выбирать из оставшегося.

Герцог развеял заклинание с неприятной ухмылкой.

– Лукавите, дорогая... Ульрика. Могу я вас так называть? Прекрасное имя, просто прекрасное, под стать такой красавице.

Он облизнулся, опять подозвал лакея и опять выпил пару рюмок. Гюнтер попытался меня увести, но герцог вцепился в мой рукав, словно намеревался напиться исключительно в моей компании. Гости насмешливо перешептывались, глядя на бесплатное представление. От полковника помощи можно было не ждать – певичка, которой он столь активно аплодировал на спектакле, переоделась и спустилась к гостям, и теперь все внимание Циммермана уходило к ней. Думаю, он даже не заметил маленького инцидента с молнией. Богиня, похоже, зреют неприятности...

– Ваша Светлость...

– Валентин, – небрежно бросил он. – Мне нравится, когда столь прекрасные губки называют меня по имени.

– Я бы попросил проявлять уважение к моей невесте, – процедил Гюнтер.

Очень гадко процедил, как это умеет только он. Но герцог лишь качнулся на каблуках, снисходительно поглядел и насмешливо ответил:

– Где вы увидели неуважение? Напротив, я настолько уважаю леди, что хотел бы ее увидеть своим другом. И только ей решать, как ко мне обращаться. Ваше мнение меня не слишком интересует.

Он выпил еще рюмку и облизнулся, глядя на меня. Отрезвлять я умела, но не делать же это без разрешения? Не думаю, что герцог напивался ради того, чтобы получить все неприятные моменты экстренного выведения алкоголя. Пальцы Гюнтера собрались в кулак, я испугалась, что герцог свалится на пол, а не в розы, ради которых мы сюда пришли, и торопливо выпалила:

– Валентин, вы хотели показать нам розарий.

– Вам?

– Мне и моему жениху.

Смотреть розы без Гюнтера я не собиралась, что и дала понять. Герцог взглянул так, словно я нанесла ему жесточайшее оскорбление, но все же громко предложил всем перейти в парк и продолжить угощаться на свежем воздухе. Он взмахнул руками, как дирижер перед оркестром и наконец привлек внимание Циммермана. Полковник неожиданно оживился и опять напомнил о возврате герцогского имущества в виде розового куста, но был совершенно невоспитанно проигнорирован.

Герцог Траттенский притворился, что не слышит, подхватил меня под свободную руку и повлек за собой. Штаден не отпустил, но не стал играть в перетягивание девушки, поэтому я так и осталась при двух кавалерах. Герцог целеустремленно двигался на выход, лавируя между попадающимися предметами мебели с легкостью, удивительной для полного и не совсем трезвого человека. Как ни странно, ни я, ни Штаден тоже ни во что не врезались. Гости нестройной толпой двинулись за нами.

Выйдя из здания, герцог застыл, наверняка размышляя, куда же направиться в первую очередь. И я его понимала – роз вокруг море, и это не считая других растений, причудливо подстриженных кустов и деревьев. Нас интересовали в первую очередь розы у стены особняка, но пока ничего похожего на куст в гарнизоне я не видела. Гюнтер лениво осматривался, и по нему совершенно не было понятно, заметил ли какие-нибудь отклонения.

Создавалось впечатление, что герцог спал стоя, я попыталась мягко вернуть себе руку, но это его неожиданно пробудило, и он целеустремленно направился к лабиринту. Огромному лабиринту, составленному из роз самых разнообразных оттенков, подобранных так, что один цвет плавно перетекал в другой и даже не всегда было понятно, где заканчивается один сорт и начинается новый.

– Гордость нашего парка, – возвестил герцог и огляделся наверняка в поисках лакея с рюмками, увидел гостей, неприятно скривился и отвернулся. – Леди Штрауб, могу поспорить, что вы ни за что не выйдете из него самостоятельно.

Спорить я не хотела, и вообще, с недавних пор розы меня пугали, поэтому я бы не только не стала заходить внутрь, но и отошла от этого лабиринта подальше, если бы меня не удерживали с двух сторон. Впрочем, по отношению к герцогу уже было неясно: удерживал ли он меня или удерживался сам мной.

– Для начала я туда самостоятельно не зайду. Валентин, не покажете ли вы нам другие достопримечательности?

– Нет, – уперся он, – сначала лабиринт, потом все другое. Боитесь? И правильно делаете.

– Я не боюсь, просто не хочу.

– Может, пару бокалов для храбрости? Вам и вашему жениху?

– Моя храбрость не нуждается в подтверждении алкоголем, – раздраженно заметил Гюнтер. – Равно как и храбрость моей невесты.

Было заметно, что сдерживаться ему удастся лишь с огромным трудом. Розы, опять же, как выяснилось – провоцирующий элемент для драки, в них красиво падают и потом громко вопят. Но Гюнтер так тщательно инструктировал меня перед походом в герцогский особняк о недопустимости поддаваться на провокации и необходимости попасть к розам, что сам вряд ли успел забыть. У роз мы уже стояли, но портить отношения с их хозяином пока не следовало.

– Да где же Отто? – пробурчал герцог.

Он опять повернулся в надежде узреть лакея с подносом эликсира храбрости: видно, самому нужна была постоянная подпитка, иначе не гарантирован немотивированный испуг. Внезапно он буркнул под нос: «Богиня, только этого не хватало» и ломанулся в лабиринт, словно от кого-то убегая. Меня не отпустил, поэтому я поневоле потащилась следом, а за мной Гюнтер. Я оглянулась и заметила Кристиана в компании незнакомого инора с суровым лицом. Больше ничего заметить не успела, поскольку оказалась уже внутри лабиринта. Герцог пытался запутать преследователей по максимуму, постоянно поворачивая в самых разных направлениях. Затормозил он столь неожиданно, что я в него чуть не врезалась, но зато мне удалось вырвать руку, которой я сразу же вцепилась в Гюнтера – пусть герцог видит, что обе

мои руки заняты.

– Ваша Светлость, куда вы так бежите?

– Не куда, а от кого, – важно ответил он. – Целители не понимают, что мужчине нужно иногда расслабиться. Если Марк доберется до меня – весь вечер пропадет. Но теперь не доберется.

Герцог хохотнул и сделал попытку опереться на стенку лабиринта, чуть в нее не ухнул, но сумел в самый последний момент удержаться на ногах, только манжетой зацепился за ветку. Отдирался он недолго – просто рванул рукав на себя, оставив кружево на шипах.

– Марк – это?

– Мой личный целитель. Пойдемте, здесь нас еще можно достать. Да и самое главное в лабиринте – в центре.

Герцог неторопливо пошел вперед. Я не была уверена, что стоит заходить дальше, если пока нас легко найти, взглянула с вопросом на Гюнтера, но неожиданно он кивнул и прошептал: «Из центра фонит, и сильно. Нужно посмотреть».

– Мы не заблудимся? – уточнила я.

– Если только вы очень захотите, – усмехнулся Гюнтер. – И без этого... Валентина.

Имя герцога он выговорил с явным отвращением, но потянул меня за ним. И то правда – уж Валентин должен намного лучше разбираться, куда ведет тот или другой поворот, а значит сэкономит нам время по дороге к центру. Лабиринт был огромен и довольно причудлив. Без посторонней помощи я бы отсюда ни за что не выбралась, поэтому боялась потеряться, даже вдвоем с Гюнтером. Герцог шел чуть пошатываясь, но уверенно выбирая направление, думаю, мы не первые гости, которых он ведет в загадочный центр, показывать местную магическую достопримечательность. Что там? Еще один розовый куст, родоначальник тех, что в гарнизоне и у дома Фогеля? Пожалуй, этот тот случай, когда я хотела бы ошибиться – даже целительский куст выглядел устрашающе огромным, каким же должен быть монстр, его породивший?

Хорошо, что пахли не все розы, мимо которых мы проходили, но и тех, что пахли, оказалось достаточно, чтобы у меня закружилась голова и в нее полезли странные мысли об идущем рядом Гюнтере. Захотелось провести пальцем по его щеке и узнать, настолько ли она колючая, как кажется. Но, естественно, я сдержалась и лишь неодобрительно посмотрела на очередной куст, усеянный цветами. Скорей бы они закончились, а то в этом лабиринте начнешь делать глупости безо всякой магии.

– Вот, – гордо сказал герцог.

По всей видимости, мы дошли до центра лабиринта. Посреди небольшой площадки действительно был куст роз, но совсем не такой, как под моим окном. Точнее, не такие: там было два куста, оплетающие арку. Опасностью от них не веяло: цветов было множество, мелких и ароматных, короткие колючки торчали, но выглядели совсем нестрашными. И все же Гюнтер смотрел на эту картину с подозрением. Герцог же плюхнулся на небольшую парковую скамеечку и зевнул.

– Все. Теперь никто сюда не доберется, пока я не захочу.

Я оглянулась. Пропали все проходы. Нас окружала плотная непроницаемая зеленая стена, и совсем не радовало, что она была украшена розами. Напротив, пугало.

– В моих планах ночевки здесь нет, – холодно заметил Гюнтер. – И если вы не хотите, чтобы в вашем лабиринте появились незапланированные дыры...

Он создал шаровую молнию и, как не так давно герцог, подбросил на ладони, словно безобидный детский мячик. Но шарик безобидным не был – от него шел сильный жар и потрескивание.

– Будете оплачивать порчу моего имущества? – герцог вновь зевнул, от чего конец фразы получился несколько неразборчивым. – Это ой как недешево выйдет. Ульрика, дорогая, присоединяйтесь, – он похлопал рукой по скамейке рядом с собой. – Посидим, помечтаем в романтической обстановке.

– Вы обещали нам что-то показать. Пока я не вижу здесь ничего интересного, – нервно ответила я.

- А арка? – удивился герцог.
- Что в ней интересного?
- Это же наш родовой артефакт.
- Розы? – удивилась я.
- Не розы, а телепорт под ними, – поправил Гюнтер. – С непонятной активацией.
- Розы тоже, – не согласился герцог. – Знаете, сколько этому кусту?
- Неинтересно, – отбрил его Гюнтер. – Как активируется портал?
- Разумеется, поцелуем. Моим и леди Штрауб, – герцог опять зевнул и прилег на скамеечку. – Но сейчас мы целоваться не будем. Мне надо отдохнуть...

Он закрыл глаза и тут же захрапел. Гюнтер выругался, не слишком прилично и очень громко, но увы, это ничего не изменило: герцог продолжал храпеть, а нас все так же окружала стена роз. Богиня, и как это раньше розы казались мне романтичными? Самый гадкий цветок, который еще и отвратительно пахнет.

- Пойдемте, – скомандовал жених и потащил меня к арке.
- Куда?
- Целоваться, разумеется. Открытие портала именно на это завязано.
- Вы с ума сошли!
- Подождете, когда проспится этот? – Гюнтер кивнул на герцога. – Боюсь, он, как проснется, будет не столь благодушен. Ему потребуется новая доза.
- Алкоголя?
- Если бы. Похоже, этот тип давно и прочно сидит на орочьих травках. Все признаки налицо. Как только из Гаэрры еще не прислали наблюдателя?

Я с подозрением уставилась на мирно дрыхнувшего на скамейке герцога. Он подложил руки под голову, согнул колени и чему-то улыбался во сне. На зависимого от орочьих смесей он не походил. Впрочем, за вечер он не так много выпил, чтобы столь быстро отключиться, а до этого дня я видела лишь тех зависимых, у кого не было денег на новую дозу, да и то в специализированном заведении, куда нас возили группой. Нет, я не специалист по последствиям приема орочьих травок. Но специалист ли Гюнтер?

- Вы уверены?
- Насмотрелся за время службы на границе со Степью. – Пользуясь моим замешательством, он затащил меня в арку и скомандовал: – Целуйте.

Я осторожно чмокнула его в щеку, которая действительно оказалась колючей, но колючесть была скорее приятной и волнующей, чем вызывающей отторжение. Портал же не появился, и вообще, ровным счетом ничего не случилось. Не работает?

- Не так.
- А как?

Он притянул меня к себе и поцеловал. Жарко, страстно, заставляя забыть обо всем: о розах, о герцогах, о том, что я играю чужую роль, да и не играла бы – слишком многое нас разделяет. Но сейчас все это было неважным. Был он, и была я, а больше ничего не было.

Когда я очнулась, в арке сияла радужная пелена перехода.

Глава 29 Гюнтер

Наверное, я поступил не слишком красиво, не дав Фридерике выбора, но не смог удержаться. Да и разочарование дало себя знать: в центре лабиринта фонил банальный парковый артефакт, создающий закрытые места для парочек, нуждающихся в срочном уединении. Думаю, герцог пользовался этими возможностями неоднократно. Артефакт, сдвигающий кусты, отключался очень легко, так что выйти наружу, не повреждая розы, труда бы не составило, во всяком случае для меня. Взломать артефакт телепорта тоже несложно – в арке стоял совсем примитивный и безо всякой защиты. Но герцог сказал – через поцелуй, значит, через поцелуй. Не будем огорчать Его Светлость, пусть он сейчас спит и даже не подозревает, что все пошло не по запланированному сценарию.

Целоваться Фридерика не умела. Совсем. Уверен, и согласилась она лишь потому, что я не дал подумать. Правда, дал возможность поцеловать первой. Она уставилась с явным ужасом, заманчиво прикусив губку, потом порозовела и очень аккуратно чмокнула в щеку, словно я был хрупкой синьской вазой. Такой поцелуй не разбудил бы и новорожденного ребенка, не то что портал, рассчитанный на куда более глубокое проявление чувств. Этак мы из лабиринта не выберемся, пока герцог не соизволит выспаться. Пришлось взять активацию в свои руки, точнее – губы. Ни возмущенных писклов, ни протестов не последовало, инорита отдалась поцелую почти с такой же страстью, как занималась исцелением. Поцелуй оказался оглушающим. Настолько, что я еле удержался от того, чтобы не плюнуть на телепортацию, не вытащить Фридерiku из арки и не продолжить в более удобных условиях. Но... лабиринт и храпящий под боком герцог не способствовали романтике. Да и, пожалуй, я вряд ли удовлетворюсь одними поцелуями, а Фридерика не согласится на продолжение. Ее не убедить, что местные телепорты открываются только так, в горизонтальной плоскости.

Артефакт телепорта сработал, засияв перед нами радужной пленкой. Если мы не выйдем сейчас, то к нам непременно кто-то вломится. Поэтому я последний раз обвел языком ее губы, зачем-то пытаюсь запомнить вкус, подхватил даму под руку и шагнул вперед к толпе гостей, глазеющих на вход в лабиринт. Что характерно, спасти герцога никто не рвался.

– А Его Светлость? – уточнил незнакомый инор с бляхой целителя.

Рядом с ним неожиданно оказался Фальк, сейчас пристально рассматривавший Фридерiku. Его подозрения понятны: легкая растрепанность и припухшие губы намекают на то, чем мы сейчас занимались. Выглядела она крайне соблазнительно, и не только для Фалька, поэтому пришлось собрать всю силу воли, чтобы не отвлекаться дальше, и ответить.

– Его Светлость решил отдохнуть, – пояснил я. Портал еще не захлопнулся, поэтому я предложил: – Можете пройти сами и убедиться.

Целитель, по всей видимости, тот самый Фогель, у дома которого пышно разрослась роза сомнительных достоинств, подозрительно посмотрел на все еще мерцающий телепорт, но спасти нанимателя не поторопился. Даже шага туда не сделал. А ведь, скорее всего, именно его вызвала Матильда артефактом, когда я засек срабатывание. Но если не ради супруга, тогда ради кого? Сына? Но почему тогда она не сообщила о проблеме мужу, позволив тому спокойно развлекаться?

– Если Его Светлость решил отдохнуть, пусть отдыхает. Он удобно устроился?

– Вполне, – любезно ответил я. – На единственной парковой скамеечке рядом с телепортом.

– Он решил отдохнуть сам или ему поспособствовали? – подозрительно уточнил Фальк.

Кто-то из гостей тут же вспомнил, как мы с герцогом соперничали за прекрасную леди Штрауб, и заволновался за целостность хозяина этого дома. Но Циммерман тут же положил конец разговорам, заявив, что Его Светлость просто проявлял вежливость к невесте друга детства супруга, а если кому-то что-то показалось, то это ничего еще не значит. Сопроводил он слова столь грозным взглядом, что разговоры тут же затихли.

– Конечно, поспособствовали, – усмехнулся я Фальку. – Многочисленные рюмки, наложившиеся... Впрочем, Его Светлости вряд ли понравится, если я скажу, на что они наложались.

Фогель чуть заметно нахмурился. О пагубной привычке герцога знал наверняка, но свое знание так же наверняка держал в тайне. Целительская ли этика была тому причиной? Или замечательный розовый куст? У меня создалось впечатление, что около герцогского особняка

таких роз не было – скрыть их можно только на фоне сильных заклинаний, но пока я не видел в зоне действия охранок ничего подходящего. Обычные розы и обычные артефакты. Причем и то и другое – по отдельности.

– Да, у Его Светлости есть некоторые проблемы со здоровьем, – решил вильнуть целитель, – но он, как это обычно бывает у мужчин, не придает этому значения.

– Рика, мне нужно сказать тебе пару слов наедине.

Фальк потянул на себя Фридрику, а я с удивлением обнаружил, что прижимаю ее к себе довольно собственнически, отнюдь не так, как предполагают наши отношения «охранник-охраняемая». Она словно очнулась, вздрогнула и попыталась от меня избавиться. Но отдавать ее всяким фалькам? Ну уж нет.

– Инор Фальк, вы не будете разговаривать с моей невестой наедине. У вас слишком сильная склонность к глупым шуткам.

– Да! – вспомнил полковник. – Инор Вайнер вывел шерсть с приезжего капитана с большим трудом, а заглянувшие в целительское отделение информировали меня о новой волне «Черного ветра», выразившейся в появлении странных мутантов. Хотите нас засадить еще под один карантин?

– Было бы неплохо, – скривился Фальк.

– Не выйдет! – гаркнул полковник. – На все время пребывания леди Штрауб я запрещаю вам появляться в гарнизоне. Только не хватало, чтобы леди пожаловалась отцу.

– Я не пожалуюсь.

– Леди Штрауб, я ценю вашу деликатность, – Циммерман приложил руку к груди, – но не нужно проявлять снисходительность к чужому плохому воспитанию. – И к Фальку: – Будете вести свои дела с Вайнером до отъезда леди Штрауб снаружи. Хватит нам Бруна.

Фальк скривился и посмотрел на меня так, словно это я скормил Кремеру злополучную конфету, а потом пытался обсыпать Фридрику какой-то пакостью.

– Инор полковник, не того вы наказываете, – укоризненно сказал он. – Вам бы обратить пристальное внимание на капитана Штадена. Вот кто главная причина происходящего.

– Потому что ему не нравится, что вы ухаживаете за его невестой? – понятно уточнил Циммерман. – Да, в гарнизоне капитан Штаден уже многих офицеров призвал к порядку.

Фальк посмотрел на меня прямо-таки с ненавистью, но взглядов я давно не пугаюсь, а никакого урона он не нанесет, сколько ни будет здесь стоять и злиться. Впрочем, зачем нам теперь тут стоять?

– Дорогая, не пора ли нам на выход? – спросил я у Фридрики, больше не обращая внимания на этого паяца. – Хозяева нас покинули и неприлично задерживаться дольше.

Она кивнула, упорно на меня не глядя. Но беспокоило меня не это, беспокоило молчание. Если женщина молчит, она наверняка задумала какую-то глупость. Ее рука лежала на моей, но была такая безжизненная и вялая, словно не она несколько минут назад перебирала мои волосы на затылке. Весьма страстно перебирала, надо отметить, заставив меня почти потерять голову. Фальк подскочил к Фридрике с противоположной от меня стороны и зашептал:

– Не сходи с ума. Он поиграет и бросит. И что потом?

– Что? – голос был пустой и равнодушный, ни тени эмоции, словно все они остались там, в лабиринте.

– Останешься с разбитым сердцем.

– А как же твоё зелье?

– Какое? – с недоумением спросил он.

– Которое его склеит. – На щеках Фридрики появился румянец, и она почти бодро продолжила: – Не волнуйся, мое сердце не так легко разбить.

– Инор Фальк, не лезли бы вы к жениху и невесте, – заволновался полковник. – Они без вас разберутся. Пожалуй, капитан Штаден, я пойду с вами.

Действительно, лакеи со спиртным так и не появились, певичка куда-то пропала, герцога, которому собирались вернуть ненужный подарок, теперь придется ждать до утра. Герцогини, к которой можно обратиться с этим же предложением, тоже нет. Фогель, лавируя между гостями, возвращался в особняк. Приходил ли он вообще ради герцога? Или это был жест дружеской поддержки Фалька? Но тот на герцогского целителя больше не смотрел, моя «невеста» привлекала его куда больше.

– Рика, я не знаю, что мне сделать, чтобы ты отказалась от этой глупой затеи, – забубнил он, идя рядом. – Поверь, это в твоих же интересах.

– Да что это такое! – возмутился Циммерман. – Инор Фальк, шли бы вы домой. Все равно леди Штрауб не обратит на вас внимание. Вы ей не ровня. То, что ваша семья является давним поставщиком зелий герцогскому дому, не ставит вас на одну доску с ним.

Фальк зло поджал губы, я уж подумал, что он сейчас выложит полковнику правду, но нет, промолчал. Похоже, судьба Фридерики его действительно беспокоит, но не настолько, чтобы раскрыть, почему ей опасно выяснять причину смерти сестры. А вот информация о связи его семьи и герцога оказалась интересной.

– У герцога очень красивый дом, не так ли? – манерно сказала Фридерика, явно желая перевести разговор.

– Да, – с облегчением согласился Циммерман. – И хозяин он очень гостеприимный. Всегда все высшего качества.

– Особенно приглашенные актрисы, – не удержался Фальк.

– И приглашенные актрисы в том числе, – полковник зло на него посмотрел. – Не вижу причины в этом сомневаться.

Фальк довольно ехидно прищурился, с явным намеком, что собеседника в актрисах интересует отнюдь не талант. У Циммермана начали раздуваться ноздри, все шло к очередному срыву с воплями на всю улицу. Командный голос полковника вырабатывался многочисленными тренировками, которыми он не пренебрегал и сейчас.

– Спектакль сегодня был прекрасный, – заметила Фридерика. – Ничуть не хуже, чем в любом театре Гаэры.

Полковник отвлекся от Фалька и посмотрел на нее с приязнью.

– Да, герцог очень внимательно относится к нуждам своего театра.

– А не герцогиня? – удивился я.

– Нет, театр существовал до нее, – пояснил Циммерман. – Наверняка останется и после.

– После?

Не выглядела Матильда ни умирающей, ни стремящейся избавиться от ненужного дома. Напротив, на вечере она выглядела на редкость здоровой, а уж про трогательное взаимопонимание супругов я много чего могу сказать. Но не буду.

– Поговаривают, что в их семье не все гладко, и дело может дойти до развода. Не хотите вернуть невесту? – съехидничал Фальк.

Становилось понятным внимание к Фридерике как к новой потенциальной герцогине. Красота, здоровье и титул – основа для зарождения чувства. Но не думаю, что Матильда легко выпустит из жемчужных зубок то, что туда уже попало, да и существует достаточно серьезное препятствие для развода.

– Развода? Помнится, Матильда говорила, что у нее сын...

– У него какие-то серьезные проблемы со здоровьем, – неуверенно ответил Циммерман. – Думаю, если герцог решит развестись, ему пойдут навстречу: свары из-за герцогства Гарму не нужны.

Однако... Похоже, в одном Матильда оказалась права – герцогам Траттенским срочно нужно вливание крови со стороны. Не факт, что у нынешнего герцога получится сделать здорового наследника, с такими-то склонностями к травмам и алкоголю.

– Когда это проблемы со здоровьем становились причиной лишения титула? – все же удивился я. – Особенно в таком возрасте. Болезненные дети иной раз вырастают в здоровяков.

– Там что-то серьезное, – все так же неуверенно сказал Циммерман, почему-то вопросительно взглянув на Фалька. – Говорят, после рождения ожидали, что ребенок умрет со дня на день. Герцог обвинял супругу, она – его.

– Отголоски скандала гуляли по всему Траттену – припомнил Фальк. – Но потом притихли, тем более что ребенок не выглядит больным, я его видел на прогулке. Обычный мальчик, подвижный и любознательный.

– Сколько ему?

– Года четыре. Очень похож на маму.

– Значит, красивый, – равнодушно заключил я.

Итак, Фогель недаром получает деньги. И фонит от его дома тоже недаром. Тянуть обреченного ребенка четыре года – это не каждый сможет. Понять бы еще, каким боком тут кусты, погибшая Марта и странная татуировка.

Фальк подхватил Фридерiku под руку и начал ей что-то шептать, явно настраивая против меня. Подслушивать я не стал: ничего интересного не услышу, а тратить энергию непонятно на что не стоит. Фальк наверняка делится своим ценным мнением о том, какой я плохой, а не о том, что же случилось в Траттене год назад. Циммерман недовольно сопел, косился на эту парочку, но поскольку я не выражал неудовольствия, решил тоже не обращать внимания. До гарнизона мы дошли мирно. Фальк внутрь не рвался, удовлетворился поцелуем руки Фридерики и обещанием пообедать завтра вместе.

– Только с капитаном Штаденом, – грозно напомнил Циммерман. – Пока я за нее отвечаю, охрана обязательна.

– Может, подпишете ей документы о практике и перестанете отвечать? – хитро предложил Фальк.

– Толкаете на подлог, инор? – Циммерман смерил Фалька столь пренебрежительным взглядом, словно Вайнер не договаривался с начальством, когда предлагал Фридерике отзыв без практики. – Надеюсь, что вас теперь нескоро увижу.

С Фальком я прощаться не стал. Пока Циммерман читал лекцию о вреде подлогов для Гарма, мы с Фридерикой прошли через проходную.

В целительском отделении было темно. Защита нас пропустила, не потревожив Вайнера, который сейчас уже наверняка спал. Я бросил короткое заклинание – да, спит, и крепко. У дверей в мою комнату Фридерика неожиданно остановилась и заявила:

– Капитан Штаден, лучше я буду спать у себя.

– Кому лучше? – хмуро спросил я.

– Всем.

– Бойтесь не справиться с чувствами и напасть на меня ночью с поцелуями? Не буду возражать.

– Что?! Это вы на меня напали с поцелуями.

– Не напал, а провел активацию портала. Можно сказать, пожертвовал собой ради дела. И, кстати, не заметил, чтобы вам не понравилось.

– Вынесите мой матрас.

– Хотите сделать глупость – носите сами.

Она сжала кулачки у лица, словно хотела меня стукнуть. И глаза потемнели, совсем как небо

перед бурей. Глаза близко-близко. Так, что в них видна каждая крапинка. Так, что я могу разглядеть свое отражение. И губы. Пухлые, розовые, воспоминание о поцелуе которых еще очень живо. Наверное, что-то такое Фридерика увидела в моем взгляде, поскольку нервно облизнулась и сделала шаг назад. К двери, которая приглашающе раскрылась за ее спиной...

Глава 30

Фридерика

Пожалуй, Гюнтер меня сейчас пугал куда больше, чем кошмары от роз. Лучше еще одну ночь не поспать, чем опять вот так потерять себя. Только при одном воспоминании о поцелуе начинала кружиться голова и пересыхало во рту. Для него это была лишь досадная необходимость. «Нападете ночью с поцелуями». Размечтался! Уверена, не прогонит, если вдруг сделаю такую глупость. Кристиан рассказал, почему столь сильного мага сослали в Траттен: завел интрижку с женой командира. И незаметно, чтобы его хоть немного беспокоила оставшаяся в Гаэрре дама. Единственное, что заботит – как бы не женили. Даже Ульрику подозревал в том, что она собралась за него замуж. Видите ли, считает неподходящей парой. Да они идеально подошли бы друг другу: она изменяет ему, он – ей. Чем, спрашивается, он лучше? Еще неизвестно, кто кого бросил: герцогиня его или он герцогиню, лишь бы сохранить свободу.

Я сделала шаг назад, уперлась в дверь, которая была неплотно прикрыта. Дверь открылась. Гюнтер приближался, я сделала еще несколько шагов назад и оказалась уже внутри комнаты, куда не собиралась заходить ни в коем случае. Но он надвигался, а я отступала, паникуя все больше, пока в ноги не уперлась кровать. От неожиданности я не удержалась и села.

- Это приглашение? – хмуро спросил Гюнтер. – Простите, инорита, неинтересно.
- Бойтесь, что Циммерман заставит жениться? – не удержалась я.
- Заставит меня? Вы серьезно? – Он подошел совсем близко и смерил меня задумчивым взглядом. – Значит, все-таки приглашение?
- Вот еще! – опомнилась я. – Нужны вы мне! Отнесите мой матрас ко мне в комнату.
- Отнести? Вы же только что сказали, что я вам не нужен. Вы бы определились, Фридерика.
- Я определилась. В тех областях, на которые вы постоянно намекаете, вы мне не нужны.

Я старательно не смотрела на него, но все равно предательская краска напознала на лицо. Выглядела я наверняка ужасно: когда краснею, веснушки становятся почти незаметны, зато физиономия сливается с волосами, которые и без того постоянно создают проблемы. Тот же Брун уверен, что рыжий цвет волос уже дает ему право на благосклонность девушки. Впрочем, для него это лишь повод: не думаю, что он не стал бы приставать, будь я блондинкой или брюнеткой.

- А кто вам нужен? Фальк?

Неожиданно он наклонился и протянул ко мне руку. Я его стукнула и отодвинулась, хотя наверняка разумнее было бежать к себе и запереться. Спать можно и без матраса. Но эта умная мысль пришла в голову слишком поздно: путь к свободе перегораживала крепкая мужская фигура.

- Вы не ответили.
- Я не обязана отвечать на такие вопросы.

Прядь волос предательски свалилась на глаза. Гюнтер заправил мне ее за ухо и сел рядом. Я попыталась отодвинуться и поняла, что уперлась в спинку кровати. Сияясь передать возмущение, я наконец посмотрела ему в лицо. Глаза близко-близко. Темные, как летняя ночь. И такие же загадочные. Сердце забило часто-часто, губы пересохла.

- Не обязана, – повторила я.

Получилось хрипло и неубедительно. Губы сами раскрылись навстречу губам Гюнтера, но он лишь щелкнул меня по носу и невозмутимо сказал:

- Прекратите заниматься ерундой, Фридерика. Если бы я хотел вас соблазнить, за эту неделю вы бы уже соблазнились и я переехал бы в свою кровать к вам. А так... Что, собственно случилось? Ну, поцеловались мы один-единственный раз, исключительно для активации портала. Не думаете же, что я теперь буду целовать вас при каждом удобном случае? Или это у вас был первый поцелуй, и вы напридумывали себя Богиня знает чего?

Я почувствовала себя полной дурой, особенно потому, что он меня так и не поцеловал. Вскинула голову и прошипела:

– С чего вы взяли, что первый?

– С Фальком тренировались? Тогда да, вам такая ерунда не страшна. Поцелуем больше, поцелуем меньше...

Он встал. Прошел к двери, захлопнул, повернулся.

– Спокойной ночи, Фридерика.

Расстелил стоявший в углу матрас и принялся раздеваться. Расстегнул китель, повесил на спинку стула. Перешел к рубашке. Я зажмурилась. Не хочу на него смотреть. Не хочу и не буду.

Хотелось приоткрыть глаза и подглядеть через ресницы, но я стойко держалась. Вот еще, смотреть на всяких! Пусть не думает, что мне интересен! Соблазнил бы он меня за неделю, как же! Скорее, я его соблазнила бы! Тут же пришло в голову, что мне-то его совсем не за чем соблазнять, и я успокоилась.

– Как вы думаете, Фридерика, чем болеет герцогский сын?

– Кристиан же сказал, что ребенок выглядит здоровым.

Я все же на него посмотрела. Гюнтер лежал на спине, укрывшись одеялом, и задумчиво изучал потолок. Я с тоской взглянула на дверь: к ней проходить мимо этого типа, если не задержит, то опять скажет что-то такое, из-за чего я почувствую себя не слишком умной.

– К здоровому ребенку не потребовалось бы срочно вызывать целителя.

– Вы думаете?..

– Да, Матильда активировала артефакт вызова. Не горничная же ей срочно потребовалась? Скорее всего, причина болезни ребенка – употребление герцогом орочных трав.

– Может, он потом пристрастился. С горя.

– Этот? С горя? – Гюнтер повернул голову и выразительно посмотрел. – И с горя же сегодня приставал к вам?

– Мало ли что можно делать в невменяемом состоянии.

– Много чего, – согласился Гюнтер. – Но нас сейчас интересует, чем болен ребенок, а не то, чем занимается герцог в свободное от употребления запрещенных смесей время.

– Но как это связано с розами? Вы нашли что-то в герцогском парке?

– Нет, там пусто.

– Разве?

– Артефактов и роз там предостаточно, конечно, но все они – не те, что нам нужны. Фридерика, почему вы не ложитесь? Собираетесь просидеть всю ночь в надежде, что я все-таки пристану?

– Да как вы смеете!

Я подпрыгнула на кровати и сжала кулаки. На моего противника это не произвело ни малейшего впечатления.

– Тогда раздевайтесь и в кровать. Свет я гашу.

Он прищелкнул пальцами, и потолочный светильник погас. В комнате стало темно, но я чувствовала Гюнтера все таким же близким и тревожащим, как и при свете. Покрывало снимала на ощупь, с опаской прислушиваясь к звукам за спиной и размышляя, как пережить оставшиеся три недели практики. И как выяснить без помощи этого типа, что же случилось с Мартой. Получалось, что никак. Со мной даже Брун на темы, отвлеченные от меня, не станет говорить.

Пуговицы на рубашке застегивала трясущимися руками, хотя от Гюнтера не доносилось ни звука. Облегчение я почувствовала, только забравшись под одеяло. И то, как сказать, облегчение – беспокоящий фактор никуда не делся, пусть он сейчас молчал и ничего не делал. Наверное.

– Итак, какие заболевания вы знаете у детей родителей, употребляющих орочьи травы?

Я задумалась.

– Только герцог употребляет? Его жена нет?

– Насколько могу судить, сейчас – нет.

– С травок редко кто слезает. Будем исходить из того, что ваша Матильда ничего не принимала, тогда чаще всего: отставание в развитии, врожденные уродства...

– Нет, – прервал меня Штаден, – это не подходит. Должно диагностироваться с рождения и вести к смерти.

– Но ребенок же жив?

– Нам надо понять, насколько все там серьезно. Герцог хочет развестись, поскольку ребенок оказался не таким, которому можно передать герцогство. Герцогиня разводиться не хочет, утверждает, что муж заберет у нее сына. Врет, конечно. Просто не хочет терять титул и связанные с ним преимущества. Зато не врёт, когда говорит, что хочет убить мужа. Вдовствующая герцогиня звучит куда лучше, чем бывшая.

– С чего вы взяли, что хочет убить? – удивилась я. – Сегодня вечером они очень мирно общались.

– А вы считаете, что все, кто собирается убивать, сразу всем об этом рассказывают?

Я так не считала, поэтому промолчала.

– И все же, Фридерика, у вас есть какие-нибудь соображения по ребенку? Я понимаю, что вы пока не полноценный целитель, но что-то вы непременно должны знать.

– Для того чтобы ставить диагноз, нужно сначала увидеть пациента.

– Я не прошу ставить диагноз. Я спрашиваю, что может послужить причиной смерти ребенка, если его отец употреблял орочьи смеси.

Было ужасно неприятно размышлять о смерти малыша, который к тому же жив. Но вариантов было не так уж и много.

– На самом деле, смертельным будет только один диагноз. Но он не связан с употреблением травок. До рождения его не поставишь, поскольку мать с ребенком почти одно целое и имеют одну оболочку на двоих, – неохотно ответила я. – А вот после рождения... У ребенка оболочка дырявая и жизненная энергия через нее вытекает. Обычно день-два, максимум неделя, и все.

– А если постоянно пополнять?

– Постоянно пополнять может только мать. Но в этом случае идет размен жизни матери на жизнь ребенка. Все равно короткую – месяц-два. Потом умирают оба.

– Да, Матильда на такое не пошла бы. И времени прошло куда больше, чем пара месяцев. Остальные диагнозы?

– С остальными грамотный целитель справится. Смертельных среди них нет. Разве что умственная отсталость никуда не денется. Но речь явно не о ней. Возможно, сплетники преувеличили и герцог просто заподозрил, что ребенок рожден не от него? Насколько я понимаю, в отношении герцогини это не невозможно.

От шпильки я не удержалась, слишком уж мне не нравилась Матильда. И вовсе не потому, что она когда-то была невестой Гюнтера, а потому, что она сама по себе весьма неприятная особа.

– Изменяла ли она мужу? Почти наверняка да. Стала бы рожать от другого – почти наверняка нет. Во всяком случае, первенца, – возразил Гюнтер. – И потом, при таком варианте они были бы уже разведены.

- Обвинение не подтвердилось?
- Фридерика, если вы увидите ребенка, сможете поставить диагноз издалека?

Столь высокое мнение о моих способностях польстило, но тем не менее я ответила честно:

- Вряд ли. Слишком серьезное сканирование, такое на расстоянии почти невозможно провести даже опытному целителю. Но зачем вам это? Какое отношение имеет смерть моей сестры к этому несчастному ребенку?
- Пока все странности, что мы видели, связаны с целителями.
- Но розы – это не целительский артефакт.
- Не целительский. И даже не артефакт в том виде, к которому мы привыкли. Но оба найденных куста – у жилищ целителей.

Я поежилась. Кусты действительно были жутковатые. И что они делали, я не представляла. Более того, я раньше никогда не встречала даже упоминания о живых артефактах. И это делало розы еще страшнее. Нет, все-таки правильно, что Гюнтер меня не отпустил в мою комнату.

Я думала, после такого жуткого дня не усну, но напротив – уснула почти сразу, как Гюнтер перестал спрашивать. И сон был совершенно спокойный, словно я чувствовала себя в безопасности. Проснувшись как раз перед тем, как мой охранник опять начал разминку, перед которой аккуратно свернул и поставил в угол матрас. Наблюдать за его плавными движениями было сплошное удовольствие, которое прервали самым безжалостным образом.

Внезапно Гюнтер настороженно замер. Дверь распахнулась и явила трех иноров, двух из которых – Циммермана и Вайнера – я знала. Третьего же видела впервые, но явное семейное сходство с Гюнтером и форма полковника магических войск позволяли предположить, что они родственники. Пожалуй, от этого дня ничего хорошего ожидать не приходится.

- Оу, – протянул Циммерман, – когда я просил вас охранять леди Штрауб, не представлял, что все зайдет так далеко.

Представляю, что он подумал. Да и не только он. Вон как усмехается Вайнер. Я подтянула одеяло повыше, хотя хотелось под ним спрятаться и не вылезать до ухода посетителей. Правда, это ничего бы не изменило. Конечно, оставалась надежда, что все это – просто страшный сон. Надежда была совсем крошечная, но я на всякий случай ущипнула себя за руку. Увы, не изменилось ровным счетом ничего, только рука заболела.

- В дверь нужно стучаться, – спокойно заметил Гюнтер. – А не врываться, взламывая замок.
- Интересно, чем ты был таким увлечен, что не заметил приближения возможного противника? – хмуро спросил похожий на него инор. – Производил впечатление на «невесту»? Так она и без того впечатлена, раз валяется в твоей кровати.

Слово «невеста» в его исполнении прозвучало необыкновенно гадко, а взгляд, которым при этом он меня наградил, был далек от одобрительного.

- С чего ты взял, что я вас не заметил? – возразил Гюнтер. – Разве что не ожидал, что столь воспитанные иноры вломятся без предупреждения. Сам понимаешь, от отца пакости не ждешь.

- У тебя стоял полог тишины.

- И?

- Нужно было дожидаться, пока вы все закончите, стоя под дверью?

- Не вижу ни единой причины, по которой тебе вообще следовало приходить так рано, да еще в такой компании.

Он даже не подумал набросить на себя рубашку, и взгляд помимо моего желания постоянно останавливался на его спине. Красивое зрелище, ничего не скажешь. И уж во всяком случае более привлекательное, чем иноры с осуждающими лицами.

- Действительно, – Циммерман немного смутился, но тут же решил обратить ситуацию в свою

пользу: – Получается, капитан Штаден, помолвка у вас не фиктивная? Свадьбу проведем в гарнизоне. Все развлечение для подчиненных.

– Какую еще свадьбу? – гаркнул Штаден-старший.

– Как какую? Ваш сын скомпрометировал леди, теперь обязан жениться. Я его предупреждал.

– Эту леди скомпрометировали задолго до моего сына.

– Неужели? Я лично ничего такого не замечал. Леди Штрауб – воспитанная и приличная девушка.

Штаден-старший гадко приподнял бровь и выразительно посмотрел сначала на Циммермана, потом на меня.

– И это вы называете воспитанием?

– Раньше за леди ничего такого не замечалось, – не смутился Циммерман. – Уверен, это дурное влияние вашего сына. Девушку он однозначно скомпрометировал. При свидетелях.

Он ткнул пальцем в себя, в Вайнера, а потом, после краткого колебания, в Штадена-старшего. И выразительно посмотрел на младшего. Взгляд достиг цели, Гюнтер со злым лицом повернулся и официально сказал:

– Дорогая, окажите честь, станьте моей женой.

– Вы с ума сошли, – испугалась я. – Я всего лишь переночевала в вашей комнате.

– Действительно, – проворчал Штаден-старший. – Мало ли у кого она ночевала, разве за всех замуж выйдешь...

– Вы мне отказываете?

Что за глупое представление? Захотелось согласиться и посмотреть на вытянувшуюся физиономию Гюнтера и на то, как он будет выпутываться из глупого положения. Не все же мне страдать? Но... три свидетеля обязывали к серьезности. Скажу «да», Циммерман точно обеспокоится, чтобы мы дошли до храма.

– Да, я вам отказываю.

– Я же говорил, что помолвка фиктивная, – победно заявил Циммерман. – У леди есть настоящий жених, капитан Кремер, который сюда постоянно приезжает. Давайте забудем это неприятное происшествие.

– Забудем? – Штаден-старший вытащил сложенную газету, в которой узнавался «Вечерний Вестник Гаэрры». – А официальное объявление о помолвке мы тоже забудем?

Гюнтер поморщился и повернулся опять к нему.

– Уверен, это дело рук тети Эльзы. У нее и спрашивай, с чего она подала такое объявление.

– С того, что твоя бывшая невеста ей написала о вашей помолвке, желая предотвратить твой брак со шлюхой.

Слово прозвучало пощечиной. А что еще мог подумать полковник Штаден, увидев меня в кровати сына? Попробуй докажи теперь, что ничего не было.

Глава 31 Гюнтер

Отец может быть весьма неприятным, если хочет. А сейчас он явно хотел. Иначе не притащился бы ни свет ни заря в гарнизон, не поднял бы Циммермана, не вломился бы в комнату, будучи уверенным в своей правоте, и не оскорблял бы девушку безо всякого на то основания. Жаль, что это не Брун – уже летел бы вниз по лестнице до самого розового куста, который произвел на него столь глубокое впечатление. Но увы, на родного отца рука не поднималась, хотя и неимоверно чесалась. А если бы поднялась, неизвестно, кто бы летел дальше: с возрастом отец силы не утратил, зато приобрел опыт.

– В твоём высказывании сразу две ошибки: я не собираюсь жениться и эта девушка не шлюха.

– Неужели? Что же она делает в твоей кровати?

– Не поверишь, спит, – я зло усмехнулся. – В то время как я сплю на матрасе. Том самом, что сейчас стоит вон там. – Я кивнул в угол, отец нехотя повернул голову, ничуть не смягчившись. – Не знаю, поставил ли полковник Циммерман тебя в известность, что я обеспечиваю её безопасность на время практики в гарнизоне. Поскольку некоторые личности столь активно пытаются прорваться в комнату леди Штрауб, что она совсем не может спать, я заставил её – именно заставил – ночевать у меня. И между нами ничего не было, что может подтвердить присутствующий здесь Вайнер.

Отец повернулся к целителю и уставился столь тяжело, что тот попятился, но далеко не ушел, уперся в лестничные перила. Да и не дал бы ему сбежать полковник Циммерман, который заинтересованно заявил:

– Вайнер, если знаете что-то, могущее сохранить репутацию леди Штрауб, самое время рассказать.

Целитель затравленно посмотрел на меня, потом на Фридерiku, которая, сжавшись в комок, сидела в кровати алая как утренняя роза. Да уж положение у неё сейчас не из приятных, и винить в этом никого, кроме меня, нельзя. Отпустить я её вчера мог, за одну ночь с девушкой ничего бы не случилось. И выйти к отцу тоже мог сам, не дожидаясь, пока тот взломает дверь. В нормальном состоянии он это и не сделал бы, но кто сказал, что у него сейчас состояние нормальное? Он в бешенстве – вон как глаза щурит.

– Леди Штрауб как была девственницей при появлении в гарнизоне, так ею и осталась, – бухнул целитель безо всяких предисловий.

– Вы уверены? – спросил отец. – У меня совсем другие сведения о леди Штрауб.

– Я уверен. Но если вы мне не доверяете, сходите к любому другому целителю. Он подтвердит.

Отец перевел взгляд на Фридерiku, но даже спросить ничего не успел, как она выпалила:

– Я никуда не пойду. Не вижу ни единой причины, по которой я должна опровергать ваши измышления. Мне совершенно безразлично, что вы обо мне думаете. Замуж за вашего сына я не собираюсь, и давайте на этом расстанемся. И, иноры... Я бы хотела наконец одеться.

Она так разозлилась, что даже краска с лица сошла, а ноздри изящного носа гневно затрепетали. Женщина в моей кровати была чудо как хороша, жаль только – не моя.

– Извините, леди Штрауб. – Отец переводил взгляд с меня на Фридерiku и обратно, и выражение его лица обещало крупные неприятности, разве что пока непонятно кому. – Известие о помолвке сына оказалось слишком неожиданным. Конечно, мы уходим. Гюнтер, у меня к тебе пара вопросов.

Значит, неприятности ждут меня. Я подхватил рубашку и вышел в коридор к остальным. Дверь за собой прикрыл плотно: если уж меня ждет скандал, то пусть он хотя бы не коснется Фридерики.

– Девственница, говорите, – мрачно пробухтел Циммерман. – И какая же сволочь тогда распускает эти гадкие слухи? Поди, Кремер? Чтобы больше никто на неё планов не строил? По нему-то видно, что влюблен не на шутку.

Я удивился: ничего такого за Артуром не замечал и, напротив, мне казалось, что он чересчур легкомысленно относится к сложившейся ситуации. Ведь в случае чего претензии к нему будут куда серьезнее, чем ко мне. Точнее, были бы, если бы не злополучное объявление в

газете.

– Зачем было представляться женихом и невестой? – спросил отец.

– Я предложил, – пояснил Циммерман. – Они оба не хотели. Но в связи с повышенным интересом наших офицеров к леди Штрауб помолвка показалась прекрасным выходом. Кто же знал, что оно так все обернется? Впрочем, ничего страшного не случится, если фиктивная помолвка перейдет в настоящую. Леди Штрауб очень ответственная и воспитанная девушка, поэтому вашего возмущения я не понимаю.

Отец прищурился, явно удерживая в себе мнение об умственных способностях Циммермана. Будь они здесь вдвоем, наверняка бы высказал, что думает, но присутствие нас с Вайнером обязывало: негоже опускать начальника перед подчиненными.

– Извините, иноры, мне нужно переговорить с сыном, – холодно сказал отец и поставил полог молчания. – Гюнтер, ничего не хочешь объяснить?

– А что я должен объяснять? Все, что ты должен был узнать до появления здесь, тебе рассказали.

– Неужели?

Я пожал плечами, не желая добавлять больше ничего. До нас доносился возмущенный голос Циммермана, укорявшего целителя, что тот не развеял заблуждение начальства относительно леди Штрауб. Но возмущение не мешало полковнику с интересом посматривать в нашу сторону. Уверен, он задействовал свои артефакты для подслушивания.

– Хорошо. Зачем было тащить девушку к себе в комнату? Не проще ли было поставить сигналки и пару стазисных ловушек у нее?

– Не проще. Есть один неучтенный тобой момент, о котором я бы хотел поговорить, раз уж ты приехал. Но не здесь.

– Он связан с этой девушкой?

Я задумался. Я не знал, какие артефакты есть у Циммермана, умеет ли он ими пользоваться и даже замешан ли он в этой истории. Желание вернуть розы говорило в его пользу, но вдруг он просто пытается замести следы? Я выразительно прищурился, показывая, что не могу говорить прямо, и пояснил:

– Скажем, так. Он был бы связан с любой девушкой, приехавшей в гарнизон, но с этой – в большей степени.

– Что бы ты делал, если бы леди Штрауб согласилась за тебя выйти? – неожиданно спросил отец.

Леди Штрауб я бы подобного предложения не сделал, но стоит ли говорить отцу, что девушка в моей комнате – не она? Я ответил максимально обтекаемо:

– По-твоему, я не отвечаю за свои слова? Если я делаю предложение, я прекрасно представляю последствия.

– Ты был уверен, что она откажет.

Я вспомнил промелькнувшее ехидство в глазах Фридрики, усмехнулся и ответил:

– А вдруг я надеялся, что она согласится?

Отец задумчиво свел руки перед грудью так, словно удерживал в них шар, и постучал кончиками пальцев друг о друга. Возможно, это помогало ему думать, а возможно, он просто отвлекал мое внимание от чего-то другого. Или внимание иноров, столь жадно посматривающих на нас.

– Даже так? Почему она спит в твоей рубашке?

– Моя рубашка скромнее, чем любая из ночных сорочек леди Штрауб, – предположил я. – Не хотела меня дразнить лишний раз.

Впрочем, не удивлюсь, если леди Штрауб ночных сорочек вообще не имеет, предпочитая

естественную красоту для соблазнения Кремера. Правда, это ей почему-то не помогает, если учесть, как он зачастил к Фридерике. Нет, удачно его все-таки Фальк подловил.

– Гюнтер, я уверен, ты недоговариваешь что-то очень важное. Выкладывай. Артефакты этих иноров мой полóg не пробьют. Хотя они оба пытаются, да.

Я удивился. Циммерман и Вайнер казались увлеченными беседой. Впрочем, если они оба пробуют пробиться через заклинание отца, то вряд ли обращают внимания на проскакивающие несуразности в репликах друг друга. Но если интерес полковника понятен, то интерес целителя вызывает вопросы. Обычное любопытство?

– Девушка в моей комнате – не Штрауб. Штрауб ее наняла для отработки практики.

Отца мне удалось удивить, что не так часто случалось.

– Зачем? Зачем кого-то нанимать для того, что ты должен сделать сам?

– Место практики не понравилось. Она же не знала, что тетя сговори́лась с ее отцом.

– Эльза и здесь свою руку приложила?

Вопрос был риторическим, поэтому я промолчал.

– Где сама Штрауб?

– У Кремера.

– Кремера? Это кто?

– Мы учились вместе. Он сейчас в дворцовой охране.

– Глупо с его стороны.

– Он рассчитывает, что никто не узнает.

– Уверен, сам Штрауб уже в курсе.

– Вряд ли. Кремер довольно осторожен.

– Ты засек хотя бы одного охранника леди Штрауб? А они непременно должны быть. Не станет столь значимая персона отправлять единственную дочь без охраны.

– Предполагалось, что охранять буду я. Да и лорд Штрауб присылал запрос Циммерману о карантине.

– Циммерману? Но не дочери?

Отец столь выразительно посмотрел, что я сразу осознал свою глупость. Нет, вряд ли лорд Штрауб пустил все на самотек. А это значит...

– У Кремера будут проблемы.

– Пока проблемы у нас. – Отец почти ткнул мне в лицо злополучную газету. – Поскольку у лорда Штрауба теперь появились варианты.

– Какие варианты? Объявление я не давал и не собираюсь жениться на его дочери в любом случае.

– Думаешь, все так просто? Из-за идиотской идеи Циммермана множество людей считают леди Штрауб твоей невестой. То, что это не та леди, никто не знает. А вот о том, что ты уйдешь в отказ, узнают все. А если еще Вайнер или Циммерман поделятся пикантной ситуацией сегодняшнего утра...

– Горелый орк! – вырвалось невольно.

Пусть в том, что наша с Фридерикой тайна стала достоянием Циммермана и Вайнера, вины отца намного больше моей, но сейчас говорить об этом бессмысленно: ничего не исправить, и для посторонних все будет выглядеть еще хуже: я соблазнил невинную девушку, а потом отказался жениться.

– Заметь, ты сам называл ее невестой, наверняка еще и влюбленным прикидывался.

Я вспомнил вчерашний триумфальный выход из лабиринта: докажи потом, что целовались мы только для активации телепорта. Хотя кому я вру? Можно было прекрасно обойтись безо всяких поцелуев, это был мой выбор. Но что делать теперь? На Циммермана я посмотрел безо всякой приязни. Он решил, что я намекаю на попытки подслушивания и смущенно отвернулся.

– Кроме того, открыто ссориться со Штраубом – не самый хороший вариант.

– Штрауб выберет Кремера, поскольку его дочери нравится он.

– И? Что помешает ему нравится ей дальше, если она выйдет за другого?

Справедливость слов отца я признал сразу. Да, для некоторых леди брак – не помеха развлечениям. Похоже, в этот раз я сам себя переиграл. Проще было бы сразу не понравиться этой Штрауб на первом же ужине. Настолько, чтобы у нее мысли не возникло продолжить знакомство. Но желание убраться из Гаэрры пересилило здравый смысл. С другой стороны, в случае неудачи с леди Штрауб тете ничего не стоило найти другую леди...

– За меня она не выйдет, – отрезал я. – Предпочитаю открытый скандал. В конце концов, заваривала эту кашу тетушка, вот пусть она ее и расхлебывает.

Открылась дверь и вышла Фридерика. Это далось ей непросто, на что указывала бледность лица, на фоне которой особенно ярко сияли веснушки. И сама она... сияла. Тем теплым сиянием, которое всегда приносила с собой. Смотреть на нее было одно удовольствие, я даже ненадолго отвлекся от принесенных родителем проблем. Разве что немного пожалел, что волосы Фридерика убрала в строгую прическу: ей куда лучше, когда золотые локоны падают на плечи. На нас она взглянула лишь мельком, вздернула голову не хуже Матильды в роли герцогини и прошла к Циммерману с Вайнером. Теперь им подслушивать будет еще сложнее.

– Скандал не выгоден никому: ни нам, ни Штраубам. Им особенно. Если выплывет правда о найме одноклассницы для прохождения практики, то для лорда Штрауба это серьезные репутационные потери. Но можно пока вывернуть все так, что он останется нам благодарен.

– Без женитьбы на дочери Штрауба? – подозрительно уточнил я.

Благодарность столь значимого лорда – дело хорошее, если к ней не прилагаются определенные обязательства. Брак с леди Штрауб меня привлекал так же мало, как и раньше.

– Разумеется, без. Кто родители этой девушки? – отец небрежно кивнул.

– Она сирота. Близких родственников не осталось.

– Значит, нуждается в поддержке, – протянул отец, не сводя задумчивого взгляда с нее. – Как думаешь, согласишься помочь?

– Как?

– Выйти за тебя замуж. Фиктивно, разумеется, так же как сейчас фиктивно изображает твою невесту. Очень сложно заставить жениться человека, который имеет жену. В этом случае уже лорд Штрауб будет думать, как избежать скандала. Можно представить все так, что у вас был роман еще в Гаэрре и она сама вызвалась заменить подругу, которая после некоторых колебаний пошла ей навстречу. Как не помочь влюбленным? А тут я столь неудачно вломился к тебе в комнату со свидетелями. Вот и пришлось срочно узаконивать отношения. Через год об этой неприятности уже никто не вспомнит, тогда и разведетесь.

Предложение удивило. Казалось, с опытом отца нужно отговаривать детей не только от фиктивных браков, но и от фиктивных помолвок, а гляди ж ты...

– Не напомнишь, чем закончился твой фиктивный брак? – ехидно спросил я. – Фиктивные браки, они, знаешь, ли, иногда становятся вполне себе настоящими.

– Ты забываешь, что я был влюблен в твою мать и приложил некоторые усилия, чтобы наш брак перестал быть фиктивным, – усмехнулся он. – Тебе же просто нужно будет держаться подальше от этой девушки.

Предложение отца чем-то не нравилось. Я задумался и понял, что меня не устраивает как раз необходимость держаться подальше от Фридерики. Напротив, меня к ней тянуло так, что

хотелось изменить своему правилу не заводить романов с незамужними дамами. Но если она за меня выйдет, то автоматически станет замужней и правило на нее перестанет распространяться. И что меня тогда будет сдерживать?

– А если я не буду держаться подальше?

Отец странно посмотрел и неожиданно предложил:

– Могу поделиться опытом.

Глава 32 Фридерика

Выходить к военным не хотелось: из всех глупых ситуаций, в которые я когда-либо попадала, эта выглядела самой-самой. Казалось, я слышу, как иноры за стеной меня обсуждают и оскорбительно смеются. Но просидеть до конца жизни в чужой кровати еще ни у кого не получилось, поэтому я стала быстро одеваться: лучше сразу отмучиться и узнать, что они обо мне думают. Впрочем, что думает отец Гюнтера, я уже слышала: его слова, словно камни с острыми гранями, бились в голову. Высокомерный хам! Оскорблять меня ему никто не давал права. Пусть даже он оскорблял не меня, а Ульрику.

Когда я вышла, отец Гюнтера выглядел уже не таким злым, наверное, сын пояснил, что брачных претензий от ночевавшей в его кровати девицы не будет, а если и будут, то их с легкостью можно проигнорировать. Стояли они наособицу от остальных двух иноров и, судя по тому, что от них не доносилось ни звука, озаботились пологом тишины. Не знаю, что за секреты они обсуждали, но и знать не хочу. Я, подчеркнуто не обращая на них внимания, прошла к Циммерману с Вайнером, хоть ничего хорошего не ожидала и от этих.

– Инорита, разве так можно? – не разочаровал полковник. – Нет, я понимаю, некоторые офицеры в стремлении достичь максимально точного выполнения приказа идут на весьма странные ухищрения. Но вы-то... Вы-то должны понимать, чем заканчиваются ночевки молодой красивой девушки у молодого полного сил мага.

– Браком? – предположил Вайнер, глупо хихикнув.

Циммерман посмотрел неприязненно, и тот сразу подавился смехом.

– Вам повезло, что Вайнер засвидетельствовал, что ничего не было, – продолжил полковник, словно его никто не прерывал. – А если бы нет? Женская репутация – такая хрупкая штука, знаете ли... Гм... – Он нервно хмыкнул, наверняка вспомнив, что у настоящей Ульрики она уже давно разбилась. – Нет, мы с инором Вайнером, конечно же, никому ничего не расскажем, не волнуйтесь, но и вам нужно быть поосторожнее. В конце концов, у вас есть своя комната, прекрасная комната, защищенная не только заклинанием, но и усиленная решеткой.

– Которая жутко дребезжит всякий раз, когда кто-то пытается вскрыть заклинание, – заметил подошедший Гюнтер.

Его переговоры с отцом закончились, и не сказать чтобы они оба были расстроены результатом. Штаден-старший чуть прищурившись смотрел на меня, и от его взгляда появились самые плохие предчувствия. Уверена, у тех, на кого он так смотрит, непременно случается что-то нехорошее.

– И что, что дребезжит? – возразил полковник. – Напротив, дополнительный сигнал.

– Почему не призвать к порядку офицеров в своем гарнизоне? – процедил Штаден-старший. – Ночью никакого дребезжания в окнах целительской быть не должно.

– Это же Брун! – со священным ужасом сказал полковник. – Знаете, сколько раз я его наказывал? Да я со счета сбился.

– А уж сколько раз гауптвахту восстанавливали... – опять хохотнул Вайнер, поймал злой взгляд Циммермана и попытался исправить положение: – Нет, вы не подумайте, что капитан Брун – такой уж злостный нарушитель. Да, он некоторые положения трактует вольно, но если бы леди Штрауб не захотела, он бы к ней никогда не полез.

– Из чего это вы сделали вывод, что я хотела, чтобы он ко мне лазил? – оскорбилась я. – До вашего Бруна не то что намеки, даже прямой отказ не доходит.

– Простите, леди Штрауб, я совсем не это имел в виду, – пошел на попятную Вайнер. – Я к тому, что капитану Бруну нравится чего-то добиваться, но именно осадой, силой он не стал бы действовать.

– На что указывает разрушенная гауптвахта? – предположила я.

Вайнер окончательно смутился. Теперь он боялся смотреть не только на полковника, но и на меня.

– Слушать о похождениях капитана Бруна можно бесконечно, – вмешался в нашу милую беседу Штаден-старший, – но мы здесь не для этого. Леди Штрауб, приношу вам свои

извинения за инцидент, случившийся не так давно по моей вине, и прошу вас оказать мне честь и позавтракать со мной. На завтраке мы обсудим, как мне загладить свою вину.

Вежливый отец Гюнтера почему-то пугал еще больше. Виноватым он не выглядел, значит, у его предложения есть какая-то подоплека. Нет уж, завтракать с ним не собираюсь.

– Уверена, инор полковник, будет лучше, если мы все как можно скорее забудем случившееся, – осторожно ответила я. – Компенсация в виде завтрака излишня, тем более что у меня скоро начинается время практики.

– Ерунда какая, – оживился Циммерман, – начнете чуть позже, инор Вайнер возражать не будет, правда же?

Не дождавшись ответа, он отнюдь не дружески ткнул целителя кулаком в бок, тот скривился и процедил:

– Конечно, не буду возражать. Более того, при необходимости подпишу все бумаги, закрывающие практику. Уверен, инор полковник – тоже.

– Разве что в виде исключения, – согласился тот не раздумывая. – Видите ли, леди, ваше появление в гарнизоне перенесло сюда часть проблем, которые Брун создавал в городе. Но проблемы Бруна в городе – проблемы города, а проблемы Бруна в гарнизоне – уже мои.

Если бы не Марта, я бы непременно согласилась, но уехать, так и не узнав ничего о сестре? Немыслимо.

– Не в моих правилах отлынивать от обязанностей.

– Даже если обязанности чужие... леди Штрауб? – спросил Штаден-старший.

Нехорошо так спросил. И сам вопрос и характерная пауза перед именем намекали, что отец уже в курсе тайны, доверенной сыну. Но Вайнер, слава Богине, принял это на свой счет и оскорбился.

– Что значит – чужие? Уж не думаете ли вы, что я переваливаю на практикантку свои обязанности? Естественно, я позволяю ей что-то делать, но только под моим наблюдением, что требует намного больше усилий, чем если бы я делал все сам.

– Вы могли бы мне и больше позволять, – не удержалась я. – Согласитесь, я при диагностике пациентов никогда не ошибаюсь.

– Это так, диагностику вы производите безукоризненно. Но кроме диагностики, есть еще само исцеление, которое должно проводиться максимально эффективно.

– Я учитываю удобство пациента.

Спор мы вели не впервые, аргументы друг друга знали наизусть, и все же я не смогла удержаться в надежде на поддержку Циммермана.

– Какое удобство? Это гарнизон, здесь военные, они должны быть привычны к неудобствам. Несильную боль вообще не должны замечать. Обезболивание снижает эффективность и увеличивает мои энергозатраты.

– Не так уж сильно увеличивают. Я хоть сейчас могу предоставить выкладку. Пойдемте.

Я приглашающе махнула рукой, обогнула отца Гюнтера, словно досадное препятствие, и даже успела спуститься на две ступеньки, после чего обнаружила, что обогнуть не удалось: Штаден-старший довольно элегантно придерживал меня под локоть. Элегантно, но уверенно и жестко – понятно, от кого Гюнтер научился захвату. Руку я попробовала освободить, но безуспешно.

– Все выкладки – после завтрака, – предложил Штаден-старший и взглянул на целителя так, что тот, уже было направившийся за мной, застыл на месте. – Ваше стремление поработать, леди Штрауб, похвально, но все же нельзя забывать о насущных потребностях организма. Гюнтер, где в Траттене можно позавтракать? Час ранний.

– Как выйдете из проходной, – вместо Гюнтера ответил Циммерман, – повернете налево и пройдете квартал. Там кафе «Гармская роза». В это время уже открыто, кормят там отменно. И обстановка такая... романтическая, как раз подходящая для ваших переговоров, нда...

Я запаниковала. Судя по тону Циммермана, компенсировать что-то придется уже мне Штаденам, а не наоборот, как не столь давно заявлял отец Гюнтера. Жаль, не знаю, о чем говорили без меня. Впрочем, подозреваю, что переговоры шли в основном семейные, без привлечения полковника и целителя. Возможно, отцу не понравилось, что отпрыск спал на полу, отдав посторонней девице свою кровать? Но это же не моя идея, я пыталась отказаться. Да, попробуй откажи что одному Штадену, что второму!

Второй невозмутимо подхватил меня под свободную руку. Зафиксировали... Вырваться и кричать: «Похищают»? Не самая лучшая идея. Уверена, Циммерман не только не защитит, но еще и поспособствует похищению: все-таки проживание поблизости от орков приводит к тому, что некоторые иноры перенимают нехорошие привычки соседних народов. Но, может, я зря паникую и все еще обойдется?

До кафе мы дошли в гробовом молчании. Полковник Штаден открыл рот, только чтобы сделать заказ уже внутри помещения, в котором одуряюще пахло кофе и свежей выпечкой. Улыбчивая официантка принесла огромный поднос, на котором чего только не было: омлет, тарелки с нарезанными сыром и колбасой, корзинка с разными булочками, вазочки с медом и вареньем. И кофе, в чашку с которым я сразу же вцепилась, словно она могла защитить от этих двоих.

– Инорита, вы ешьте, – заботливо подвинул ко мне Штаден-старший тарелку с омлетом и даже собственноручно намазал булочку маслом. – На голодный желудок какой может быть серьезный разговор?

А на сытый кровь приливает к желудку, и мозги отказываются думать. Может, на это и расчет? Я подозрительно посмотрела на Гюнтера и его отца, но на их лицах была написана только искренняя забота о моем завтраке. Но разве их волнует это?

– А у нас будет серьезный разговор? О чем?

– О вас, разумеется.

Официантка принесла и водрузила на середину столика вазочку с розой. На мой взгляд, и без того этих цветов здесь перебор: шторы с вышитыми розами на окнах, картины с нарисованными розами на стенах, горшки с розовыми кустами на подоконниках. На скатертях, на салфетках, на тарелках, даже на ручках столовых приборов – везде были розы. Розы, розы, розы. Самых разных цветов и размеров. От них рябило в глазах и становилось дурно. Циммерман сказал «романтично»? Мне такая обстановка казалась скорее пугающей. И то, что благоухание роз не пробивалось через заглушающий все и вся запах еды, было прекрасно. Я закрыла глаза и сделала глоток кофе. Кофе был изумителен: ароматный, в меру горьковатый. Как раз то что надо, чтобы мозги окончательно проснулись и начали работать.

– Молока, инорита Рильке? – спросил Штаден-старший, но, скорее, для того, чтобы подчеркнуть – ему известно мое настоящее имя, а не проявить заботу. – Или сахара?

– Спасибо, нет.

Пожалуй, действительно стоит хотя бы поесть за их счет. Компенсация это или нет – потом разберусь. Я придвинула поближе тарелку с омлетом. Масло на горячей булочке уже подтаяло, пришлось закрыть его ноздреватым сыром. Штаден-старший посчитал свою миссию выполненной и переключился на собственный завтрак. Может, и правда все обойдется? Накормят и посчитают, что компенсировали все неудобства сегодняшнего утра?

– Еще кофе, Фридерика? – Гюнтер был сама забота, даже улыбнулся.

Я тоже умею улыбаться, что и показала им обоим. Если девушка улыбается, значит, она совсем не боится, не так ли?

– Спасибо, не откажусь.

Официантка унесла грязную посуду, принесла еще кофе и какие-то мелкие сладости в вазочке. Но к незнакомым сладостям я после происшествия с герцогиней относилась с подозрением, поэтому даже пробовать не стала, а вот за кофе принялась с удовольствием.

– Итак, о чем я хотел поговорить с вами, – Штаден-старший с явным наслаждением отпил из своей чашки. – К сожалению, я был очень несдержан и нанес урон вашей репутации. Причем именно вашей, а не леди Штрауб.

– О, я не думаю, что полковник Циммерман и инор Вайнер станут распространяться об увиденном. Это недостойно.

– Прекрасный повод для пикантной сплетни.

– Повода для пикантной сплетни не было, – твердо ответила я. – Все выяснилось ко взаимному удовольствию.

Мое удовольствие было весьма сомнительным, но лучше я его признаю, чем продолжать этот непонятный разговор, который хотелось свернуть как можно скорее.

– И все же получается, что наша семья обидела сироту, за которую некому вступить.

– Только если выяснится, что здесь была не Ульрика. В противном случае вам не о чем волноваться.

– Я не могу не волноваться. Мое поведение непростительно.

– Я вас уже простила. Я понимаю, вы беспокоитесь о будущем сына.

Он улыбался, я улыбалась, но никто не делал это искренне. Штаден-старший подводил разговор к одному ему известному моменту, я же старательно внушала себе, что мне не страшно.

– Я рад, что вы понимаете. Именно поэтому я считаю, что вы должны пожениться. Чтобы пресечь всякие разговоры, которые могут повредить вашей репутации. Я считаю, что на такую компенсацию от нашей семьи вы вправе рассчитывать.

Я опешила. Полковник казался столь радеющим за честь семьи – и вдруг предлагает сына первой попавшейся девице. И что самое странное, Гюнтер не возражает, с его стороны даже тени возмущения нет, а не так давно заявлял, что я его нисколько не интересую. Что-то тут нечисто.

– Мне кажется, такая компенсация – чрезмерна, – возразила я. – Вы не желали зла и передо мной извинились, этого достаточно. Нет необходимости жертвовать своим сыном.

– Помилуйте, какая жертва? – удивился Штаден-старший. – Затаскивая вас к себе в комнату, он обязан был подумать о последствиях. Так нет же, сделал все, как ему удобнее. Пусть отвечает.

Гюнтер сохранял философское спокойствие. Еще бы: для него не изменится ровным счетом ничего, разве что появится удобная ширма. Или это он в пику Кремеру? Кто их разберет, этих мужчин.

– Инор полковник, замуж я не выйду.

– За кого это собрались выдавать мою невесту?

Возмущенный Кристиан сел на свободный стул и уставился на Штадена-старшего. Нехорошо так уставился, с явным намеком, что у него при себе куча полезных зелий. Но я бы на его месте не обольщалась: если с младшим не удалось справиться, то со старшим – вообще без шансов.

– Вашу? Полковник Циммерман утверждал, что она – невеста капитана Кремера, – насмешливо ответил тот. – Как-то много женихов на одну инориту, не находите?

– Пока у меня нет ни одного. И я не имею ни малейшего желания обзаводиться ни женихом, ни мужем. И если это все, что вы собирались сказать, то я, пожалуй, пойду.

Я приподнялась над стулом.

– Присядьте, инорита, – жестко сказал Штаден-старший. – Рассмотрим эту ситуацию по-другому. Нам нужна ваша помощь. Из-за необдуманных действий моей сестры мы попали в очень непростое положение. Чтобы избежать скандала, Гюнтеру нужен брак. Фиктивный брак. Поэтому мы готовы рассмотреть любые ваши условия, инорита.

– В первоначальном предложении слово «фиктивный» не звучало, – подозрительно припомнила я.

– Должен же я был понять, что вы из себя представляете. Вполне возможно, что Гюнтер нравится вам настолько, что вы через год откажетесь разводиться.

- Не откажусь, - возмутилась я.
- То есть вы согласны?
- То есть я даже замуж за него не выйду. За кого вы меня принимаете?
- За инориту, которая за деньги согласилась играть чужую роль целый месяц.
- Я не хотела, - запротестовала я, - но Ульрика очень уговаривала.
- Да, она уговаривать умеет, - хохотнул Кристиан.

Разговор его уже не тревожил, приятель не выглядел напряженным и готовым на какую-нибудь пакость. Только теперь рядом с ним я не была спокойна и за себя.

- Я тебе сразу говорил, что ничего не выйдет, - заметил Гюнтер. - Фридерика терпеть меня не может.

- Фридерика выглядит разумной иноритой, - не согласился его отец, - мы ей хорошо заплатим, и кроме того в дальнейшем она всегда сможет рассчитывать на помощь нашей семьи. Собственно, инорита Рильке, от вас требуется просто сходить с моим сыном в храм. Два раза. Общаться и проживать с ним не требуется.

- Звучит заманчиво, - заметил Кристиан, подозрительно прищуриваясь, - но почему вам так срочно потребовался именно фиктивный брак и именно с Фридерикой?

- Потому что она выдает себя в Траттене за леди Штрауб, объявление о моей помолвке с которой тетя вчера отправила в газеты.

Кристиан задумался. Судя по выражению его физиономии, сейчас он прокручивал в голове какую-то комбинацию, пытаясь понять, насколько она выгодна.

- То есть заминать скандал будут уже Штраубы? Интересный подход. И сколько вы хотите предложить Фридерике? - спросил он.

- Кристиан... - прошипела я, показывая, что думаю о его предприимчивости.

Но отец Гюнтера назвал сумму. Хорошую сумму. Таковую, что хватит на небольшую квартиру если не в центре Гаэры, то на окраине точно.

- Ого, - Кристиан неприлично присвистнул. - Здорово вас припекло.

- Мы согласны пойти на определенные траты, - Штаден-старший наклонил голову, подчеркивая важность сказанного.

- Нужно составить договор, - деловито предложил Кристиан, словно я уже согласилась. - Письменный, с магической печатью.

- Кристиан!

- Что «Кристиан»? Тебе не нужны деньги? Нужны. Вот я и пытаюсь сделать так, чтобы ты их наверняка получила. А то потратишь год жизни на эту семейку, а они потом откажутся что-либо выплачивать. Фридерика, никто, кроме тебя, им не поможет, поэтому ты можешь запрашивать все что угодно.

Я нехорошо улыбнулась Кристиану.

- Все что угодно? Я согласна помочь, но при одном условии. Условие я буду обсуждать без посторонних. Кристиан, будь добр, оставь нас.

- На меньшую сумму не соглашайся, - предупредил он, неохотно поднимаясь со стула. - Они в безвыходном положении, сама понимаешь, можно выжать и больше, чем предложили. - И совсем тихо, так, чтобы слышала только я, прошептал: - Только не дури, соглашайся. Если уж влезла во всю эту историю, то лишняя защита не помешает. А такая фамилия - это защита.

Во взгляде Штадена-старшего на нас с Кристианом явственно сквозило презрение. Но наверное, слишком сильна была необходимость в моей помощи, что он не только ничего не сказал, но сразу после того, как приятель нас покинул, активировал полог молчания и презрительно процедил:

– И каково ваше условие, инорита?

– Мне не нужны ваши деньги. Я хочу найти убийцу сестры.

Глава 33 Гюнтер

Выражение лица Фридерики не предвещало ничего хорошего тому или той, кто окажется виновным в смерти сестры. Но окажется ли убийца ей по зубам? Не потому ли Кристиан за нее боится, что знает, почему умерла Марта? Да, я выясняю, что же здесь происходит, но имею ли право передавать материалы посторонним, не связанным с инором Лангебергом? И не будет ли опасна информация для самой Фридерики?

– Я этим уже занимаюсь, – напомнил я. – Ставить это дополнительным условием не надо.

– Вы в любой момент можете отказаться, – возразила она. – Например, если поймете, что замешана ваша бывшая невеста, и тогда я ничего не узнаю.

– Уверяю вас, кто бы ни был замешан, от ответственности он не уйдет.

– А теперь поподробнее, – сказал отец. – Во что вы вляпались? Вы оба. Насколько я понимаю, ночевка инориты в чужой комнате была вызвана отнюдь не страхом перед визитом капитана Бруна, а уж слова этого инора, радеющего за благополучие инориты Рильке, о том, что наша фамилия даст дополнительную защиту... Гюнтер, что за неучтенный мной фактор, о котором ты говорил в целительском корпусе? Возможно, инорита, для моего сына будет лучше жениться на настоящей леди Штрауб, чем заниматься вашими проблемами.

– Я не навязываюсь. Не думаю, что для вас составит проблему найти другую фиктивную жену при условии, сколько вы готовы заплатить.

Она сжала руки в кулачки и вызывающе посмотрела. Одна – против целого мира? Нет, пожалуй, теперь не одна. Пусть пока она не понимает, что появилась семья, которая поддержит и поможет, но уже скоро поймет.

– Не составит, – согласился отец, – правда, создаст дополнительные сложности, но отнюдь не непреодолимые.

Хм... Кажется, отец не понял, что я либо женюсь на Фридерике сегодня, либо иду на открытый конфликт со Штраубами и женюсь на ней чуть позже. Но если невеста уже почти согласилась, зачем затягивать и создавать дополнительные сложности? Чтобы потом их преодолевать?

– Видишь ли, папа, в любом случае я не прекращу расследование. В Траттене происходит что-то непонятное, в том числе и в гарнизоне. Сестра Фридерики была гарнизонной целительницей, год назад она покончила с собой. Под ее окном, в тесном взаимодействии с защитными заклинаниями растет роза-артефакт.

– Роза-артефакт? Живая? Это невозможно, – убежденно сказал отец. – Артефактом может быть только что-то неизменное.

– Я тоже так думал. Разглядеть, что это артефакт, почти невозможно. Будь Дар чуть слабее, я бы ничего не увидел. И... не думал, что когда-нибудь такое скажу, но не понимаю, что он делает и как работает. Но работает несомненно и влияет на проживающего в комнате Фридерики. В той самой комнате, где раньше жила ее сестра.

И я нарисовал очень приблизительную схему артефакта и рассказал все, что успел выяснить, не уточняя, что мне поручили расследовать, но упомянул, как бы мимоходом, выразительно поглядев на отца, что следователь сюда приезжал и не нашел ровным счетом ничего. Упомянул я и о переписке с Эрикой, тем самым дал понять, что выполняю поручение Лангеберга. Уж кому как не родителям знать, как их дети не любят писать письма, поэтому отец наверняка сделал правильные выводы. Он ненадолго задумался.

– Мне не нравится, что вы подвергаетесь непонятной опасности. Если артефакт живой, значит, его можно убить? – предположил отец.

– И уничтожить улики?

– Скорее всего, та часть, что создана искусственно, сохранится, но он уже не будет работать.

– Можно использовать иссушающее заклинание, – оживилась Фридерика. – Я как раз знаю.

Наверняка решила, что при уничтожении роз переселится обратно к себе. Нет, я, конечно, планировал перебраться в кровать в ближайшее время, но без Фридерики в ней это выглядело не столь заманчиво. Более того, применять магию к столь странному гибриду не просто не

стоит, но и опасно для применяющих.

– Преступник поймет, что на него вышли, – не согласился я. – По остаточным магическим следам на месте куста. Кроме того, розы, скорее всего, впитают магию, а не уничтожатся, а впитав, выдадут что-то вредоносное. За себя они постоять могут.

Стоит только вспомнить падение Бруна: он пострадал намного больше, чем розовый куст. Точнее, куст не пострадал вообще: ни одной сломанной веточки, ни одного оторванного листочка, даже лепестки не помялись. А вот Брун показывал на следующий день свой бок, по нему словно стадо ежей прокатилось, и не один раз.

– Это если применять магию. Но если следа магического вмешательства не будет, наверняка преступник решит, что поломка по естественным причинам.

– А какие естественные причины гибели роз? – недоуменно спросила Фридерика. – Вредители? Кто ест розы?

– Вредители их будут есть слишком долго, и не факт, что съедят они, а не их. Нужно что-то быстрое.

– Удар молнии? – обрадовалась Фридерика и тут же поняла невыполнимость: – Но, опять же, это магия.

– Да залейте кипятком, – предложил отец. – Пара ведер – и никакого куста под окном. В идеале, конечно. Не получится уничтожить полностью – проверите, насколько быстро восстановится и будет ли работать искусственная часть при гибели живой, частичной или полной.

Фридерика погрузилась. Поняла, что от роз так просто не избавиться. Но у меня иллюзий по поводу этого куста не было сразу: его магическая составляющая очень аккуратно вплелась в защитное заклинание, видоизменив так, что оно теперь как кокон окутывало одну-единственную комнату, на остальную часть целительского отделения приходилось намного меньше. Нет, защита и там была на высоком уровне, с налета не вскрыть, но, к примеру, я, повозившись не так долго, смог бы проникнуть внутрь, даже не потревожив сигнализацию. Скорее всего, так было уже при ее сестре, иначе Брун не попадал бы столь легко к сейфу. Или после установки защиты он больше не прореживал целительские запасы? Стоит уточнить.

Фальк сидел за соседним столиком и не отрывал от нас мрачного взгляда. Наверняка пытался понять, о чем говорим. Что же он такого знает, что боится говорить даже подруге? Более того, не подруге – любимой девушке, на благосклонность которой очень рассчитывает, что не помешало ему год назад чуть-чуть поменять отношение Фридерики к случившемуся с сестрой. Был бы уверен, что он никак не связан с розами, прижал бы и допросил.

Наверное, мои кровожадные мысли отразились на лице, потому что Фальк отвел взгляд и сделал вид, что изучает картинки на стенах. С моей точки зрения, ничего интересного там не висело. Но возможно, он намного лучше разбирался в сортах роз, от обилия которых уже тошнило. Готовили тут хорошо, в этом не откажешь, но я бы предпочел обстановку более умеренную по розам. Собственно, я прекрасно обошелся бы вообще без них.

– Думаю, зальем вечером или ночью, – решил я. – Без свидетелей. В качестве свадебного подарка жене.

– Да, – подхватил отец мой намек, – если мы все обговорили, то тогда прямо сейчас в храм.

– Как сейчас? – растерялась Фридерика. – Но разве...

– Вам нужно особенное платье? Тогда придется подождать до открытия одежных лавок.

– Нет, платье не нужно, – смутилась она. – Но прямо сейчас – это слишком быстро.

– Время не терпит. Мы все обговорили. Или у вас есть условия, требующие составления договора? Вопросами, касающимися гибели вашей сестры, Гюнтер уже занимается. Он все доводит до конца.

Фридерика приоткрыла было рот, чтобы что-то возразить, но отец уже встал и подал ей руку. Она чуть смущенно на меня взглянула, с некоторой долей сомнения, но все же поднялась. К нам метнулись официантка и Фальк. Беспокойство официантки я рассеял сразу, оплатив счет и добавив к нему солидные чаевые. Завтрак был прекрасный, а в том, что у меня аллергия на розы, заведение не виновато. Фалька же так легко наверняка не успокоить. Во всяком случае,

он вряд ли удовлетворится суммой, выплаченной официантке.

– Здесь недалеко прекрасный нотариус. Должен уже работать в это время.

– Мы решили обойтись без формальностей. Инорита доверяет нам, мы – инорите, – невозмутимо заявил отец. – Конечно, мы рискуем больше...

– Да уж, ужасный риск, – проворчал Фальк, весьма неприязненно на него глядя. – Хотел бы я знать, чем вы так рискуете? Какое условие выдвинула Фридерика?

Похоже, он уже пожалел, что предложил Фридерике согласиться. Действительно, о каких деньгах может идти речь, когда у тебя из-под носа уводят девушку? Даже если ты уверен, что девушка к тебе вернется вместе с деньгами. Зря уверен, кстати: Фридерика – не экипаж, который можно сдать в аренду и получить прибыль. Тем более что в этом случае инор пытается сдать в аренду чужой экипаж.

– Это наше внутрисемейное дело, – отбрил Фалька отец. – Посторонних оно не касается.

– Я не посторонний.

– Вы жених, я помню. Но теперь уже бывший, не так ли? Всего хорошего, инор.

И посмотрел на него столь выразительно, что Фальк ошарашенно застыл. Ненадолго, к сожалению: догнал нас при выходе из кафе и ухватил Фридерiku за руку.

– Без нотариуса нельзя, – твердо заявил он. – Все должно быть расписано и подписано. А то, вместо того, чтобы выплатить девушке, сдерете с нее за развод три шкуры. Знаю я вас.

– Нет, инор, вы нас не знаете, – презрительно бросил я. – Вызвать бы вас на дуэль, да не хочется руки марать и отвечать потом за вашу смерть. Но если будете продолжать в том же духе, завтра с утра – к вашим услугам.

Фальк испугался. Дуэль явно не входила в его планы. В отличие от моей невесты и денег.

– Я не хотел вас оскорбить. Вы должны понять, я беспокоюсь о Фридерике. Ей нужны гарантии. Гарантии того, что она получит деньги. Деньги немаленькие, сами понимаете.

– Мне достаточно слова капитана Штадена, – твердо ответила Фридерика. – Не волнуйся, Кристиан, все будет хорошо.

Но Фальк так не считал. Он тащился с нами, то ли отговаривая Фридерiku, то ли испытывая мое терпение. Но мое терпение тренировано тетужкой, поэтому я был невозмутим и предельно вежлив, хотя хотелось уже приложить его к стене или к мостовой. Удерживало и то, что это могло испугать невесту и создать у нее превратное представление обо мне. Наконец не выдержала сама Фридерика. Она остановилась и заявила:

– В обмен на эту услугу мне пообещали выяснить, что случилось с Мартой. О деньгах речи не идет.

– Ты с ума сошла! – Фальк на глазах слился по цвету со стеной, около которой мы сейчас стояли. – Иноры, не ведитесь у нее на поводу. Ее сестра покончила с собой. На это указывает и предсмертная записка. Следовательно подтвердит. Не хотел говорить, но придется. У нее был роман с герцогским целителем, Фогелем. Он женат. Они скрывались, поэтому почти никто не знает. И лучше, чтобы никто не знал.

– А что скажет столь информированный инор о рисунке бутона розы на руке покойной? – спросил я, уже не пытаясь выглядеть дружелюбно. – И о том, почему моя невеста внезапно перестала интересоваться расследованием?

На словах «моя невеста» Фальк нервно дернулся и окончательно потерял контроль над собой.

– Инор скажет, что покойная вляпалась по уши, – зло выпалил он, – так сильно, что могла потянуть за собой за Грань и сестру. И если бы не я... Скажите спасибо, что Фридерика осталась жива, но вы, похоже, делаете все, чтобы это исправить. Вам же ее безопасность безразлична. Действительно, зачем покойнице деньги? И разводиться не придется.

Он неприятно рассмеялся, Фридерика вздрогнула и вцепилась в мою руку. Теперь побелела она. Так сильно, что даже веснушки выглядели не яркими солнечными крапинками, а тусклыми песчинками. Казалось, подуй ветер посильнее – и унесет их за собой. Я чуть сжал ее

руку, показывая, что рядом и не дам в обиду. Ни ее, ни ее замечательные веснушки, так заманчиво пахнущие корицей.

– Если вы объясните, во что вляпалась сестра Фридерики, нам будет проще поверить вашим словам, – спокойно сказал отец. – Пока ничего, кроме эмоций, от вас не идет, а нам нужна информация.

Фальк затравленно огляделся, поняв, что сболтнул лишнее. Но не сбежал, хотя было видно, что боится. Причем, самое удивительное, боится не нас с отцом. Точнее, нас тоже боится, но неизвестных преступников – намного больше. Меня это даже оскорбило, до сих пор с таким неуважением я не сталкивался.

– Мы ждем, – как можно более неприятно процедил я. – И терпение у нас не безгранично.

– Чего вы ждете? – Фальк успел прийти в себя и вернуть невозмутимость, если не в душу, то на физиономию. – От меня вы ничего не услышите. Вы приехали и уедете, если, конечно, не полезете сдуру в это дело и не останетесь здесь навсегда, уже на кладбище, а мне тут жить. Фридерика, откажись пока не поздно. И от брака, и от этой затеи.

– Я уже все решила. – Она смотрела на Фалька с какой-то детской обидой. – Кристиан, почему ты так со мной?

– Потому что я тебя люблю и не хочу, чтобы с тобой случилось что-то нехорошее. Богиня, если бы я был уверен, что тебя немедленно отправят в Гаэрру, я бы сам пошел к Циммерману и рассказал, что ты не Штрауб, но я боюсь, боюсь за тебя. Если узнают, что ты сестра Марты Рильке, ничего хорошего тебя не ждет. Никто не поверит, что ты здесь оказалась случайно.

– И все же, инор, если вы поясните, от кого мы должны ее защитить, защита будет намного эффективней.

На мгновение показалось, что Фальк расскажет – он заколебался, но потом все же отрицательно pokrутил головой. Страх за себя оказался намного сильнее страха за Фридерiku.

Глава 34

Фридерика

Вот так, в одночасье, потерять друга оказалось тяжело. До этой минуты Кристиан был для меня чуть ли не единственной точкой опоры в этом мире: всегда готовый помочь советом или делом, он казался неизменной составляющей моей жизни. Правда, вера в него несколько поколебалась, когда он пытался не так давно чем-то меня обсыпать, но тогда я посчитала это проявлением ревности и желанием оградить от назойливости офицеров. Но теперь... теперь моя вера в Кристиана разбилась вдребезги. Он знал, что случилось с Мартой, но сделал все, чтобы убийца остался безнаказанным. Да-да, именно убийца: теперь я была уверена, что Марта не по своему желанию шагнула из окна. В глазах защипало, но я не могла позволить себе разрыдаться, хоть и очень хотелось.

– Кристиан, я не хочу тебя видеть. – Голос все-таки дрогнул, но я понадеялась, что этого никто не заметил. – Никогда.

– Фридерика, но я же на все готов ради тебя.

– Даже рассказать, из-за чего умерла ее сестра? – вкрадчиво спросил Штаден-старший.

– Даже промолчать об этом.

Кристиан чуть отступил от нас, словно опасаясь, что сейчас из него примутся выбивать сведения. Опасения его отчасти оправданы: что отец, что сын не церемонились с противниками; но тем не менее вряд ли они применяют свои умения посреди оживленной улицы на глазах толпы прохожих. Но это отступление было слишком характерным – оно показало, что Кристиан выступает против нас, за неизвестного преступника. Но столь ли он неизвестен?

– Фридерика, тебе лучше уехать. Подписать документы о практике у Вайнера и Циммермана и уехать. Чем скорее, тем лучше. – Кристиан подчеркнуто не замечал моих спутников, смотрел только на меня, но в его взгляде была некая обреченность, он сам не верил, что я послушаюсь. – Не надо ворошить эту историю, прошу тебя.

– Уходи.

Хотелось сказать многое, но я смогла выдать лишь короткое слово. Но и в это короткое слово я смогла вложить свое презрение. Кристиан вздрогнул, как от пощечины, покраснел, но все же нашел в себе силы пробормотать:

– Фридерика, ты всегда можешь на меня рассчитывать, помни.

Я отвернулась, не желая больше ни видеть Кристиана, ни говорить с ним. Столько времени обманывать, манипулировать, а потом говорить, что я могу на него рассчитывать? Нет, я не на его стороне. От Штаденов рядом повеяло силой и поддержкой. Но так ли это? Хватит заниматься самообманом – я могу рассчитывать лишь на себя. Гюнтер взял меня под руку и куда-то повел. Хотя почему куда-то? В храм.

– Кого так боится этот инор? – прервал молчание Штаден-старший.

– Герцога? – предположила я. – Он же здесь главный.

Ответ напрашивался сам собой, но я прекрасно помнила самого Валентина, как герцог просил себя называть, на страшного злодея он не походил: этаким любитель хорошо поесть, выпить и приволочнуться за красивой дамой. А может, и не только приволочнуться.

– Вряд ли, – не согласился Гюнтер. – Он прочно сидит на орочьих травках.

– Давно?

– Не знаю. Спросить не у кого. Не думаю, что Матильда ответит на столь деликатный вопрос. Скорее вытирашит свои прекрасные глаза и начнет страдать: «Как ты мог такое подумать? Я уверена, в тебе говорит ревность».

Гюнтер настолько точно передразнил герцогиню, что я чуть не рассмеялась, но вовремя вспомнила, что дело у нас серьезное, и с трудом подавила уже почти вырвавшийся смешок. Но Штадена-старшего такие соображения не останавливали, и он расхохотался на всю улицу.

– Должен признать, она мне никогда не нравилась, – отсмеявшись сказал он. – Фальшивая насквозь, со своими ужимками и жаждой высокого положения. Тогда говорить тебе было бесполезно, но я рад, что ты сам понял, что она из себя представляет.

– Матильда сделала для этого все, – чуть мрачно ответил Гюнтер, явно вспомнив что-то неприятное. – Но если не герцог, то кто?

– Кто-то из его окружения, – предположил Штаден-старший. – Или даже вообще теневой глава города. Есть тут такой?

– Возможно. Но в комнате, где жила покойная сестра Фридерики, найден рисунок, на котором соседствуют бутон розы и герцогский герб, – напомнил Гюнтер. – И куст под окном, опять же. Нет, герцогская семья непременно замешана.

– Или кто-то близкий. Но поговорим об этом позже. Мы пришли.

Мы стояли уже на пороге храма, и внезапно я испугалась. Двое иноров рядом казались скорее конвоем, чем сопровождающими. Появилось чувство, что иду напрямик в расставленную ловушку. Но какая ловушка в храме? Я зачем-то оглянулась, надеясь увидеть Кристиана. Кристиана, который в последнее время всегда был рядом. Но сейчас его не было. И не будет. Почему-то показалось, что сделай шаг – и все, прошлая жизнь останется за порогом, а новая... Кто знает, какой она будет?

Я разозлилась на себя за глупые мысли. Какая новая жизнь? Фиктивный брак, вся задача которого – дать ширму Штаденам для Штраубов. Гюнтер забудет обо мне, едва я уеду из Траттена, и вспомнит, лишь когда понадобится развод.

– Может быть, все-таки новое платье? – неожиданно предложил Штаден-старший. – Инориты обычно придают таким мелочам большое значение.

– Какая разница? – удивилась я. – Это ненастоящий брак. С моей стороны глупо прихорашиваться перед событием, которое ничего не меняет в моей жизни.

– Почему не меняет? – неожиданно возмутился Гюнтер. – Раньше вы не могли рассчитывать на помощь моей семьи, теперь можете.

– Вряд ли я когда-нибудь за ней обращусь.

Мы стояли в дверях, как скульптурная композиция, украшающая храм. Или отпугивающая от него – это уж как посмотреть.

– Инорита, мы ведь уже договорились, – укоризненно напомнил Штаден-старший. – Что с вами?

Не объяснять же, что сама мысль о фиктивном браке кажется кошунственной? Особенно в столь красивом, пронизанном солнечными лучами храме. Обман Богини в ее доме...

– Леди сомневается? – к нам подошел священник, сразу понявший, и зачем мы пришли, и причину нашей задержки. – Возможно, вам стоит еще немного подумать? Месяца два-три? Брак – слишком серьезное дело, чтобы относиться к нему легкомысленно.

– Леди не сомневается, – отрезал Штаден-старший. – Леди немного волнуется, но уже почти взяла себя в руки, правда?

Спросил он мягко, но как-то так, что ответить «нет» казалось невозможным.

– Да, – я даже улыбнулась.

Наверное, улыбка получилась не слишком красивой, потому что Гюнтер внезапно наклонился и прошептал так, что слышала только я одна:

– Фридерика, я в любом случае выясню, что случилось с вашей сестрой, выйдете ли вы за меня или откажетесь. Обещаю.

Я покраснела. Не подумал ли он, что я решила запросить большую плату за свои «услуги», на чем настаивал не так давно Кристиан? Для меня узнать, что же случилось с Мартой, важнее, чем получить любые деньги. Гюнтер не отказывается от обещания, но и я не стану нарушать договоренности. В конце концов, ничего страшного случится, если я формально побуду год его женой.

– Действительно, в такой день любая девушка волнуется, – согласился священник, не убирая, впрочем, подозрительности ни из тона, ни из взгляда.

– Я не отказываюсь. Но, Гюнтер, вдруг передумали вы?

Его отец неопределенно хмыкнул и с интересом посмотрел на сына. Да, похоже, от Гюнтера ответ «нет» тоже не примут.

– Что вы, Фридерика, я считаю мгновения до того момента, когда вы станете моей женой, – галантно ответил Штаден-младший. – Я счастлив, что встретил вас.

Его слова неожиданно оказались очень приятны, хотя и не были правдой. Но смотрел он так, что я на миг поверила. Он смотрел на меня, я – на него, и, казалось, для нас двоих нет ничего невозможного. Гюнтер поднес мою руку к губам и нежно поцеловал.

– Особенный день. День, который запомнится на всю жизнь. – Священник наконец воодушевился, заулыбался и продолжил: – Я рад, дети мои, что вы выбрали для него наш храм. Наш храм имеет давнюю историю и самый высокий в Гарме процент пар, благословенных Богиней, среди которых можете оказаться и вы. Из проведенных мной бракосочетаний четыре пары были благословлены.

Я чуть не рассмеялась, несмотря на звучащую в его голосе искреннюю гордость причастности к чуду: уж нас с Гюнтером Богиня точно благословлять не будет. Она наверняка не снисходит к подобным пародиям на таинство. Возможно, чуть брезгливо посматривает, а возможно, и совсем не обращает внимания на тех, кто решил использовать храм для собственных нужд.

Штаден-старший отошел со священником и что-то стал обсуждать. У алтаря наметилось оживление: служка зажигал свечи и менял увядшие со вчерашнего дня цветы на свежие. Отец Гюнтера посматривал на это дело одобрительно, изредка бросая на нас контрольный взгляд – не сбежали ли жених и невеста. Волновался он зря. Его сын сбежать не собирался – какой военный отступит перед надвигающейся опасностью? Ее полагается встречать лицом к лицу. Младший Штаден так и не выпускал мою руку и производил впечатление влюбленного жениха. Во всяком случае на окружающих – я-то знаю, что это не так, а остальные наверняка обманутся.

– Фридерика, вы сегодня особенно красивы, – вдохновенно сказал он.

– Гюнтер, нас же никто не слушает, – тихо заметила я. – К чему вам притворяться?

– Почему вы решили, что я притворяюсь? – удивился он.

Ответить я не успела – к нам с торжественным видом направились отец Гюнтера и священник. Пришлось ограничиться пожатием плеч.

Во время церемонии Гюнтер не отпускал мою руку, но я не протестовала: странно будет, если невеста, не так давно утверждавшая, что твердо решила выйти замуж, вдруг начнет вырываться и возмущаться поведением жениха, который не позволяет себе ничего из ряда вон выходящего.

Священник радостно бормотал положенные случаю слова, а я почему-то с тоской вспоминала о сестре. Когда я мечтала о своей свадьбе, всегда видела Марту рядом с собой. Но увы, рядом ее никогда уже не будет, да и свадьба не такая, о которой я мечтала. Разве что жених... Да и тот ненастоящий.

Но ненастоящий жених держал за руку уверенно, и я постепенно проникалась серьезностью момента. Голос священника звучал громко и торжественно, не нарушаемый никем и ничем, даже шум с улицы едва доносился. Статуя Богини в золотистом сиянии солнечного света казалась живой и радостной, она озаряла все вокруг себя любовью и счастьем, отстраняя все грустные думы и неуверенность. Поэтому когда священник спросил нас, по своей воле вступаем ли мы в брак, я не задумываясь ответила «да». Голос Гюнтера прозвучал одновременно с моим. Голоса странно слились переплетаясь, а потом нас окутало сияние, мягкое теплое сияние любви и нежности, спустившееся со статуи Богини. Оно принесло покой и умиротворенность, которые продлились ровно до тех пор, пока Штаден-старший не сказал:

– Четыре, говорили? Вот вам пятый.

В его голосе прозвучало странное удовлетворение, непонятно чем вызванное.

– Леди напрасно сомневалась, – радостно заметил священник, улыбаясь мне совсем потечески. – Если уж Богиня благословила брак, то решение правильно.

Богиня благословила брак? Но это значит... это значит, что брак теперь практически невозможно расторгнуть? Я испуганно посмотрела на Гюнтера, но он не выглядел ни расстроенным, ни злым. Словно все, что происходит, – в порядке вещей.

– Леди Штаден, если вы помните, нас ждут неотложные дела, – церемонно сказал он и потащил меня на улицу.

Это он правильно сделал. Сейчас его отец поймет, что случилось, и больше в этом храме благословений Богини не будет, потому что не будет храма. Злого Штадена-старшего я уже видела, несчастного священника стало заранее жалко: уверена, нарушение планов штаденского семейства не останется безнаказанным. Правда, что бедолага мог противопоставить божественной воле? Нет, надо вернуться и объяснить, нехорошо бросать святого отца в столь тяжелом положении. Я повернулась, но Штаден-старший уже выходил из храма с довольной улыбкой.

– Ну что, дети мои, – совершенно спокойно сказал он, – я возвращаюсь в Гаэрру и попытаюсь притушить скандал со Штраубами. Эрну обрадую, опять же. Надеюсь, с визитом к нам вы не затянете. И не лезьте никуда. Куст залейте, и хватит.

Потом так же спокойно развернулся и неторопливо пошел вверх по улице, к главной площади Траттена, на которой находился телепортационный пункт. Радовать какую-то Эрну.

– Эрна – это кто?

– Эрна – это моя мама.

И она обрадуется тому, что сын женился вот так на ком попало? Я с сомнением посмотрела вслед уходящему отцу Гюнтера. Может, его падающей балкой по голове приложило? Взглянула на храм, тот стоял целый и невредимый и разваливаться не торопился. Изнутри не доносилось криков, гудения огня, звона стекла и других звуков разрушения. Я повернулась к Гюнтеру и задала столь мучивший меня вопрос:

– И что теперь будет?

Глава 35 Гюнтер

На вопрос Фридерики, что же теперь будет, захотелось ответить, что теперь я смогу ее соблазнить, не чувствуя ни малейших угрызений совести и не нарушая своих жизненных принципов: мало того что она теперь замужняя дама, так еще и моя жена. Но девушка и без того выглядела настолько растерянной, что посвящать ее в столь личные планы было преждевременно и даже неосмотрительно с моей стороны, поэтому я ограничился нейтральным:

– Для начала вернемся в гарнизон и разберемся с розами.

– Ночью? – уточнила она.

Слишком подозрительно уточнила, поэтому я не удержался:

– Разумеется, ночью. Или у вас на эту ночь намечено что-то более интересное, связанное с изменившимся статусом? Тогда розы могут и подождать, желание дамы – закон.

И поцеловал руку жены. Не просто так поцеловал, а с намеком. Она странно взглянула, руку отобрала, повернулась и посмотрела на уходящего отца. Согласен, там было на что посмотреть: двигался родитель спокойно, уверенно, с грацией сытого хищника, догнавшего добычу, плотно отобедавшего и хорошо выспавшегося. Для своих лет он выглядел прекрасно, но это не значит, что он должен интересовать Фридерiku больше, чем я. Впрочем, ее интерес вскоре объяснился.

– Гюнтер, а с вашим папой все в порядке? – неуверенно уточнила она. – Я как будущий целитель ничего странного в ауре не замечаю, но его поведение вызывает вопросы.

– С ним абсолютно все нормально, – заверил я.

– Вряд ли ему понравилось благословение брака.

– Он еще в гарнизоне сказал, что я должен был думать о последствиях ночевки в одной комнате с девушкой.

– Но вы говорили, что у вашей мамы был случай на практике, когда ей пришлось жить в одной комнате с одноклассником, – нехотая проявила она хорошую память. – И вы тогда сказали, что ничего страшного не случилось.

– Конечно, не случилось, – согласился я. Разве брак моих родителей – это что-то страшное? А вот отсутствие его – напротив. Во всяком случае – для меня. Не поженились бы они, меня бы точно не было. Вот что страшно. Но о таких тонкостях Фридерике говорить не стал, вдруг не согласится? – Но я никогда не бегал от ответственности.

– Какая ответственность? Вы только охраняли...

– Отец посчитал, что я превысил полномочия и вы вправе рассчитывать на компенсацию.

– Да мне не нужна никакая компенсация от вас! – в отчаянии вскрикнула Фридерика. – Тем более такая! Что это за глупость, в конце концов, – компенсировать таким странным образом? Почему, почему брак благословили?

Я невозмутимо пожал плечами.

– Воля Богини. Ей лучше знать.

Она с таким подозрением посмотрела, словно это мы с папой подстроили, а не Богиня решила немного поразвлечься. Против подобных развлечений я ничего не имел, а вот Фридерика – не уверен. Похоже, случившееся ее очень расстроило. Она насупилась, переплела руки так, что побелели костяшки, и поглядывала то на храм, то в сторону, куда ушел отец. Надеюсь, что кто-то появится и скажет, что это шутка?

– Но ваш папа был так зол, когда тряс газетой с объявлением о помолвке.

– Он против договорных браков, считает, что ни к чему хорошему они не приводят. Жениться надо по любви.

– Но мы же друг друга не любим.

– Богине лучше знать.

Идеальный ответ – подходит на все случаи жизни. Вот и сейчас Фридерика замолчала, наверняка удержав при себе еще пару неудобных для меня вопросов. Подозрительность из ее взгляда не ушла, растерянность – тоже. Она явно пока не решила, как отнестись к случившемуся.

– У вас начинается время практики, – напомнил я. – Вы об этом беспокоились. Точнее, ты. Странно выглядит, когда муж с женой обращаются друг к другу официально.

– У нас фиктивный брак, – напомнила Фридерика.

– Разве?

– Мы о таком договаривались. И, Гюнтер, пожалуйста, не надо никому рассказывать, что мы поженились.

Так, это уже паника: глаза чуть расширились, готовые пролиться слезами при удобном случае. Но я таких случаев не допущу.

– Нет. Я женат на самой красивой девушке в мире и почему-то должен это скрывать?

Она нахмурилась. Комплимент не пришелся по нраву, возможно, потому что оказался тесно связан с отказом.

– Мы договаривались о фиктивном браке.

– Фиктивного брака не получилось.

Пожалуй, сказал я это несколько радостней, чем положено в таких случаях, потому что она опять превратилась в богиню мести: серые глаза потемнели, обещая гром и молнии, между бровей залегла грозная складка, а руки сжались в кулаки.

– Вы это специально.

– С Богиней договорился? – уточнил я. – Думаешь, у нас столь теплые отношения? Право, мне еще никто так не льстил.

– Но вы не были удивлены: ни вы, ни ваш отец, – обвиняюще сказала она.

– Его брак тоже благословила Богиня. По-твоему, от меня она должна была отвернуться? Я настолько хуже отца? Это даже как-то оскорбительно.

– Но у нас ненастоящий брак...

– Разве?

Она совершенно по-детски шмыгнула носом, но не расплакалась, повернулась и пошла к гарнизону. Выглядела она при этом настолько несчастной, что хотелось прижать к груди и пожалеть. Но, боюсь, это ее не осчастливит, напротив – расстроит еще больше.

– Я вам настолько не нравлюсь? – не удержался я.

– Вы себя ведете так, словно рады нашему браку.

– Но это так.

Она возмущенно сверкнула глазами, ничуть не поверив.

– Неужели?

Холодности в ее голосе позавидовала бы и Матильда. Но я все-таки подхватил ее под руку, сделав вид, что ничего страшного не случилось. До гарнизона мы дошли в молчании, столь траурном, что никто бы не заподозрил, что мы только что сочетались законным браком, да еще благословленным Богиней. Больше было похоже, что мы возвращаемся с похорон. Циммерман, зачем-то дожидавшийся на проходной, только бросил короткий взгляд и сразу заключил:

– Не договорились, значит. Леди Штрауб, право, мне очень жаль, что все так получилось...

– Леди Штаден, инор полковник, – поправил я.

Фридерика дернулась и зло поджала губы, но промолчала.

– Что-то вы не выглядите счастливыми новобрачными, – задумчиво протянул полковник.

– Поругались, – лаконично пояснил я. – У нас возникли некоторые принципиальные разногласия в отношении брака.

– Да уж, – зло выдохнула Фридерика, – принципиальнейшие.

– Да неужели два взрослых ответственных человека не найдут компромисс? – оживился полковник и игриво подмигнул.

– Не найдут, – мрачно ответила жена. – Здесь не может быть компромисса.

– Леди Штаден, не будьте столь жестоки к мужу, – укорил Циммерман. – Капитан Штаден, поцелуйте жену. Это приказ.

– А если я не хочу? – вскинулась Фридерика. – Вы мне тоже прикажете?

– Разумеется, – невозмутимо ответил полковник. – Вы же сейчас моя подчиненная, обязаны выполнять мои приказы.

Она приоткрыла рот, чтобы возмутиться, но не мог же я позволить жене пререкаться с начальством? Ни у кого еще не получалось ругаться во время поцелуя даже с тем, с кем целуешься, а уж с посторонними инорами – тем паче. Пожалуй, это первый приказ, к выполнению которого я приступил с огромным удовольствием. В моих объятьях она затихла сразу, чуть изумленно взглянула, и я почувствовал, как меня затягивает в ее колдовские глаза, как возвращается волшебство, накрывшее нас в герцогском лабиринте...

Целовать Фридерiku я бы мог бесконечно, но не на проходной же и не под присмотром стольких любопытных глаз, пусть Циммерман и одобрительно покашливал время от времени, не решаясь прерывать наш поцелуй словами. Поэтому я с сожалением оторвался от губ жены, впрочем, не выпуская ее из объятий, она же покраснела и уткнулась в мое плечо, словно хотела спрятаться от всех.

– Вот и помирились, – удовлетворенно отметил Циммерман. – Вот что, капитан Штаден, вам, конечно, положен отпуск по случаю женитьбы, но поскольку вы все равно никуда не поедете, отложим его на окончание практики вашей супруги. Или же, леди Штаден, все-таки подпишем бумаги о прохождении?

– Нет, – Фридерика даже возмущенно покрутила головой.

– Но на сегодня я вас от нее освобождаю, – решил полковник. – Сходите, поразвлекайтесь в Траттене.

– Вот всегда так, – пробасил невесть откуда взявшийся Брун. – Одним – тяжелый труд на благо родного гарнизона, другим – развлекательные прогулки в обществе леди Штрауб? И где справедливость?

– Леди Штаден, – поправил я, не без удовольствия наблюдая, как вытягивается эта наглая физиономия. – Сегодня утром мы заключили брак, благословенный Богиней.

Фридерика вздохнула, но так тихо, что ее услышал только я.

– Вот я и говорю, где справедливость? – скривился Брун. – Одним – грязная тяжелая работа по вывозу строительного мусора, а другим – брак с красивой девушкой. Я, может, тоже, хочу жениться, но инор полковник не оставляет на это времени.

– Но позвольте! – возмутился Циммерман. – Строительный мусор вы вывозите за собой, а что касается брака, так не так давно к нам приходил отец некой инориты...

– Наглый поклеп! – возмутился Брун. – Сами знаете, я так занят, что у меня и минуты свободной нет. О каких иноритах может идти речь? Мало ли что выдумывают всякие иноры, лишь бы сплавить засидевшуюся в девицах дочь. Нечего идти у них на поводу.

– Но он утверждает, что видел именно вас.

– Что он видел? Чью-то спину. Пффф... – пренебрежительно фыркнул Брун. – Этого явно недостаточно, чтобы обвинить меня.

– Спина была в мундире, – напомнил Циммерман.

Брун оскорбленно вскинул голову.

– И? Здесь в гарнизоне они у всех в мундирах. Даже у вас, инор полковник, но тому инору почему-то не пришло в голову обвинять вас. Возможно, потому что вы уже женаты? Или вот возьмем Штадена. Вы же не будете отрицать, что он тоже в мундире? – Брун довольно-таки неприязненно на меня взглянул. – Но его почему-то женят на леди Штрауб, а мне подсовывают какую-то не слишком разборчивую девицу. Которая, заметьте, запомнила только мундир. По такому признаку ее за весь гарнизон выдать можно.

– Но хотели именно за вас, – не сдавался полковник.

– Мало ли почему хотели, – отрезал Брун. – Нельзя идти на поводу у всяких штатских, иначе только тем и будем заниматься, что выполнять их требования. А это, сами понимаете, инор полковник, не слишком подходящее занятие для офицера.

Брун разливался соловьем, отстаивая свою независимость, я же потянул Фридерiku на выход: к чему стоять и выслушивать глупости, которые несет приятель, если можно провести этот день намного интереснее. День был яркий, солнечный, прекрасно подходящий для начала семейной жизни: наверное, благословение Богини распространилось и на Траттен. В воздухе пахло летом, медом и счастьем.

– А вы опасный инор, капитан Штаден, – неожиданно сказала супруга.

– Опасней Бруна?

– О, намного. С Бруном все понятно – что его интересует, о том он и говорит. А вы... Я вас не понимаю, и это меня пугает.

– Что именно тебя пугает?

– Все, – мрачно ответила она. – Например, куда мы сейчас идем?

– Смотреть розы. Теперь мы знаем, на что обращать внимание. Вдруг найдем такие же?

На лице Фридерики впервые за день появилась заинтересованность. Не зря говорят, что девушки любят цветы, особенно – розы. Вот яркий тому пример: в глазах супруги опять засияли солнечные крапинки, и она почти успокоилась. Почти, но не совсем, потому что внезапно спросила:

– И все-таки, Гюнтер, что вам от меня нужно? Только, пожалуйста, ответьте честно.

– Честно? – Требовательные серые глаза смотрели так, что не было никакой возможности слукавить, поэтому я ответил так, как чувствовал: – Тебя. Сейчас и всегда. Целиком, полностью, безраздельно. В горе и в радости. В богатстве и бедности. Пока смерть не разлучит нас. Если разлучит.

– Ужасная перспектива, – дрогнувшим голосом сказала Фридерика.

И впервые за день улыбнулась. Запахло корицей, солнцем и счастьем.

Глава 36

Фридерика

Слова Гюнтера удивили. Не похоже, чтобы он врал, да и зачем ему обманывать? И все же, все же я до конца не могла поверить. Слишком все вокруг было странным, в том числе и этот скоропалительный брак. Возможно, родители Гюнтера отчаялись его женить, вот отец и воспользовался первым же подвернувшимся случаем? Но чем его тогда Ульрика не устроила? У нее и происхождение, и связи...

Ломать голову можно было бесконечно, но сведений, чтобы получить правильный ответ, все равно не хватало. Думать и без того было о чем, поэтому я решила считать свой брак фиктивным, как это и предполагалось первоначально, а размышления перевести в плоскость, касающуюся Траттена. И перевести туда же мысли моего... гм... супруга. А то, кажется, сейчас он думает совсем не о расследовании.

– Получается, нас интересуют розы, растущие прямо у стен домов, на которых есть защитные заклинания? – уточнила я.

– Получается, – подтвердил Гюнтер.

Но смотрел он при этом так, что сомнений не возникало, что розы его сейчас занимают куда меньше меня, да и у самой невольно мысли уходили с роз на него. Да и что там в этих розах интересного? Гадкие колючие кусты. Фу!

– Значит, нам нужен только центр: в бедных районах никто не ставит защитные заклинания, – упрямо продолжила я, отвлекаясь от разглядывания мужа и изучая окрестные дома.

– Исключения бывают, – не согласился он, – но тем они интереснее. Но пока гуляем по центру.

И мы пошли гулять по Траттену, как полагается благовоспитанной супружеской паре. Гулять и осматривать город. Точнее – розы. Роз в городе было много, на мой взгляд – чересчур. Герцогство Траттенское как раз ими и славилось, так что такое обилие сортов оправдано. Но розы Траттена – лишь капля в розовом море герцогства: ведь еще есть розовые плантации... Надеюсь, нам туда не надо. Да и спрятать нужные кусты в местах без обилия разнообразных заклинаний куда сложнее.

Мы проверяли дома, идя по расходящейся спирали от центра. К обеду от обилия роз подташнивало, но ни одного похожего куста, кроме как уже найденного ранее у дома герцогского целителя, не обнаружили. Гюнтер говорил мало, но внешне выглядел совершенно спокойным, о том, что запускать сканирующие заклинания, говорило лишь небольшое напряжение руки, на которую я опиралась. Я тоже помалкивала, не желая отвлекать: слишком серьезным делом мы сейчас занимались.

На этот куст я обратила внимание совершенно случайно. На первый взгляд, он не имел ничего общего с тем, что в гарнизоне: и розы слишком мелкие и желтые, и колючки намного короче, и сам куст хилый и неухоженный. Но все же он рос у стены и было в нем что-то неуловимо-агрессивное. А главное – он не нравился мне намного больше, чем любой соседний.

– Гюнтер, посмотри те розы, – решила я сказать. – Не знаю почему, но они мне не нравятся.

– Мне уже все розы не нравятся, – мрачно буркнул он в ответ, прищурился и отправил едва ощутимый импульс.

Поддержание заклинания давалось ему с трудом – все-таки расстояние критично для таких исследований, но судя по тому, что он продолжал вливать магию, что-то там действительно было.

– Что это вы высматриваете? – раздался подозрительный старушечий голос. – Ходят здесь всякие, а потом тарелки пропадают. Синьские.

Напряжение, шедшее от Гюнтера, лопнуло, словно порванная струна, а сам он невозмутимо повернулся к пожилой иноре, преградившей нам дорогу к отступлению и выглядевшей крайне грозно: трость в ее руке очень даже могла пройти по тем, кто не придется иноре по нраву. Увесистая такая трость. Которую хозяйка держала в руке привычным хватом, совсем не немощного человека.

– Инора, ваши тарелки в полной безопасности, уверяю вас. У нас сегодня радостный день – мы

только что из храма. Вот, до сих пор не привыкли к своему счастью. Ходим по городу, смотрим на дома и мечтаем, в каком бы хотели жить. Ваш дом очень уютный, инора. И такой красивый сад.

Гюнтер говорил столь убедительно, что даже я почти поверила, а уж инора сразу смягчилась и даже трость опустила, а опустив, оперлась на нее всем своим невеликим весом. На лице появилась чуть смущенная мечтательная улыбка.

– Да, дом у меня хороший. И жили мы в нем счастливо. Жаль, что сейчас пустует: муж умер, дети разъехались, никто в Траттене не остался. Большой он для меня, а продать рука не поднимается. И сад...

Она тяжело вздохнула.

– За садом наверняка сложно ухаживать, – предположил Гюнтер. – Времени не на все хватает.

– Это вы про ту желтенькую розу? – проявила проницательность инора. – Ухаживаю я за ней. Только после смерти мужа она все чахнет и чахнет. Была бы собакой, я подумала бы, что от тоски, – она вздохнула. – И не умирает, и не живет. Другую бы я давно выкорчевала и выбросила. А эту рука не поднимается – герцогский подарок все-таки.

Рука мужа под моей чуть-чуть напряглась. Но спросил он внешне спокойно, даже небрежно, словно интересовался из вежливости, а ответ ему не слишком важен.

– Вам?

– Да что вы, мужу, – гордо ответила она. – Отто был прекрасным целителем. В сложных случаях всегда к нему обращались, Фогель злился, да куда ему до моего покойного мужа. Ни знаниями, ни умениями не вышел. Пфф... Только пыль и умеет в глаза пускать. Со Смертью Отто Траттен много потерял.

Она вздохнула и смахнула набежавшую слезу.

– Соболезную, инора.

– Да что теперь соболезновать-то? – пробурчала она. – Четыре года уже прошло. Да, четыре года. А словно вчера было...

– Некоторые потери ничем не возместить. А что ж ваш муж себя не уберег? Проконсультировался бы у коллег, пока не стало поздно.

В голосе Гюнтера звучало искреннее участие, поэтому инора, собравшаяся уж было оскорбиться неуместностью расспросов, все же неохотно ответила:

– От грабителей не проконсультируешься. Ночью возвращался, да и... Герцог потом так сокрушался, что не настоял, чтобы муж в его экипаже вернулся. Но Отто упертый... был. Если уж захотел пройтись после тяжелой работы, так никакие уговоры бы не помогли. Разве что силой запикивать. Облавы устраивали, но так никого и не нашли... А хотите, я вам комнату сдам? – внезапно предложила она. – Или даже полдома? Не бойтесь, много не запрошу. Глядишь, и оживет розочка, когда в доме опять зазвучат голоса и смех.

Я вздрогнула. В то, что роза оживет, я поверила сразу, только вот не оттого, что в доме появится счастье, а оттого, что в доме появится жизнь, которую можно будет тянуть.

– Неожиданное предложение, – улыбнулся Гюнтер. – Район у вас, конечно, хороший. Но на доме нет даже защитных заклинаний.

– Артефакты есть, можно зарядить и активировать. Сама я не маг, а зарядка артефактов – дело затратное, – пояснила инора. – Вот и решила: все ценное сдать в банк, да и отключить. Экономия. – Последнее слово она произнесло с уважением, подняв сухой узловатый палец. – Да и, грешным делом, подумала: залезет кто, так встречусь с моим Отто пораньше. Но никто не лезет. – Она грустно помолчала и предложила: – Соглашайтесь. Наверняка при гарнизоне живете, а что это за жизнь для молодой семьи? Хотя пока для вас, конечно, важнее не где, а с кем.

Она лукаво улыбнулась, и я невольно улыбнулась в ответ и, как ни странно, действительно почувствовала себя новобрачной. Этакой беззаботной девочкой, только что вышедшей замуж за самого-самого лучшего инора и очень счастливой от осознания этого. Пришлось напомнить себе не расслабляться. Кристиан прав – ничего хорошего меня в компании Штадена не ждет.

Пусть даже он умеет говорить такие красивые слова, от которых в груди становится тепло и хочется делать глупости.

– Гюнтер, дорогой, вот ты где!

Манерный голос Матильды нельзя перепутать ни с чьим другим. Она сделала вид, что меня не замечает. Меня и пожилую инору, которая с чуть смущенной улыбкой с ней поздоровалась.

– Такой день, такой день, а ты проводишь его в компании всяких сомнительных личностей, – с пренебрежением сказала она, подхватывая моего мужа под свободную руку. – Гюнти, мне надо с тобой поговорить. Наедине. Это очень важно.

– А если я не хочу говорить с тобой наедине? – спросил он, пытаясь ее стряхнуть.

Но герцогини легко не стряхиваются. Заметила я это давно, а сейчас лишь получила подтверждение: Матильда просто делала вид, что ничего не замечает, и держалась так же цепко, как клещ, впившийся в собаку.

– Это в твоих интересах. Пока ты не совершил глупости, я должна открыть тебе глаза. Я рассчитывала, что это сделают твои родные, но, смотрю, они не торопятся.

– Почему же не торопятся? Тетя Эльза на радостях сразу отправила объявление в газету.

Матильда на миг застыла от удивления. Но лишь на миг.

– Твоя тетя всегда рассчитывала, что ты выгодно женишься, – с возмущением припомнила она. – И я ей никогда не нравилась. Она говорила, что ты достоин лучшей партии. И лучшая партия – вот эта Штрауб? – Она наконец посмотрела на меня и даже рукой махнула в мою сторону – а ну как Гюнтер ошибется и подумает на кого-нибудь другого? – Уверена, твой отец будет против. Ему эти соображения никогда не нравились.

Я с удовлетворением припомнила, что и сама Матильда не нравилась отцу Гюнтера, захотелось бросить ей это в лицо, но увы, положение обязывало молчать: сейчас я часть семьи Штаденов, а значит, выдавать такую информацию посторонним не имею права.

– Он настолько не был против, что лично отвел нас сегодня утром в храм, – усмехнулся муж. – Побоялся, что и эта невеста передумает и предпочтет мне герцога, который очень навязчиво не так давно к ней приставал.

Матильда наконец отцепилась от Гюнтера. Охнула, прикрыла обеими руками рот и вытаращила глаза. Наверное, посчитала, что так показывает глубину страданий, которые тут же сделала достоянием благодарных слушателей: пожилая инора не ушла, а очень внимательно, приоткрыв от восторга рот, смотрела на разворачивающуюся перед ней сцену из бульварного романа, разыгрываемую довольно посредственной актрисой.

– Гюнти, как ты мог поступить так со мной? – трагично спросила герцогиня. – Нет, я прекрасно понимаю, что, увидев вчера, как мы счастливы с моим дорогим Валентином, ты меня приревновал. Но сделать такую глупость? Жениться на ней?

Матильда всхлипнула, столь громко, что заглушила невольно вырвавшийся у меня смешок. И хорошо, что заглушила. Все-таки не слишком прилично смеяться над герцогинями, даже столь глупо себя ведущими. В то, что Гюнтер ее приревновал к мужу, не поверил бы ни один из герцогских гостей. То, что он приревновал меня, казалось намного правдоподобней.

– Ваша Светлость, вы бы перестали приставать к моему мужу, – не удержалась я, – а то, боюсь, ваш муж начнет сомневаться в своем семейном счастье.

– Да какое у них семейное счастье, – пробурчала инора, о которой все благополучно забыли. – Там сразу все пошло не так, Отто рассказывал. Как герцог нужный результат не получил, так и потерял интерес к супруге.

Матильда теперь охнула совсем по-настоящему и наконец обратила возмущенное внимание на ту, с кем мы беседовали до ее появления. Узнала, поняла, что это не тот свидетель, который подтвердит влюбленность Гюнтера в нее, и пренебрежительно скривилась.

– Инора, вы бы не распускали слухов, за которые и под суд пойти можно, – высокомерно процедила она. – Слухов, не имеющих под собой ни малейших оснований. В вашем возрасте, что не дослышивается, то додумывается. Вот и сейчас подслушиваете разговор, который вас не касается, а потом будете выдавать свои измышления за истину.

– У меня прекрасный слух, Ваша Светлость, – оскорбилась инора. – И прекрасная память, уж намного лучше вашей. И если уж на то пошло, то это вы влезли в разговор, который вас не касался.

Тяжелую деревянную трость она чуть приподняла для вящей убедительности своих слов. Матильда бросила короткий взгляд на Гюнтера, прикидывая, захочет ли он защитить ее от этой угрозы, но по виду мужа было непонятно, на чью сторону встанет в случае открытого противостояния с применением холодного оружия ударно-раздробляющего действия, поэтому она решила не рисковать и резко поменяла тональность.

– Меня не может не касаться разговор моих друзей.

– Друзей? – насмешливо переспросила я.

– Небольшие разногласия между нами не могут повлиять на нашу дружбу, – Матильда внезапно сладко мне улыбнулась.

– Разумеется, – я постаралась улыбнуться не менее сладко. – На нашу дружбу повлиять вообще ничего не может.

Потому что нет ее, этой дружбы, и быть не может. И это она еще не знает, что я – не Ульрика. А как узнает, Матильду уже больше ничего не будет сдерживать в дружеском расположении ко мне. Так она хотя бы опасается лорда Штрауба...

– А поэтому мы с Валентином ждем вас сегодня к ужину. Уверена, мой муж будет счастлив вас увидеть. А известие, что вы обрели семейное счастье, его необычайно обрадует.

– К сожалению, сегодня вечером мы не можем, – сразу отказался Гюнтер. – Видишь ли, у нас на него совершенно другие планы.

И сказал он о планах как-то так, что я сразу начала краснеть, а Матильда – злиться. Что она там себе напридумывала, я не знаю, зато знаю, какие у нас планы – разобраться с розами в гарнизоне. И об этих планах таким тоном говорить просто неприлично.

Глава 37 Гюнтер

Бывшая невеста вызывала тупое ноющее раздражение. Вежливо отделаться от нее и продолжить расспросы милой иноры, оказавшейся кладезем ценных сведений, не получилось. Матильда намеков не понимала, не понимала и прямо высказанного желания остаться вдвоем с женой. Она жалобно поджимала губы и строила глазки, намекая, что прекрасно видит, как мне приходится притворяться, лишь бы вызвать ее ревность. Вдове траттенского целителя надоело смотреть на цирк, устраиваемый герцогиней, – уж слишком тот был однообразным, и она ушла, напоследок напомнив, что готова сдать жилье за умеренную плату. Жилье нам было не очень-то и нужно. На мой взгляд, его был даже избыток: не считая двух комнат в гарнизоне, была еще квартира в городе. Очень уютная квартира с не слишком навязчивой хозяйкой, вполне достаточная для начала семейной жизни. Еще одна съемная жилплощадь была бы лишней, если бы к ней не прилагалась хозяйка.

– Вы действительно хотите поселиться у этой хамки? – с ярко выраженным презрением спросила Матильда, впрочем, дождавшись, пока «хамка» отойдет достаточно далеко, чтобы не услышать оскорбления в свой адрес.

– Ты что-то имеешь против? Милый домик с прекрасным садом, а главное – удаленный от гарнизона. Сама понимаешь, медовый месяц...

Звук, донесшийся от Матильды, не вязался с обликом светской красавицы и больше всего напоминал скрежет зубов. Наверное, не пришелся по сердцу наш медовый месяц. И неудивительно – использовать чужого мужа сложно, даже если постоянно ему твердить, что он влюблен вовсе не в жену. Но если она будет все принимать столь близко к сердцу, скоро останется без зубов.

– Медовый месяц – это замечательно, – кисло сказала Матильда. – Но к чему проводить его в полуразвалившемся доме? У нас есть замечательные гостевые комнаты, мы с моим дорогим Валентином будем рады предоставить вам любую.

– Не думаю, что «дорогой Валентин» обрадуется подобному предложению.

– Конечно, обрадуется, – Матильда подозрительно оживилась и заулыбалась, в том числе – Фридерике. – Валентин ужасно любит гостей. Он будет счастлив, если вы у нас проведете медовый месяц.

Что-то подсказывало, что в случае согласия одним счастьем дело не обойдется, герцог непременно захочет поучаствовать в проведении медового месяца и отнюдь не только ценными советами. Но озвучивать мысли не стал, сказал лишь, что подумаем. Холодно так сказал, но этого хватило, чтобы Матильда окончательно пришла в себя.

– Я распоряжусь подготовить комнату. Или лучше две? Правильно, когда у мужа и жены отдельные спальни.

Улыбка стала совсем естественной, похоже, Матильде пришел в голову вариант, который можно обратить на пользу. Но то, что идет на пользу Матильде, не идет на пользу мне.

– Нам одной хватит, лишь бы там была кровать.

Фридерика опять забавно покраснела, Матильда же перестала улыбаться и зло выдохнула, сдержав в себе какую-то гадость. Зря это она. Сдерживаться вредно. Лицо перекашивается, внутренние органы страдают, зубы, опять же, крошатся...

– Кровать будет, я обещаю.

Она опять улыбнулась, но столь криво, что я заподозрил: ножки у этой кровати подпилит лично Ее Светлость. Разве можно кому-нибудь доверить столь ответственное поручение? И не сделает как надо, и разболтает. И вообще, этот переход от обвинений к дружескому расположению был странен и необъясним. Матильда расточала улыбки и яд, которым, казалось, уже пропиталось все вокруг.

Я посмотрел на дом ушедшей иноры. Занятный дом. И инора занятная. Но показывать свою заинтересованность Матильде нельзя. Да и таскаться с таким балластом по городу – тоже.

– Дорогая, а твой муж по тебе не соскучился?

– Так мило, что ты обо мне заботишься. Не волнуйся, Валентин в это время обычно отдыхает. –

Матильда сделала вид, что намека не поняла, и лишь крепче вцепилась в мою руку. – Он, знаешь ли, работает по ночам. Говорит, самое продуктивное время.

Я вспомнил храпящего герцога на парковой скамейке. Если он везде работает так же продуктивно, то искренне надеюсь, нашему королю не придет в голову назначить его на какой-нибудь пост, важный для Гарма. Хотя, может, герцог отсыпается днем, а вот ночью... ночью проявляет чудеса работоспособности после очередной дозы орочных травок.

– А твой сын тоже в это время спит? Иначе такая заботливая мать была бы рядом.

И не мешала бы устраивать личную жизнь посторонним инорам. Впрочем, в ее заботливости я сильно сомневался: создавалось впечатление, что стоит мне лишь только выйти за проходную, как Матильда бросала все дела и устремлялась меня обрабатывать. Пожалуй, теперь я не знаю, чего ей больше хотелось: чтобы я убил ее мужа или чтобы ее муж убил меня. Но как выяснилось, мы с ним совершенно неревнивы. Во всяком случае по отношению к Матильде.

– И все же, я хотела с тобой поговорить, – уже с ноткой обреченности сказала она. – Наедине.

– В другой раз.

И даже улыбнулся, чтобы она не подумала, что другой раз можно откладывать бесконечно и лучше все разрешить сейчас. Но сомнения у нее появились: на Фридрику она посмотрела хмуро, на меня – недоверчиво. Висеть на моей руке бывшая невеста могла бесконечно, что меня никак не устраивало.

– Дорогая, мы проводим тебя до экипажа, – радостно предложил я. – Я полагаю, он где-то рядом?

– Да, за углом, – неохотно подтвердила Матильда.

И столь же неохотно пошла со мной. Точнее, не пошла, пришлось ее чуть приподнять и незаметно для окружающих левитировать. Она возмущенно на меня таращилась, пыталась хотя бы носочками зацепиться за мостовую и усложнить перемещение, но я ей не дал такой возможности. К герцогской карете она была доставлена в целости и сохранности, и даже, для полной надежности, туда всунута. В моей жизни бывшая невеста была совсем лишней, пусть она этого никак не хотела признавать.

– Вы очень любезны, – сладко улыбнулась она, расправляя на сиденье юбки и бросая гневные взгляды попеременно то на меня, то на Фридрику. – Так я распоряжусь, чтобы вам приготовили комнату?

– Разве что вы ожидаете гостей. Ради нас не стоит беспокоиться.

Дверцу я хлопнул и даже дал сигнал тронуться. Карета покатилась, увозя Матильду все дальше и дальше. Рядом облегченно выдохнула Фридрика.

– Какая счастье. Я думала, она от нас никогда не отстанет. Возвращаемся к той иноре?

– Пожалуй, нет. За нами явно наблюдают. И если закрыть наш разговор я могу, то передвижения – нет. То есть тоже могу, но это уже будет слишком подозрительно. А нам сейчас главное – не вызывать никаких подозрений.

И в подтверждение своих слов притянул к себе Фридрику, увидел, как у нее испуганно расширяются глаза, и нежно поцеловал в щеку. Для других поцелуев и время, и место были неподходящими.

– Мы гуляем по городу. Гуляем и рассматриваем дома. Возможно, чтобы снять. Можно подобрать несколько вариантов и завтра пройти по всем, обсудить условия.

Фридрику я не отпускал и шептал все это ей на ушко. Так, что со стороны создавалось впечатление, что я говорю нечто очень интимное. Ушко розовело, словно это на самом деле было так. И розовело столь заманчиво, что мне самому уже казалось, что говорю я совсем не то, что говорю.

– Чтобы гулять, необязательно обниматься, – прошептала она, не делая, Впрочем, попыток вырваться.

– Чтобы гулять – необязательно, – согласился я, не делая, Впрочем, попыток ее отпустить. Этак отпустишь – и нескоро поймает, а держать ее было необыкновенно уютно. Я чуть дразняще

провел рукой по ее спине, и Фридерика испуганно отшатнулась. Эх, поторопился, а так бы стояли и стояли... – Но создавать видимость для наблюдателей надо.

– Не пора ли пообедать? – чуть подрагивающим голосом спросила жена. – Меня уже ноги не держат.

– Меня тоже, – подхватил я идею. – Думаю, нам необходимо срочно прилечь. У меня здесь поблизости квартира, там замечательная кровать.

– Пока достаточно срочно присесть, – возразила она.

– Пока? Это радует.

– Гюнтер, у нас серьезное дело. Возможно, опасное.

– Не возможно, а точно, – поправил я.

– Тем более, нужно относиться со всей серьезностью.

– Я и отношусь со всей серьезностью.

– Разве? А что тогда сейчас было? – ехидно спросила она.

От смущения жена оправилась. Глаза блеснули, а губы складывались в улыбку. Лучше бы приоткрывались для поцелуя, но улыбка – тоже неплохо. Я, недолго думая, опять привлек ее к себе.

– А я ко всему отношусь серьезно. Правильная расстановка приоритетов.

Она задумчиво посмотрела, но не стала уточнять, что сейчас у меня в приоритете. Наверняка догадывалась, что отвечу. Да, в приоритете – Фридерика, поэтому нужно как можно скорее закрыть историю с розами, чтобы ей больше ничего не угрожало. Не думаю, что Фальк белел просто так, из желания соответствовать стене дома, у которого стоял.

– И все же надо пообедать. На голодный желудок приоритеты правильно не расставишь, – заметила Фридерика. – Потом, энергии вы сегодня потратили много, нужно как-то восполнять.

– Да там сколько там этой энергии на легкие сканирующие...

– А герцогиню унесло ветром? – ехидно уточнила Фридерика.

– Ветром, – согласился я. – Сегодня необычайно сильный ветер.

– Тогда нам тем более нужно скорее поесть, а то и нас унесет.

Она уперлась мне в грудь ладонями, явно желая, чтобы ее отпустили. Честно говоря, я и сам хотел есть, но намного меньше, чем не хотел отпускать Фридерiku. Но она усилила нажим, и я сдался. Действительно, обниматься на улице – дурной тон. Тетя бы не одобрила. Не то чтобы я нуждался в ее одобрении, но лишний раз родственницу расстраивать не стоит. Ей и без того сегодня достанется. Пришлось взять жену под руку и чинно проследовать в ближайший ресторан, в котором, к счастью, не было ни Матильды, ни Фалька. И даже Бруна поблизости не наблюдалось. Просто небывалое везение! Обстановка почти романтическая, сейчас принесут шампанское, и тогда она совсем романтической станет. Главное, рассчитать правильное количество спиртного. Я начал прикидывать, сколько нужно для Фридерики...

– Гюнтер, эти розы... они же не просто так? Они настроены на целителей?

– Я бы не стал так категорично утверждать. Да, пока все найденные розы у домов целителей, но их только три. И питаются они от защитной сети, поэтому сегодняшняя такая дохлая, а роза в гарнизоне – цветет пышным цветом и прекрасно себя чувствует.

– Но они же на что-то влияют?

– Влияют, – согласился я. – Но, Фридерика, ни ты, ни я не понимаем, что они делают. Возможно, профессия мага или немага не имеет никакого значения. У нас слишком мало данных.

И брать их неоткуда. Прижать Фалька? Он точно в курсе происходящего. Но что-то мне подсказывает, что этот прохвост теперь будет всячески нас избегать. Разве что наведаться к нему под покровом ночи? Сразу после того как разберемся с розами, если не найдется занятие

поинтереснее. Я вопросительно взглянул на Фридрику, она сурово нахмурилась. Понятно, не найдется. Значит, будем развлекаться с Фальком. Так себе развлечение, конечно, но при отсутствии альтернативы...

– Где живет Фальк?

– В Траттене? – уточнила она. – Я знаю только гаэррский адрес, но он вряд ли вам нужен.

Я испытал укол ревности оттого, что Фридрика знает адрес Фалька в Гаэрре, но лишь терпеливо поправил:

– Тебе.

– Мы не настолько хорошо знакомы.

Она насмешливо приподняла бровь, таким вызывающе-дразнящим жестом, что он был больше похож на заигрывание, чем на желание уязвить, поэтому я тоже приподнял бровь и заметил:

– С Фальком ты достаточно хорошо знакома, чтобы быть на «ты», но недостаточно, чтобы знать его адрес.

– В Траттене не его, родительский. Но адрес наверняка знает инор Вайнер, они давно и плодотворно сотрудничают. Правда, в этом месяце я немного подпортила Кристиану коммерцию и сэкономила гарнизону приличную сумму за зелья.

В ее голосе звучала законная гордость, вполне оправданная: Вайнер нахваливал нечаянную помощницу и говорил, что талант есть, целительская интуиция – тоже, а еще есть желание учиться и помогать.

– Думаю, инор Вайнер не откажется подсказать адрес Кристиана. Мне, разумеется.

Почему-то эта идея мне не понравилась. Мало ли что подумает Вайнер, когда Фридрика обратится с подобной просьбой.

– Моей жене адреса посторонних иноров не нужны, – запротестовал я.

– Тебе инор Вайнер может не сказать. А мы же собираемся к Кристиану в гости?

– Мы?

– Мы, – твердо ответила она. – Во-первых, все это касается непосредственно меня. А во-вторых, я не уверена, что после общения наедине с тобой Кристиану не понадобится помощь целителя.

Допускать, чтобы Фридрика влезла в расследование, нельзя. Если Фальк решит, что ее деятельность представляет опасность для его жизни, он может не ограничиться трусливым бегством, а доказать свою лояльность преступнику, сдав беззащитную девушку. Ее нужно было срочно отговаривать, поэтому я проникновенно спросил:

– Фридрика, ты мне доверяешь?

– Ни капельки, – честно ответила она.

Глава 38

Фридерика

Гюнтер столь упорно уводил разговор в сторону от расследования, что я заподозрила: он что-то знает кроме уже известного мне. Но делиться не торопился, возможно, потому что на вопрос, доверяю ли ему, я ответила отрицательно. Правда, уверена, скажи я «да», он тоже ничего не открыл бы, заявив, что тогда я не должна расспрашивать и все это для моей пользы. Знаем, с Кристианом проходили. Как ни странно, за Кристиана я продолжала беспокоиться, особенно после желания Гюнтера сходить к нему в гости без меня. Если уж на то пошло, приличные семейные пары в гости ходят только вместе. Тут я подумала, что, во-первых, приличные семейные пары не ходят в гости по ночам, а во-вторых, вряд ли нас можно считать приличной супружеской парой...

Больше в центре подобных роз мы не нашли, но решили пройти еще раз, обращая пристальное внимание на дома без охранных заклинаний. На мой взгляд, это было чревато: как бы на нас самих не обратил пристальное внимание местный Сыск. Интерес к неохраняемым домам может трактоваться неоднозначно. Докажи потом, что интересовались исключительно цветами. То, что розы непростые, видит только Гюнтер, моего Дара уже не хватает, хотя он не такой уж и маленький. Возможно, конечно, не хватает не Дара, а умений, но и в этом случае в местном Сыске таким специалистам точно неоткуда взяться.

Ходили мы до позднего вечера, только один раз прервавшись на ужин, и Гюнтер предложил возвращаться. Сделал он это как-то так, что я сразу вспомнила, что мы теперь женаты, кровать в комнате одна, а спать на полу ему не нравится.

– А давай еще поищем? – с энтузиазмом предложила я. – Ночной Траттен очень красив.

– В ночном Траттене так темно, что мы вряд ли что увидим, – усмехнулся Гюнтер. – Фонари стоят только на центральных улицах, а на остальных, если не подсвечивать себе огоньками, единственное, чем можно заниматься, – целоваться в укромных уголках, а то и прямо на улице, все равно никто не увидит. Действительно, почему бы еще не погулять.

И так посмотрел, что я тут же сказала:

– Действительно, уже почти стемнело, можно заняться розами под окном.

– Конечно, – сразу же подтвердил он.

Как-то так подтвердил, что я сразу подумала, что целоваться можно не только на улице, но и в его комнате. В комнате даже намного удобнее. Для него, конечно. Богиня, куда ни посмотри – везде одно и то же. С другой стороны, если удастся справиться с розами, то я смогу вернуться к себе в комнату, поскольку у Гюнтера не будет причины меня удерживать.

Эти мысли приободрили, и возвращение в гарнизон прошло для меня не столь мрачно. Дежурный на проходной немного повозмущался, что мы так поздно, но когда Гюнтер веско сказал: «Выполняли приказ полковника Циммермана», сразу замолчал и пропустил. В целительском корпусе стояла тишина. Неурочных пациентов не было, а Вайнер, как я успела заметить, пользовался любой свободной минутой, чтобы поспать, иной раз даже днем. Поскольку его помощь могла потребоваться в любое время суток, такое поведение было оправдано. Но сейчас я бы предпочла, чтобы он нас встретил, а если не он, то хотя бы Брун. Брун даже как-то надежнее: от него сложнее избавиться. Я огляделась, но у целительской не заметила никого из офицеров. Наверное, известие о нашем браке нанесло сокрушительный удар по их завоевательным планам.

Ведро мы взяли в приемной, там же набрали воды.

– Вскипячу на месте, – решил Гюнтер. – При необходимости вскипячу еще пару ведер.

– А как же след магии?

– Мы не магией зальем, а кипятком. Как его грели, никто не будет разбираться. А розы погибнут от естественных причин. Неустановленных.

Если погибнут. При взгляде на эти воинственно торчащие ветки возникло обоснованное подозрение, что неизвестно, кто выйдет победителем из схватки. Уж очень уверенным выглядел противник. Почему-то страх не проходил, напротив – усиливался и пытался перейти в панику. Мне показалось, что Гюнтер тоже немного засомневался в исходе, но говорить

ничего не стал, поставил ведро около куста, и почти сразу вода забурлила.

– Отойди подальше. Мне за спину.

В другое время я бы возмутилась и тону, и словам, но сейчас постаралась точно следовать указаниям мужа: встала так, чтобы между мной и розами был он. Гюнтер взял ведро и аккуратно, но быстро вылил на куст. Миг ничего не происходило, а потом над кустом в дымке водяного пара появился фантомный розовый бутон, совсем не фантомно клацнувший зубами, внезапно появившимися в сердцевине, и устремился к нам с такой скоростью, что у меня появилась уверенность, что овдовею я прямо сейчас, но вдовой долго не проживу. Так, секунды две-три.

Но на пути хищного цветка появился щит, куполом закрывший меня и мужа. Бутон ткнулся в него, ощутимо прогнув, побесновался пару секунд, вернулся к кусту, смял оставленное ведро в лепешку и ввинтился с ним куда-то к корням. Победил, забрал трофей и сейчас наверняка его нагло жрет, чтобы нарастить еще больше шипов, усиленных металлом. Показалось, что слышу довольное чавканье. Бутон больше не появлялся, но Гюнтер продолжал держать щит.

– Что это было? – подрагивающим голосом спросила я.

И подошла поближе к мужу: в случае чего купол меньшего размера держать проще и магии он потребляет меньше.

– Орк его знает. Куст использует защиту здания на полную. Отрубить бы, но, боюсь, это пока не сильно повлияет, поскольку эта гадость создала запасы, размер которых оценить сложно.

Отвечал он в своей обычной невозмутимой манере, но общая напряженность и стекающая по виску капля пота указывали, что на самом деле не так уж он и спокоен. И это встревожило еще сильнее.

– Получается, если бы ты не успел выставить щит, мы бы погибли?

– Что значит «не успел»? – оскорбился Гюнтер. – За кого ты меня принимаешь?

Щит он не убирал и не сводил с куста настороженного взгляда. Но тот опять притворялся обычным мирным растением: ветви легко покачивались на ветру, цветы раскрывались, источая нежный аромат, и даже, шипы, казалось, убрались внутрь стебля и были не столь огромными, как всегда.

– То есть был бы на твоём месте кто-то не настолько тренированный, то здесь лежали бы два трупа? – переформулировала я предположение в менее обидную форму.

– Трупы не лежали бы, – ответил он, но не успела я успокоиться, как добавил: – Скорее всего, эта пакость бы их сожрала. Надо узнать, не пропадал ли кто в гарнизоне. Папина идея оказалась не слишком хороша, но он и не видел этого монстра. – Он обнял меня, притянул к себе и скомандовал: – Медленно отступаем.

Когда мы отошли на достаточное, по его мнению, расстояние, он убрал охранный купол. Я сразу почувствовала себя беззащитной перед розами и спросила:

– И что теперь?

Ответить Гюнтер не успел, поскольку из темноты донесся радостный бруновский голос:

– Чем это вы здесь занимаетесь? Стоят, обнимаются, офицеров смущают.

– А тебя чего сюда занесло? – недружелюбно ответил вопросом на вопрос Гюнтер.

– Попробуй не заметь такой мощный магический всплеск. Вас, что, защита не пускает? Могу помочь во вскрытии. Но лучше разбудите Вайнера. Он привычный. А то начну помогать, и сразу прибежит Циммерман и начнет орать, что портите казенное имущество. Знаем, проходили. – Он укоризненно посмотрел и добавил: – И ведь наверняка опять обвинят меня. Действительно, зря я прибежал. Но с другой стороны, как не прибежать? Вдруг пропущу что интересное?

– Самое интересное ты пропустил. На нас напала роза.

– Так же, как тогда на меня? – оживился Брун. – Я давно говорю, гадкое вредное растение. Надо герцогу вернуть, пока не поздно.

– Боюсь, оно вернуть себя не позволит. Не знаешь, пропадал кто в гарнизоне?

Брун выразительно посмотрела на Гюнтера и столь же выразительно постучал себя по лбу. Звук получился гулкий, словно тарабанили по пустой бочке. Не думаю, что там действительно было пусто, скорее, офицер добавил звуковую иллюзию для вящего эффекта.

– Гюнтер, смотрю, тебе женитьба на пользу не пошла, совсем думать разучился. Неужели труп на колючках не заметили бы? Даже если бы сюда не заходили, что, сам понимаешь, маловероятно, он же еще и завонял бы. А Вайнер никакого беспорядка у себя не терпит. Нет, зелья и у него есть вонючие, но это же его родное, а постороннюю вонь он пресекает сразу. В случае чего и носки менять отправляет, и мыться. А тут целый труп...

– И все же, пропадал кто с концами или нет? Скажем, ушел в самоволку и не вернулся?

– У Циммермана? Смеешься? У него в самоволку никто не уйдет, даже мышь. – Брун печально вздохнул, наверняка что-то припоминая. – За все время, что я здесь, никто не пропадал. Пропадешь здесь, как же. Вне разрешенных часов вход-выход только по распоряжению полковника. Не успел вовремя – торчи до утра в гарнизоне или Траттене. Нда. Я как-то свидание из-за него пропустил.

– Ночью?

– Конечно, ночью. Ночью самая романтика. – Брун печально подкрутил ус. – Вы вон тоже по ночам у роз развлекаетесь, хотя, казалось бы, все условия в комнате есть. Но учтите, если что, полковнику поутру все доложат.

– Что «если что»?

– Если у роз будете развлекаться так, как обычно делаете на кровати, – бухнул Брун уже безо всяких экивоков. – Здесь мало кто понимает толк в развлечениях. Да и возможностей нет. Позавидуют, и все, выговор обеспечен. – Он скривился. – За безнравственное поведение, маршающее светлый офицерский облик. Леди Штрауб это, конечно, не коснется, она не офицер, но ей заявит, что пачкает светлый целительский.

– Леди Штаден, – поправил Гюнтер.

– Какая разница? – удивился Брун. – Пачкает целительский облик. А уж леди Штрауб или леди Штаден – все равно. Важен результат, а не то, как называется тот, кто его достиг. Циммерману на таком лучше не попадаться. Так что идите к себе, пока еще кто не прибежал. Я-то что, я промолчу, а вот некоторые офицеры – нет. Выслуживаются, орочки пасынки. Сразу расскажут, и что видели, и что не видели. Фантазия у некоторых – не дай Богиня.

Он презрительно хмыкнул куда-то в сторону, явно на кого-то намекая. На всякий случай уточнить, как, поливая розы, можно испачкать светлый целительский образ, я не стала, поскольку ответ слышать не хотела: судя по всему, фантазия Бруна ничуть не уступает фантазии тех, кого он обозвал орочьими пасынками.

– Мы уходим.

– И правильно, – мрачно сказал Брун. – А то увидят нас троих, наговорят потом орк знает что, и мне опять выговор влепят. Было бы за что – не так обидно было бы.

Намек, прозвучавший в его словах, Гюнтер проигнорировал, и хотя Брун проводил нас до самой двери целительского пункта, внутрь его никто не пригласил. Ни чай попить, ни чего другого. Именно это капитан обиженно пробасил с другой стороны двери.

– А не опасно было рассказывать? Вдруг он тоже замешан? – высказала я мучившие меня мысли, лишь только мы отошли от двери.

– Брун? – удивился Гюнтер. – Он не станет ни в чем противозаконном участвовать.

– А если разболтает кому не надо?

– В его интерпретации получится, что мы свалились в розы во время... – он продолжать не стал, но я прекрасно поняла и без этого и смутилась. – Ночь, романтика, лепестки роз, устилающие брачное ложе...

– Как бы эта роза не устелилась нами, – мрачно ответила я.

– Не устелится. Уничтожить-то я ее мог, и в крайнем случае так и поступил бы. Правда, в этом случае устелить ложе было бы нечем – не умею избирательно уничтожать.

– О, можно не волноваться, устелить все равно нечего – брачного ложа нет, – как можно беззаботнее ответила я.

– Как это нет? – фальшиво удивился он. – Придираешься. Конечно, в нашей комнате кровать не слишком широкая, но если уж ты настолько привередлива, нужно было соглашаться на мою квартиру. Там кровать приличных размеров. Есть что устелить. Возвращаемся? Лепестков надергаем по дороге.

– С этой? – я махнула в сторону куста.

Его, конечно, не было видно, но я его чувствовала даже через стену. Даже с закрытыми глазами могла указать, где эта пакость.

– Есть намного более красивые розы, – заметил Гюнтер и притянул меня к себе, явно собираясь поцеловать.

Этого допускать было нельзя: его поцелуи действовали оглушающе, этак я сама не замечу, как брак из фиктивного станет настоящим, а я не уверена, что это правильно, пусть даже Богиня нас благословила. Мало ли из каких соображений она это сделала?

– Я согласна только на ту, – в панике выпалила я. – Иначе это будет неправильное брачное ложе!

– То есть как только я общипаю тот куст и усыплю его лепестками любую кровать, она сразу же станет нашим брачным ложем? – заинтересованно спросил Гюнтер.

И это показалось настолько невозможным, что я тут же без колебаний выпалила:

– Да!

Глава 39 Гюнтер

Пугать Фридрику не хотелось. Но и без моего на то желания она почему-то боялась меня куда больше, чем роз. Утренний поцелуй по приказу Циммермана так и оставался единственным на сегодняшний день. При попытке увеличить их количество, Фридрика запаниковала настолько, что непременно упала бы с лестницы, если бы я ее не удержал. Пришлось срочно переключаться с мысли, как до нее добраться немедленно, на мысль, как это сделать вообще. В таком деле торопиться нельзя. Конечно, у нас еще вся жизнь впереди и подходов найдется множество. Но не ждать же всю жизнь? Так и состариться можно. На один вариант жена навела сама, обрисовав весьма интересную задачу: уничтожить розовый куст так, чтобы цветы не пострадали. В идеале, конечно, было бы их оборвать до полного уничтожения противника, но вряд ли куст без сопротивления расстанется со своим украшением. Заклинание должно быть точным, практически ювелирным, и одноразовым: второго шанса эта пакость не даст.

У двери в свою комнату Фридрика приостановилась и с тоской на нее посмотрела. Но у меня был железный аргумент: ночевать там без защиты опасно, а защитного артефакта нет. Не говорить же, что я его таки сделал? Прекрасный артефакт, экранирующий от всех видов магии. В первый день он у меня действительно не получался как надо, слишком сильным было влияние защитной сети, а через нее – роз. Потом я учел все что нужно и даже воплотил это в артефакте в правильном порядке. Возможно, он был не столь элегантен, как сделанный бы мамой или даже младшим братом, и слишком энергозатратен, но он работал, и это все, что сейчас от него требовалось. Но к тому времени я уже не хотел, чтобы Фридрика перебралась назад в свою комнату, даже если после этого я опять буду спать в нормальной кровати. Поэтому артефакт повис рядом с моими остальными, а я продолжал изображать усиленную мозговую деятельность.

– Может, мне все-таки лучше к себе?

– Смысл? – удивился я. – Куст никуда не делся, а мы женаты.

– Фиктивно.

– Это пока, – обнадежил я.

Она посмотрела так, словно я ее оскорбил.

– Что значит «пока»? Мы договаривались на фиктивный брак.

– А как же воля Богини?

– Слушаетесь старших, инор капитан? – ехидно спросила она. – Похвально. Правда, в вашем возрасте обычно выбирают спутницу жизни самостоятельно...

– Я и выбрал. Богиня просто подтвердила правильность выбора.

Фридрика недоверчиво улыбнулась.

– Вам папа навязал.

– Мне что-то навязать невозможно.

– Вы же не будете утверждать, что планировали на мне жениться?

– Так скоропалительно – нет. В результате мы пропустили один из интересных этапов ухаживания. Зато можем приступить сразу к не менее интересному.

– И не надейтесь, – она возмущенно ткнула пальцем в мою грудь очень точным и ловким движением. – Никаких этапов, кроме развода.

Ее руку я поймал и поцеловал, нежно, но с намеком.

– Фридрика, а как же брачное ложе с лепестками? Или твое слово ничего не стоит?

Она мгновенно вспыхнула, как маленький, но очень яркий пульсар, но все же нашлась:

– Вот когда это ложе будет, тогда и поговорим.

– Что значит «когда будет»? – теперь уже возмутился я. – Я буду рисковать жизнью, чтобы в конце выяснилось, что вторая сторона не собирается держать слово?

– Я всегда держу слово. – Она высокомерно вздернула носик и попыталась отнять у меня свою руку. – Но неужели вы в самом деле собираетесь срывать цветы с этого монстра?

– Мне кажется это достаточным доказательством серьезности моих намерений, – пояснил я, и не думая ее отпускать.

– Серьезность намерений – это затащить меня в свою постель?

– В свою постель я тебя уже затащил, – напомнил я. – Осталось только вернуться туда самому.

– Без меня.

– Без тебя она не кажется мне столь привлекательной, понимаешь? – проникновенно сказал я. – Кровать и кровать. А ты... ты делаешь ее уникальной, единственной в мире.

Фридерика смущенно кашлянула, отвела взгляд и опять попыталась освободиться. Безуспешно попыталась.

– Гюнтер, верните мою руку, – потребовала она.

– Ни за что. Я с трофеями не расстаюсь.

– Когда это моя рука стала вашим трофеем? – с явным раздражением спросила она. – После визита в храм?

– После нападения на меня. – В ответ на ее недоумевающий взгляд показал место на груди, куда она тыкала пальцем. – Ты меня почти проткнула, и не проткнула только потому, что я успел пресечь. Так что да, твоя рука – теперь мой боевой трофей, а с боевыми трофеями я так легко не расстаюсь. Особенно, с такими красивыми.

Она улыбнулась, посмотрела чуть задумчиво.

– И что нужно, чтобы облегчить расставание? – почти сдалась Фридерика. – Учтите, на полную капитуляцию прямо здесь и сейчас не согласна.

– Условия капитуляции мы уже обговорили, – напомнил я. – А как насчет репараций? Возмещения моих повреждений?

– Да какие там повреждения? – фыркнула она. – У вас грудь словно из гранита! Я чуть палец не сломала.

– Ты очень упорно ковыряла, так что синяк наверняка есть, – не согласился я. – Возможно, даже глубокая вмятина, если не дырка. Могу показать.

И поднес свободную руку к пуговицам и даже успел одну расстегнуть. Глаза Фридерики ожидаемо испуганно распахнулись.

– Не надо! – почти выкрикнула она. – Я вам верю.

– Думаю, поцелуй меня примирит с дыркой в груди.

– Дырка в груди от поцелуев не проходит.

– Это будет целительский поцелуй. Ранозаживляющий.

– Таких поцелуев не бывает.

– А мы проверим.

Ее напавшую руку я положил на пострадавшее место, а саму Фридерiku притянул к себе. Теперь она была совсем близко. Со своими золотыми волосами и пылью корицы на белоснежной коже она навела на мысль о необыкновенно притягательном экзотическом десерте. Не сказать чтобы я так уж любил сладкое, но...

– Давайте я лучше так, традиционным методом, заживлю вашу рану, – охрипшим голосом предложила Фридерика. – У меня это получается очень хорошо.

– А возможность поэкспериментировать? – не согласился я. – Целительница, считай, что ты заполучила в свое полное распоряжение подопытного, готового испытать на себе новые прогрессивные способы лечения.

Фридерика была напряжена, она боялась и не верила ни в мои намерения, ни в мои чувства. И как с этим бороться, я понятия не имел. Возможно, к другой даме я уже нашел бы подход, но эта рыжая туманила голову, заставляя забывать обо всем. Но не о том, что торопиться нельзя. Я легко прикоснулся своими губами к ее, даже не поцеловав, а обозначив поцелуй. И отстранился. Убрал руки и чуть отошел назад. Фридерика, уже приоткрывшая рот для поцелуя, настоящего поцелуя, выглядела озадаченной и немного возмущенной.

– Теперь я чувствую себя гораздо лучше. Целительская энергия такая животворящая.

Я распахнул перед ней дверь, и она не задумываясь шагнула внутрь. Опомнилась уже в комнате. Опасливый посмотрела, но говорить ничего не стала.

– Спокойной ночи, дорогая.

– А вы не собираетесь?..

– Мы же договорились на ложе с лепестками определенной розы. Но если ты передумала, то с лепестками потом мы тоже повторим...

Я бросил настолько выразительный взгляд, что Фридерика сделала шаг назад и испуганно сказала:

– Я не передумала.

– А жаль...

Я вздохнул и начал раскатывать матрас, на котором спал в последнее время. Словно ничего и не изменилось. Словно не нам с утра улыбнулась Богиня. Что ж, если жену надо завоевывать, значит, так тому и быть.

– Я отвернулась, – предупредила Фридерика.

Это она непредусмотрительно. Я только успел подумать, не начать ли раздеваться при свидетелях. Говорят, у меня есть на что посмотреть.

– Свет гасить?

– Да...

Увы, в ее голосе обещание не было, только настороженность. Да, не так я себе представлял первую семейную ночь...

Первое семейное утро оказалось ужасным. Но не из-за Фридерики, а из-за Циммермана, который ни свет ни заря меня вызвал. Не спится же некоторым в такую рань. Пришлось тащиться к начальству, даже не запечатлев утреннего поцелуя на щеке жены, сонно обнимавшей подушку. По дороге обдумывал, что бы такого сделать, чтобы вместо подушки она обнимала меня. Успел наметить пару вариантов и к Циммерману вошел если не в прекрасном расположении духа, то и не очень расстроенным.

– Капитан Штаден, – мрачно пробурчал полковник в ответ на мое приветствие, – зачем вы устроили ночью это дешевое представление? Чтобы произвести впечатление на жену? Так она и без того уже ваша жена. Такой магический всплеск способен поднять на ноги весь гарнизон. И поднял.

Смотрел он грозно, но не выглядел невыспавшимся, значит, ему кто-то доложил не ночью, а сейчас. И этот кто-то – не Брун: тот на такой подвиг, как рано встать, неспособен. Вставал вопрос, как подать начальству вчерашнее. Всего я, конечно, рассказать не мог – обещание, данное Лангебергу, связывало почище заклинания пут, но о случившемся доложить обязан, пусть без подробностей. Все равно об этом уже рассказали, да еще и в извращенном виде.

– На нас вчера напал розовый куст. Всплеск был от него. Я лишь ставил щит.

– Да что вы говорите? На вас напал розовый куст? А клумба с петуниями была у него на подхвате? – Ноздри мясистого циммермановского носа раздулись, сам же полковник побагровел. – Это самая идиотская отмазка, которую я слышал в своей жизни! Даже Брун до такого не опускался, его рассказы и то выглядят правдоподобнее. Я бы вам не поверил даже в том случае, если бы мне уже не рассказали правду. Да-с. наших офицеров иллюзиями не впечатлишь, они не юные барышни. Чтобы в гарнизоне такого больше не было!

Поскольку командиру я доложил, совесть моя была чиста. Почти.

– Но, инор полковник...

– Никаких «но». Дожили, гармские офицеры сражаются с цветами, вместо того чтобы дарить их дамам. Фу. Если розовый куст опять на вас нападет, извольте, чтобы никаких всплесков за пределы вашего щита не вырывалось. – Полковник стукнул кулаком по столу и мрачно сказал: – Свободны.

Задерживаться я не стал – Циммермана не переубедить, если он что-то вбил в голову, а жену хотелось заставить еще сонной: не до конца проснувшиеся люди склонны к более явному проявлению чувств. Но увы, Фридерика уже не только встала и оделась, но и спустилась в приемную к Вайнеру, наверняка собираясь использовать его в качестве щита против меня. Целитель же выглядел столь довольным, что закралось подозрение, не он ли доложил Циммерману о наших ночных развлечениях. Но спросил он совсем не про ночной магический всплеск.

– Капитан Штаден, вы не видели ведра, которое здесь стояло? Ума не приложу, куда делось. То ли куда засунул, то ли сперли.

Фридерика смущенно потупилась, бросив на меня короткий общинческий взгляд. Однако... У нас уже есть общая тайна, это вдохновляет.

– Не видел со вчерашнего дня, – честно ответил я.

Да и вряд ли кто теперь увидит. Даже если провести раскопки, обезджив куст, то в той лепешке пропавшее ведро не всякий опознает. Хоть бы эта пакость подавилась добычей и издохла самостоятельно: тогда задача по добыванию цветов упростится. Впрочем, это не слишком интересно. Лучше попробовать точечную обрезку и левитацию добычи. Из окна. И сразу на постель. Идея мне понравилась.

– Да, конечно, вам вчера не ведра было, – кивнул целитель. – Хорошо хоть день провели?

– Траттен – красивый город. Здесь есть на что посмотреть. Кстати, мы подумываем снять жилье, а то в гарнизоне слишком много раздражающих факторов.

– Это да, – грустно протянул Вайнер, наверняка подумавший, что с нашим отъездом драгоценные зелья останутся без дополнительной защиты. – Что-то уже присмотрели?

– Пока просто присматриваемся. Вчера симпатичный вариант предложили. Вдова целителя. Кстати, она очень нелестно отзывалась о Фогеле. Он действительно настолько плох?

– Не самый сильный, – уклонился от прямого ответа Вайнер.

– И герцогское семейство этим удовлетворяется?

Я удивился не на шутку. Чтобы Матильда согласилась на что-то второсортное? На нее непохоже. Или Фогель умеет пускать пыль в глаза, или держат его не как целителя. Но если держат его не как целителя, то как с этим мирится уже герцог?

– Его Светлости более важна лояльность, – заметил Вайнер. – Сам он если что и ошибку заметит, и исцелит. Он ведь тоже получил целительское образование. Практикует, конечно, мало, но статьи пописывает.

В его голосе сквозила снисходительность к подобным герцогским развлечениям.

– Мне он не показался человеком, способным на научную деятельность, – удивилась теперь уже Фридерика. – И он ни о чем таком не упоминал...

– И тем не менее он ею занимается, – усмехнулся Вайнер. – К нему даже консультироваться ездят по лечению поражений орочьим шаманством. Говорят, один из лучших в Гарме, если не лучший.

Информация было неожиданной, и до самого обеда я пытался увязать ее с тем, что было уже известно. Выстраивающаяся картина мне не нравилась, и очень.

А в обед принесли приглашение от герцога на очередное вечернее представление.

Глава 40

Фридерика

В этот раз гостей на представлении было намного меньше: даже полковника не пригласили, чему тот неприятно удивился. Зато присутствовал Фогель, выглядевший спокойным и расслабленным. Я его украдкой рассматривала, пытаюсь понять, говорил ли Кристиан правду и если да, то что в нем привлекло сестру. На первый взгляд, ничего выдающегося в этом иноре не было, а если вдова городского целителя сказала правду, то Марту и профессиональное мастерство не могло восхищать. Сильно углубляться в размышления не давали: с одной стороны – герцог, необычайно воодушевившийся при моем появлении, а с другой – Гюнтер, весьма мрачно отвечающий на приставания герцогини. Та вилась вокруг него, как назойливая муха, так и норовя увести подальше от собственного мужа. И от меня: на меня она смотрела почти с ненавистью, не забывая улыбаться. Улыбка больше напоминала оскал: острые белые зубки были нацелены прямо мне в горло, а взгляд обещал крупные неприятности, если я продолжу удерживать Гюнтера.

Но я лишь крепче хваталась за его руку: заставить меня отпустить мужа сегодня было нереально. Слишком свеж еще был наш разговор перед приходом сюда. Сначала Гюнтер заявил, что я должна остаться в гарнизоне. Сам-то даже не раздумывал, сразу собрался идти в логово врага. Только в логово ли, а не к Матильде? Вчерашний день оставил ощущения какой-то недосказанности. И недоделанности: если уж Гюнтер настаивал на репарациях, мог бы и по-настоящему поцеловать...

– Вряд ли герцог нападет в собственном доме и при множестве свидетелей, – заметила я. – Чем я рискую?

– Жизнью, – напомнил Гюнтер. – Мы знаем уже о двух смертях.

– Смерти могли быть и случайными, – возразила я. – Не связанные ни с герцогом, ни с герцогиней.

Я не верила в это сама, но все же... Все же такую вероятность отбрасывать нельзя. Мы пытаемся распутать клубок, потянув за ниточку, а вдруг это ниточка вообще из середины другого клубка?

– И розы тоже случайные, – кивнул Гюнтер. – Случайно выросли на случайном участке. Случайно встроились в охрannое плетение.

– У герцога таких нет, – уверенно ответила я.

– Снаружи, – уточнил Гюнтер.

Уточнение удивило. Неужели он думает, что Его Светлость в дополнение к целительству увлекается милыми комнатными цветочками, способными постоять не только за себя, но и за хозяина? Таким чудовищам нужен простор и много земли. Да и попробуй скрыть от прислуги: наверняка заметят странности и поползут слухи. Впрочем, кто сказал, что слухов нет? Кристиан точно что-то знает...

– Ты что-то заметил? Вряд ли такого монстра можно вырастить в горшочке на окне, – засомневалась я.

– Нет, я не рассматривал возможность этого, – неохотно ответил Гюнтер. – Но горшочки бывают разного размера...

Большому дому – большие горшочки? А герцогский особняк был приличных размеров.

– И как мы будем искать розы в герцогском доме?

– Я. Ты останешься здесь.

– Нет, пригласили нас двоих, и будет подозрительно, если я не пойду.

– Придумаем что-нибудь. Ты меня будешь отвлекать.

– От Матильды? – не удержалась я.

– Ревнуешь?

В ответ я лишь презрительно фыркнула. С чего бы мне ревновать? Собственного мужа к его бывшей невесте? Красивой бывшей невесте, если уж честно. Даже очень красивой. Этакая фарфоровая куколка, хрупкая и нежная. Но лишь внешне. Сейчас она вцепилась в моего мужа так, что пальцы побелели. Захотелось случайно наступить ей на ногу. Но увы, она была с другой стороны от Гюнтера, а герцог мешал в перемещениях просто ужасно.

– Леди Штаден, для меня было ударом узнать о вашем браке, – ворковал он. – Вы не представляете, как я страдал.

– Валентин, вам ли страдать при такой жене?

– Разве она может сравниться с вами? – он со значением поцеловал мою руку. – Ульрика, вы нужны мне, понимаете?

– Нет, – я выдернула у него свою руку и подумала, что в последнее время я настолько напрактиковалась в этом нелегком деле, что могла бы открыть курсы «Как отбиваться от нежеланных поклонников». – Валентин, оказывается, вы регулярно публикуетесь в целительских журналах. И на такую интересную тему.

Перевод разговора оказался правильным: Его Светлость себя любил явно больше всего остального и говорить мог с куда большим воодушевлением, чем о своих выдуманных чувствах. И следующие минут десять я обогащалась ценными знаниями о лечении поражений орочьим шаманством. Герцога рассказывал талантливо, с красивыми образными сравнениями и примерами из своей практики, и слушать его было необычайно интересно. Немного портило лекцию то, что Гюнтер пару раз легким тычком в бок напомнил, что я слишком увлеклась, а на лектора бросал такие взгляды, что будь на месте Валентина впечатлительная дама, она непременно валялась бы уже в обмороке и выходила бы из него ненадолго – как раз настолько, чтобы опять увидеть злого Гюнтера и упасть в обморок заново. Но впечатлительных дам рядом не было. Не считать же за таковую Матильду? Правда, она точно была впечатлена Гюнтером, но в обморок падать не торопилась. Разве что довольно кисло напомнила, что настало время спектакля и все ждут, когда мы сядем. Герцог недовольно на нее взглянул, мне же пообещал продолжить рассказ после спектакля, да еще и показать рабочие помещения.

Не успел погаснуть свет, как Гюнтер потянул меня к выходу из зала. Я с сожалением оглянулась на сцену, на которой уже появились первые актеры и вели довольно забавную беседу, но пошла: сейчас намного важнее узнать, что хочет сказать муж, чем посмотреть спектакль.

Неподалеку от зрительного зала нашлась небольшая ниша с уютным диванчиком, на который я осторожно присела и вопросительно посмотрела на мужа: у него же наверняка возник план, связанный с внезапно появившейся возможностью осмотреть рабочие комнаты. Если и есть в герцогском особняке растительный монстр, то только в этих помещениях, куда нет доступа прислуге. Правда, не уверена, что нас проведут туда, где находится эта пакость, но Гюнтер вблизи ее непременно засечет.

Гюнтер придвинулся совсем близко, я же подалась навстречу, чтобы не упустить ни единого слова. Неожиданно он пробурчал: «Орк бы побрал этого герцога», притянул меня к себе и поцеловал. Это было так неожиданно, что я растерялась и даже ответила на поцелуй.

Пришла я в себя нескоро. В голове клубился туман, губы приоткрывались для нового поцелуя, а пальцы перебирали волосы на затылке Гюнтера. Его же нахально прогуливались по моей шее и плечам, забираясь даже под платье. Но протестовать почему-то совершенно не хотелось. И сколько мы так сидели, я даже примерно не представляла. А у нас же дело...

– Наверное, нужно вернуться в зал?

Голос прозвучал хрипло и неубедительно.

– Зачем? – спросил Гюнтер, на удивление тоже хрипло. – В конце концов, герцоги переживут один спектакль без нас.

– А если не переживут? – невольно улыбнулась я.

– Тогда переживем мы.

Он опять потянулся к моим губам, но тут я вспомнила, что мы во вражеском доме и вообще, наш брак – понятие неоднозначное.

– Нет, нужно идти, – запротестовала я. – Не хочу, чтобы на моей совести были чужие смерти.

И потом, нам нужно обследовать дом, не привлекая внимания.

– Тогда еще один вдохновляющий поцелуй, – не сдавался Гюнтер.

– Один? – подозрительно прищурилась я.

– Это как получится.

Смотрел он при этом так, что было понятно – одним не ограничиться, тем более что диван удобный, слуг не слышно, гости же смотрят увлекательный спектакль. Но мне удалось прийти в себя в достаточной степени, чтобы вывернуться из его объятий.

– Все поцелуй потом, после дела, – сурово заявила я.

Но наверное, недостаточно сурово, потому что он опять притянул меня к себе и требовал-таки вдохновляющий поцелуй. Потом еще один. И еще. А потом я подумала, что, в сущности, нет никакого смысла досматривать спектакль, начало которого мы не видели, если есть более интересное занятие.

– Смотрю, представление вам не понравилось, – мрачно процедил появившийся непонятно откуда герцог.

Совершенно некстати появившийся. Я даже чуть не сказала об этом, но вовремя вспомнила, что мы у него в гостях и приглашены были смотреть спектакль, а не заниматься тем, чем мы только что занимались.

– Что вы, – запротестовала я. – Разве оно может не понравиться?

– Тогда вы выбрали весьма оригинальный способ просмотра. – Герцог был мрачен и смотрел безо всякой любезности. – Да еще и полог тишины поставили, чтобы ничего не отвлекало.

Про полог я не знала, но поверила на слово, да и Гюнтер не выглядел удивленный этим заявлением. Значит, полог действительно был и, вполне возможно, сначала муж все-таки хотел обсудить совместные действия, а не заниматься ими безо всякого обсуждения, причем совсем не теми, которые были запланированы.

– Ваша Светлость, мы только вчера поженились, – безо всякого смущения напомнил Гюнтер. – Сами понимаете, моя жена для меня куда притягательнее любого спектакля, даже вашего.

Был он доволен, так что я заподозрила, что последний поцелуй проводился в расчете на герцога – ведь к его приходу полог явно был уже снят, а поцелуй не закончился, да и сейчас муж обнимал меня этак собственнически, даже не думая отпускать.

Герцог недовольно дернул носом и страдальчески сказал:

– Я понимаю, что ваша жена – сама вежливость. Ее не интересуют ни мои спектакли, ни мои исследования.

– Что вы, Валентин, – всполошилась я, поняв, что прекрасная возможность обойти рабочие комнаты ускользает из-под носа. – Я непременно хочу увидеть результаты вашей работы. Мне интересно все, что касается целительства, а инор Вайнер отзывался о вас в превосходной степени.

– В самом деле? – чуть смягчился он.

– Да, – неохотно подтвердил Гюнтер. – Он говорил о ваших статьях и о том, что к вам приезжают на консультацию.

– Есть такое, – герцог приосанился и бросил победный взгляд на моего мужа. – Специалисты в этой области редки. Да что там редки? Считайте, что их и нет, кроме меня.

– Я ни о ком и не слышала, – заверила я, не уточняя, что и о нем услышала только сегодня. – Я хотела попросить ваши статьи, но как-то неудобно было.

И даже улыбнулась, чуть-чуть смущенно, но с выраженной надеждой, что нас проведут все-таки в святая святых и покажут то, что простым смертным не показывают.

– Вам – и вдруг неудобно? Ульрика, столь красивая дама всегда может рассчитывать на взаимность с моей стороны, и не только в научном плане.

- Так вы нам покажете? – обрадовалась я, сделав вид, что не заметила неприличного намека.
- Конечно.
- Сразу после спектакля?

- Зачем же ждать его окончания? Все равно ни вы, ни я там не сидим. Можно и сейчас. Впрочем, если ваш супруг желает пойти на спектакль, я возражать не буду и с удовольствием проведу экскурсию только для вас.

Но Гюнтер на спектакль идти без меня не пожелал, захотел присоединиться к экскурсии. Или не захотел отпускать меня с герцогом? Как бы то ни было, отправились мы вместе: герцог чуть впереди, показывая путь, мы с Гюнтером – чуть сзади. От недавней расслабленности не осталось и следа. В воздухе повисло напряжение. Почему-то подумалось, что я совсем близка к разгадке.

Герцог надавил на неприметную панель, и часть стены отъехала в сторону, открыв проход, ведущий вниз.

- Прошу, – он махнул рукой, приглашая нас пройти. – Только умоляю, Ульрика, будьте осторожны при спуске. Ступени старые, местами выщерблены, а я не хотел бы, чтобы вы пострадали.

- Что ж вы их не почините, Ваша Светлость? – пробурчал Гюнтер.

- Времени не было. Да и не всякому можно доверить столь тонкую работу.

Герцог развел руками таким удивленным жестом и улыбнулся. Нехорошей улыбкой, обещающей неприятности. Почему-то нам. Я вздрогнула, но Гюнтер не уstraшилcя и повлек меня по лестнице вниз. Судя по тому как напряглась его рука под моей, он что-то почувствовал. Но еле заметное напряжение – это было все, что выдавало состояние мужа.

- А почему ваши рабочие помещения в подвале? – чуть нервно спросила я у неторопливо спускающегося за нами герцога. – Для целителей это не характерно.

А вот для некромантов – напротив. Для них чем ниже – тем удобнее и легче работать.

- Проще экранировать, – небрежно ответил герцог. – И меньше вероятности, что проникнет постороннее любопытствующее лицо. Видите ли, дорогая Ульрика, испортить результат многолетнего труда очень просто. Иной раз достаточно взмаха руки. Или чего другого.

- Мы махать ничем не будем, – уверила я.

- Разумеется, – улыбнулся герцог. – Разве я бы пригласил вас, будучи убежденным в обратном?

Стояли мы уже у массивной двери, исчерченной кучей символов, относящихся, по большей части, к защитной рунной магии. Но Гюнтер взглянул на них так, что я заподозрила, что те символы, что мне незнакомы, отнюдь не столь безобидны. Над запорами герцог колдовал довольно долго, внутри что-то звякало и гремело, никак не желая нас впускать. Но наконец дверь распахнулась, и первое, что я увидела – гигантский розовый куст, занимающий почти половину комнаты. Мне казался уstraшающим тот, что рос под моим окном? Рядом с этим он бы показался жалкой ромашкой.

Дверь за нашими спинами захлопнулась с противным скрежетом.

- Прекрасное помещение, не правда ли? – довольно отметил герцог. – А главное, полностью экранированное от всех видов магии, кроме целительской. – Улыбка с его лица пропала, взгляд стал цепким и колючим. – Итак, поговорим начистоту. Кто вы, инорита? Леди Штрауб я знаю лично, вы совсем на нее непохожи. Зато по ауре напоминает уехавшую год назад целительницу.

Глава 41

Гюнтер

До того как применять силу, разумный инор всегда попытается решить вопрос мирно. Совершенно необязательно припирать будущую жертву к стене и показывать, кто же настоящий хозяин положения. А еще по просьбе Лангеберга нельзя было привлекать к себе внимания.

– Полноте, Ваша Светлость, – деланно удивился я. – Вы серьезно думаете, что моя жена сюда заслана, чтобы как-то вам навредить?

– Фиктивная жена, – усмехнулся он, сузив глаза до такой степени, что их выражение было сложно понять. – Брак не консумирован. Кстати, зачем вообще потребовался этот фарс с браком?

– О, это долгая история. – Я огляделся в поисках места, куда можно присесть или хотя бы усадить Фридерiku, но кроме кресла за рабочим столом хозяина дома, никаких сидений не было. – Видите ли, Ваша Светлость, моя тетя одержима желанием женить меня с пользой для семьи, и лучшей кандидатурой ей показалась леди Штрауб. Когда я благополучно перевелся из столицы, избегнув знакомства со столь выдающейся девушкой, тетя умудрилась устроить так, что нужную невесту отправили сюда на практику.

Я говорил лениво, чуть растягивая слова, и пытался выстроить план, основываясь на новых данных. План выстраиваться не желал – слишком много было зияющих провалов в данных. Из-за стоящей рядом Фридерики несколько силовых вариантов сразу пришлось отбросить: не стоит ее дополнительно пугать, она и без того затравленно смотрела на герцога. И хорошо, что смотрела только на него: меня розы тревожили куда сильнее. Если уж маленький кустик у целительской сплющил железное ведро без особых усилий, то этот так же спокойно сплющит нас обоих. Если, конечно, ему позволить.

– Не увливайте, Штаден. Рядом с вами не Штрауб.

– Я этого и не утверждал. Это совсем другая девушка. Одногруппница леди Штрауб, нанятая для прохождения практики.

Герцог уставился на мою жену и облизал нижнюю губу. Захотелось двинуть так, чтобы он тоже познакомился с шипами своей розы, но пока есть надежда разрешить все миром, этого делать не следовало.

– Полковник Циммерман, обеспокоенный приставаниями к практикантке наших доблестных офицеров, предложил объявить о моей помолвке с леди Штрауб. Ваша супруга приняла все за чистую монету и написала тетушке, которая сразу отправила объявление о помолвке в газету. Собственно, выбора, на ком жениться, мне не оставили. Я удовлетворил ваше любопытство?

Герцог, пристально изучавший до этих слов мою жену, перенес свое внимание на меня. Но поскольку маску любезного хозяина надевать не спешил, либо убедить его не удалось, либо это никак не влияло на его планы.

– Почти. Если еще скажете, кем приходится ваша спутница покойной инорите Рильке?

Сыграть удивление и спросить, кто эта инорита, я не успел, потому что Фридерика зло выпалила:

– А откуда вы знаете, что моя сестра умерла?

Нет, положительно, нужно было ее обездвижить и оставить в гарнизоне. Была же у меня такая мысль... Но сейчас я лишь как можно незаметнее пихнул жену в бок. Надеюсь, это привело ее в чувство и она наконец вспомнила, что должна молчать.

– Сестра, значит? Надо же, мне и в голову не пришло. Не очень-то вы похожи, – усмехнулся герцог. – Откуда знаю о смерти? Я знаю все, что происходит с отмеченными моей личной печатью.

– И кого вы отмечаете личной печатью? – поинтересовался я.

– Полезных мне существ. Вы на это можете не рассчитывать, – он довольно шурился, переводя взгляд с меня на Фридерiku, и обратно. – Вы тоже будете полезны, но столь кратко, что в

печати нет необходимости. А вот сестра инориты Рильке... А знаете, Штаден, пожалуй, вы – прекрасный вариант. Вы испортили задуманное в прошлый раз, вам и исправлять.

– Не уверен, что хочу вам помогать. И намеки по поводу моей жены мне не нравятся.

– А кто вас спрашивает? В целительском арсенале есть прекрасные заклинания по обездвиживанию. Уверю вас, ничуть не хуже, чем в военном. – Он сделал легкий пасс рукой, явно отточенный неоднократным использованием. Да он, оказывается, практик, а не никчемный кабинетный теоретик. – Вот так. Теперь вы сможете говорить, но не сможете двигаться.

Отвечать, что двигаться я тоже могу, так как его заклинание впиталось в артефакт, я не стал. Ни к чему расстраивать Его Светлость заранее. Пожалуй, с практиком я польстил: недооценка противника – типичная ошибка иноров, привыкших к кабинетной работе.

– Что вы собираетесь делать? – с ужасом спросила Фридерика. – Немедленно отпустите моего мужа!

Несмотря на страх в голосе, она выдвинулась вперед и даже руки в кулаки сжала. А удар у нее хорошо поставлен, на месте герцога я бы уже озаботился хотя бы щитом, а не улыбался столь беспечно.

– Какой он вам муж? – небрежно бросил тот. – Муж, моя дорогая, это не только брачная татуировка, но и определенные права и обязанности. А у вас обычный договор ради пользы семейства Штаденов. Разве не так?

Опасаясь, что жена скажет сейчас что-то, о чем будет потом жалеть, ответил на герцогский вопрос я:

– Видите ли, Ваша Светлость, мы решили, что наша первая брачная ночь должна пройти только на ложе из лепестков роз. Вчера попытались ободрать ту, что под окном, но она странно себя повела, да и цветов там мало, на приличное ложе не хватит. Не то, что на этой, – я намекал на растительного монстра, занимающего половину комнаты. Цветов там действительно было множество, огромных и удушливо пахнущих. Как только сам герцог здесь долго выдерживает? Или пришел, быстро сделал свое темное дело и ушел? – Дорогая, тебя устроит эта розочка в качестве замены? С нее лепестков получится намного больше.

Фридерика удивленно оглянулась. Я постарался как можно выразительнее сказать, с намеком, что все идет как надо:

– Ты согласна на замену?

Она серьезно посмотрела, словно пытаясь понять, что я задумал, потом так же серьезно ответила:

– Согласна.

Герцог же неожиданно хихикнул. Тоненько и очень противно.

– Хорошая попытка, Штаден, – сказал он. – Но увы, вам на этой розе не суждено выспаться, а вот ей на вас... – Он с умилением погладил затрепетавшие листочки. Да что там листочки – показалось, что и шипы вжались в ствол, чтобы ненароком не навредить хозяину. – Как закончу, пообедаешь, моя сладкая.

Роза завилась ветками и нагло уставилась всеми бутонами, словно оценивая, насколько меня хватит. Ощущения не из приятных: слишком крупным было любимое герцогское домашнее животное. Впрочем, задачу по непривлечению внимания я уже провалил, значит, эту гадость беречь необязательно и гореть она будет красиво. Я начал прикидывать, как содрать бутоны до уничтожения куста. Поскольку времени на это отводилось совсем мало, получится только вместе с листьями. С другой стороны, бутоны можно потом повибирать из общей кучи. Начать семейную жизнь с общего полезного дела.

– Эти розы... Они ведь не простые... – со странной интонацией протянула Фридерика.

– Разумеется. Действуют в паре с печатью. Каждой печати – своя роза. – Он хищно улыбнулся моей жене. – Вы спрашиваете, я приветствую любознательность, особенно от столь привлекательной дамы.

– У вас тоже есть печать?

– Зачем? – удивился герцог. – Я собой прекрасно управляю сам, без постороннего вмешательства.

Он вытащил из стола графин и пару бокалов. Заполнив оба, он один протянул Фридерике и предложил:

– Выпьем за успех?

Она покачала головой, не собираясь не только принимать бокал, но и подходить. Странное дело. На Фридерике пока никаких заклинаний не висело, передвигалась она свободно, того и гляди, доберется до герцога и вцепится. Непредусмотрительно с его стороны. Слишком он спокоен. Только болтает, даже не пытаюсь вести какие-то приготовления. Заговаривает, чтобы я не заметил решающего удара? Но у меня все артефакты активированы и не позволили бы влиять на меня любым образом Правда, герцог этого не знает.

– Значит, теми, на ком эти отметины, вы управляете? Как марионетками?

– Зачем же как марионетками? – Герцог с явным удовольствием отпил из бокала. – Они имеют некоторую свободу. В допустимых пределах. Не могут говорить и действовать мне во вред. И никогда не выходят из моей воли. Ваша сестра попыталась. Осталась бы здесь, жила бы и сейчас.

– То есть вы ее убили?

– Она убила себя сама. Это был ее выбор. Но вам я такого не предоставляю.

– Убьете сразу?

– Что вы, милая, это нерационально.

Герцог сказал ласково, но как-то так, что Фридерика побледнела. Пожалуй, мне больше нравится, когда она краснеет, но только от моих слов и без свидетелей. Нет, герцог однозначно лишний. Скрутить бы его, да вот незадача – пока он только говорит, но ничего не делает. Скажет потом, что неудачно пошутил, и будет у меня в личном деле нехорошая запись о применении боевых навыков к мирным герцогам. Из ревности, разумеется, как радостно объявит всем Матильда.

А вот и она. Ауру бывшей невесты я помнил. Сейчас она приближалась в компании какого-то инора. Для герцога это сюрпризом не стало – он с явным нетерпением поглядывал на вход. Стена сдвинулась, пропустив гостей. Или, скорее, слуг. Вторым оказался Фогель.

– Гюнти, ты попался? – с порога противно завопила Матильда. – Нельзя быть таким идиотом! Надо было при свидетелях вызвать и убить! Из ревности.

Я промолчал и даже не шелохнулся. Время действия пока не наступило, с Матильдой беседовать не о чем, а разговоры сейчас пойдут интересные, если нюх меня не обманывает.

– Прекрасный план, дорогая, – отсалютовал бокалом герцог. – Возьму за основу с маленьким изменением: твой бывший любовник убьет из ревности тебя.

– Бывший жених, – возмущенно поправила Матильда. – Валентин, как ты можешь так шутить?

– Что ты, дорогая, я совершенно серьезен. Ты испортила мой план, прекрасный план, надо сказать. Соврала о невинности до брака. Твое вранье имело очень серьезные последствия, поэтому ты должна за это ответить. Пользы от тебя никакой, а тут такой прекрасный случай избавиться безо всяких потерь и даже с прибылью. Замену я нашел.

Он кивнул на Фридерiku. Матильда скривилась, словно увидела отвратительную крысу с голым хвостом, по недосмотру прислуги забежавшую в хозяйскую спальню.

– Дорогой, это не смешно. Если ты со мной не получил нужного результата, то уж с девицей, прошедшей через десятки мужских постелей, ты точно не добьешься ничего. Это даже я понимаю.

– Все-таки плохо, когда жена дура, – вздохнул герцог, – даже когда приходится с ней общаться мало и только по делу. Дорогая, это не Штрауб. Это сестра Рильке. Она девственница, и Дара ее хватит с запасом. Фогель, на тебе подготовка ритуала. Мне нужен наследник.

Фогель молча направился к металлическому шкафу и начал извлекать из него странного вида

предметы. В допустимых пределах его свободы не было ни нежелания, ни колебаний. Размеренные, деловитые движения.

– Но наш сын, Валентин, – всхлипнула Матильда. – Что будет с нашим сыном?

– Отработанный материал. Через неделю отправится за тобой.

– Вы убьете собственного сына? – в ужасе спросила Фридерика. – Как вы можете? Вы же целитель.

Герцог перенес внимание на нее и усмехнулся несколько снисходительно.

– Я не буду его убивать. Он умрет сам. У него порок, неподвластный целительской магии. Дырявая оболочка. Со временем дыры только растут, жизненная энергия расходуется все быстрее. Смысла в его дальнейшей поддержке не вижу. Это становится слишком опасно.

– Валентин, нужно только немного подождать, – взмолилась Матильда. – Марк, скажи ему...

– Ваша Светлость, если ребенок начнет оборачиваться...

– До сих пор он оборачиваться не начал, и уже не начнет. А для заполнения требуется все больше жертв. Скоро скрыть будет невозможно. Последний раз он протянул на подзарядке пять дней. Фогель может перекачивать энергию только из женщин. Где я тебе их столько наберу? Герцогство не безгранично.

– Так вот же, – Матильда с надеждой ткнула в отшатнувшуюся Фридерика, – вот же целительница. Она сможет из мужчин.

– У меня на нее другие планы. Дорогая, заткнись и встань рядом со Штаденом.

Матильда послушно, словно заводная кукла, направилась ко мне. В глазах ее плескался ужас. Ужаса было столько, что он не только переливался через край, он затапливал комнату полностью. Герцогиня была уверена, что это не простая угроза, и все же послушно шла навстречу смерти. Я только сейчас отметил, что вся одежда, в которой видел бывшую невесту, была с длинным рукавом. Неужели герцог поставил печать и на жену?

Матильда пристроилась рядом и застыла, тяжело дыша и еле слышно всхлипывая. Тем временем Фогель после тщательных замеров расставил курительницы, расчистил пол и начал его расчерчивать странными символами.

– Это же не классическая магия? – позволил я себе вопрос.

– Смотря что считать классической. Это древнее наследие моей семьи. Но да, то, на что вы пойдете, сейчас относится к запрещенным.

– Не думайте, что у вас получится! – возмутилась Фридерика. – Я немедленно пойду к Циммерману и все ему расскажу.

Она метнулась к двери и попыталась сдвинуть. Но увы, дверь даже не шелохнулась. Не шелохнулся и герцог в попытках задержать беглянку. Еще бы – дверь зачарована на управление весьма небольшой группой лиц. Придется ее тоже выносить. Пожалуй, в этой комнате мало что останется, если останется вообще что-то.

– Дорогая, поосторожнее, если вы себя повредите, вы уже не будете столь ценной.

Фридерика в сердцах пару раз стукнула по двери кулаком, потом пнула и закричала:

– Помогите!

– Помилуйте, дорогая, мы сами справимся, – насмешливо заметил герцог. – Да и не услышит никто: в моих рабочих помещениях прекрасная звукоизоляция.

– Но вам не удастся ничего скрыть.

– Почему? – герцог удивленно приподнял бровь. – Штаден и Матильда умрут, вы с Фогелем будете молчать.

– Я молчать не буду!

Она опять пнула дверь и резко втянула в себя воздух. На ее лице появилось упрямое и очень

злое выражение.

– После ритуала я поставлю печать, – довольно улыбнулся герцог. – Так что молчать вы будете.

– Послушайте, Ваша Светлость, но вы же целитель, – проявила гибкость Фридерика. – Как вы можете даже думать о том, чтобы кого-нибудь убить?

– Милая моя, – даже с некоторым умилением сказал герцог, – целителю иной раз приходится принимать решение, кому жить, а кому умирать. И решать быстро, а то погибнут оба.

– Но не убивать одного ради другого! – пылко возразила Фридерика.

– Разве? Того, кому вы откажете в помощи, вы этим убьете, разве нет?

– Но вы не делали выбор между двумя, вы убивали ради своего сына.

Который оказался неудачным и поэтому должен умереть и дать дорогу удачному.

– Преступников. Милая, мы убивали преступников, принося тем самым огромную пользу герцогству и Гарму в целом. Это все равно, как удалять очаги болезни у пациента, только в роли пациента – Траттен. Так что я ни в чем не пошел против целительской сути. Все – на благо.

Он говорил, словно был убежден в своей правоте. Только где они в Траттене нашли столько преступниц, чтобы каждую неделю приносить в жертву?

– Как только вам до сих пор король Лауф не выдал орден? – не удержался я. – За такие заслуги перед государством.

Герцог недовольно дернул носом, но посмотрел не на меня, а на целителя. Тот бесстрастно стоял у рисунка и внимательно слушал разговор. Осталось ли в нем что-то от него прежнего? От того инора, что был до печати?

– Фогель, закончил?

– Да, Ваша Светлость, все готово.

– Матильда, пройди в левый угол. Фогель, уложи ее.

Герцог говорил так спокойно, словно отдавал приказ зажечь свечу, а не подготовить жену к смерти. Матильду трясло и выворачивало, но она шла в указанное герцогом место. Шла и молчала. Краем глаза я видел Фридерика. Она вжалась в дверь и смотрела расширившимися глазами на разворачивающуюся картину. Так, пора заканчивать этот цирк. Правда, внешний блок на магию снимется только по желанию герцога или с его смертью. Желание маловероятно. Но я и без магии сильный противник.

– Удобно, когда жертва управляемая – заметил я. – Жаль, что со мной такой фокус не пройдет.

– Я вас лично доставлю, – герцог лучился довольством.

– Не надорветесь? Я тяжелый.

– Беспокойтесь о моем здоровье? Как мило. Не волнуйтесь, вас я точно переживу.

Матильда уже лежала на каменном полу, и было непонятно, дрожала ли она от страха или от холода. Из расставленных курильниц начал струиться тонкий желтоватый дым.

– Пора, – решил герцог.

И вслед за его словами раздался шелест трансформации. Полного инора средних лет больше не было. На его месте поднимала голову гигантская черная кобра, с трудом помещавшаяся в этом помещении, даже несмотря на то, что роза постаралась вжаться в стену и освободить как можно больше места. Говорили, что оборотни-серпенты давно вымерли. Сведения оказались недостоверными. Вот Лауф-то обрадуется. Если узнает...

Желтые глаза с вертикальными зрачками выбрали цель – меня, а хвост точным броском постарался оплести ноги. Это он меня волоком тащить собрался? Никакого уважения. Увернулся я легко и вынул из ножен саблю, мимоходом размышляя, как добраться до шеи противника. Вариант с отрубанием хвоста по кусочку не проходит: слишком долго и неэстетично.

– Сссмириссь, безумец, – прошипел герцог. – Все равно умрешь, только не целым.

Бросок змеи был почти неуловим, но мне не только удалось отклониться, но и рубануть от души, жаль, что безрезультатно – клинок проскользил по плотной чешуе, не оставив даже жалкой царапины. Змея зашипела и угрожающе раздула капюшон, Фридерика охнула, а розовый куст заволновался. Некстати он оживился, прижимался бы дальше к стеночке. Фогель с интересом наблюдал за битвой. Не знаю, за кого он болел, но прикажи герцог напасть – поспешит выполнить, так что для меня целитель представляет угрозу. Он и Матильда, которая сейчас притихла и пыталась слиться с полом.

Сам же герцог злился: голова болталась из стороны в сторону, раздвоенный язык нервно высывался из пасти, капюшон раздувался, на кончике левого клыка висела капелька яда. С правого капля уже скатилась на пол, где зашипела и оставила на камне приличную вмятину. Совсем не думает герцог о своей собственности – еще немного, и весь пол будет в рытвинах. И это не говоря об уже разломанном кресле и покосившемся столе. И когда только успели сломать? Я даже не заметил.

Змея вытянулась почти до потолка и раскачивалась, явно примеряясь, как удобнее меня давить. С ее чешуей тактика беспроеигрышная. Долго здесь не побегаешь: если герцог не придавит сразу, то чуть успокоится и вспомнит о слугах, которым достаточно просто вцепиться, чтобы уменьшить возможность маневра. Пожалуй, удар у меня будет только один – в основание черепа, под чешуйки. Главное – правильно рассчитать момент. Я примерился, куда отскочить при следующем нападении, чтобы удобнее было сразу прыгнуть на шею и добить гадину.

– Фогель... – начал герцог.

И вдруг зашипел, изгибаясь самым причудливым образом. Из открытой пасти запузырилась пена, а сама змеюка шмякнулась на пол, но совсем не туда, куда целилась и забилась в конвульсиях. Размышлять, что случилось, я не стал: прыгнул на беснующуюся тварь и вогнал кинжал, куда собирался.

Через миг на полу лежал уже герцог в человеческой ипостаси. Почти совсем такой, каким был до обращения, только мертвый. Но тем не менее смотреть на него было куда приятнее, чем минутой ранее. Немного портил внешний вид кинжал, но вытаскивать его я не торопился. Кто там знает этих рептилоидов, на что они способны.

Розы у стены задержались, формируя фантомный бутон, похожий на тот, что был у целительской. В этот раз я даже защиту ставить не стал, а быстро направил на куст подготовленные заклинания, благо со смертью герцога спало и ограничение на магию. Вихрь сорвал листья и цветы и жужжащей воронкой перенес к Фридерике. Сам же куст удивленно вздрогнул и замер – второе мое заклинание выжгло артефакт в корнях. Не знаю, самовосстанавливающийся ли он, но сейчас эта роза всего лишь обычное растение.

– О мой герой! – проворковала Матильда. – Я знала, я была уверена, что ты меня спасешь.

Она уже встала с пола и даже расправила юбки, намереваясь на мне повиснуть. Быстро она пришла в себя. Впрочем, о бывшей невесте я не сильно волновался. Меня куда больше беспокоила Фридерика. Она все так же стояла у двери, совершенно белая, и руки ее были сложены в жесте явно целительской магии.

Глава 42

Фридерика

Было ужасно холодно. Не снаружи, нет: холод шел изнутри, вымораживая душу. Я не могла поступить иначе, и все же... И все же целитель должен сохранять жизнь, а не отбирать, пусть даже у такой мерзкой гадины, которая только и делала, что врала и убивала. И не только убивала – заставляла других.

– Все закончилось, – Гюнтер говорил и одновременно обнимал. – Фридерика, успокойся, все уже закончилось.

Он встал так, чтобы я не видела трупа. Трупа, в котором торчал его кинжал. Но даже закрывая глаза, я все равно продолжала если не видеть, то чувствовать смерть. Она висела в воздухе, отравляя изнутри, разъедающая уверенность в правильности содеянного.

– Ты не понимаешь. – Я помотрела на свои руки, словно видела их впервые. – Ты ничего не понимаешь.

Матильда что-то говорила, кружа вокруг нас, почему-то на значительном расстоянии. Выглядела она счастливой и вполне довольной случившимся. Фогель сидел на полу и рыдал, ни на кого не обращая внимания. Оплакивал ли он герцога? Вряд ли. Скорее всего, со смертью спала печать и на целителя обрушилось сразу все. Все, в чем пришлось идти против совести, не просто против совести – против целительской сути.

– Фридерика, посмотри на меня, – Гюнтер осторожно приподнял мою голову за подбородок, пришлось взглянуть в его глаза. Там было спокойное понимание. – Что бы ты ни сделала, убил его я.

– Нет, – я качнула головой. – Я. Я остановила его сердце. Целители это тоже могут. Но не должны.

Я всхлипнула. Слишком сильным оказалось потрясение. Я никогда не думала, что смогу убить. Ни колебаний, ни сомнений, словно тот выбор, о котором говорил герцог, состоялся.

– И что? Собираешься вечно себя корить? Что спасла себя, меня, Матильду и Фогеля? Хотя, конечно, последние двое – не такие уж замечательные личности, но все же размен одной жизни за четыре вполне справедлив. И герцог сам сказал, что целителю иногда приходится выбирать между одной жизнью и другой. Вот ты и поступила в точности, как он предлагал. Неужели тебе его жаль?

Я покачала головой. Герцог убил множество людей, среди которых была и Марта. Пусть не своими руками, но все же. Мне не было его жаль, но я переступила в самой себе через что-то такое, что не позволяло вернуться к себе прежней. И это пугало. Вдруг теперь с такой же легкостью я начну распоряжаться другими жизнями?

– Фридерика, – Гюнтер говорил с такой мягкостью, какую я от него не слышала, – не считай себя убийцей. Герцог наверняка справился бы с твоим заклинанием, у него опыта много... было, намного больше, чем показывал. Ты все сделала правильно. Не знаю, победил бы я, если бы не твоё вмешательство. Серпент-оборотень – страшный противник, как в змеином, так и в человеческом облике. А этот был еще невероятно огромным. Наверняка планировал передать свои способности сыну.

Дверь разлетелась, и в подвал вломился отряд стражи с артефактами наперевес. Да, конечно, такой выплеск магии не заметить невозможно, но где они были раньше? Тут мне пришло в голову, что раньше они могли встать на сторону герцога и закрыть глаза на планирующееся жертвоприношение. Не могли же в Страже не замечать исчезновения местных жителей в таком количестве? Только по самым скромным подсчетам за год после смерти Марты должно было пропасть не меньше сорока женщин...

Стражники закружили вокруг нас, как не так давно делала Матильда – не приближаясь и не мешая, и только тут я догадалась, что Гюнтер поставил пологи, защитный и тишины, чтобы спокойно поговорить. Чтобы никто не слышал, о чем речь. Получается, он знал еще до того, как я рассказала?

– О том, что ты применила, никому не говори, – подтвердил он мои мысли, – иначе мы из разбирательств не вылезем. Пусть допрашивают только меня. Да и как допрашивают? Задержать без разрешения Циммермана права не имеют.

– Но это неправильно! – запротестовала я. – Ты не должен отвечать за то, что сделала я.

– Убил я, и точка. Остальное будет нашим семейным секретом. Положим начало скелетам в шкафах.

Почему-то эти слова убедили в серьезности его намерений куда больше, чем все, сказанные ранее. Семейная тайна – звучало интригующе, пусть даже она такая неприглядная. Хотя, когда шкафы хранили красивые семейные скелеты?

– У нас шкафов нет, – зачем-то напомнила я.

– Это пока. Зато есть все для ложа, – Гюнтер кивнул на гору, возвышавшуюся справа: смятые перекрученные листья и лепестки, с торчащими там и тут шипами. Очень недружелюбно торчащими. Такое ложе разве что для пыток подойдет. – Только нужно немного рассортировать.

Сказал он это с сомнением в голосе, вполне мне понятным. Сортировать не хотелось. И не только ему. Я вдруг поняла, что ненавижу розы всеми фибрами души. И целиком ненавижу, и по частям. Ненавижу шипы, листья и цветы. Артефакты, встроенные в розовые кусты, тоже ненавижу. Даже запах вызывал отвращение. Да, растения не виноваты, что попали герцогскому семейству под руку в ненужное время, но все равно я видеть их не могу. И обонять тоже. В носу засвербело, я не удержалась и чихнула.

– Меня тошнит от роз, – признала я. – Аллергия, наверное.

– Это у тебя на герцогов аллергия, – не согласился муж. – Лепестки нам достались с таким трудом, что бросить их здесь преступление.

– Преступление их забрать. Они наверняка пойдут как вещественные доказательства.

– Какие вещественные доказательства? Трофей.

– Не нужны нам такие трофеи. И лепестки тоже не нужны. Незачем в дом тащить всякую гадость, – решила я. – Вдруг она заразная?

– Ты целитель, тебе лучше знать, чего в нашем доме быть не должно, – легко согласился он. – Главное, помни, я выполнил твое условие, но ты сама отказалась.

И улыбнулся как-то так, что я стремительно начала краснеть, словно выполнить обещание от меня требовалось здесь и сейчас. Не то чтобы я сильно возражала, но не при свидетелях же? Здесь и один – лишний, а их толпа. Представители Сыска выглядели недовольными и непонятно от чего: от воплей заламывающей руки Матильды или от того, что она рассказывала.

– С нами жаждут пообщаться, – напомнила я.

Гюнтер оглянулся, нахмурился, повернулся ко мне и потребовал:

– Обещай, что будешь молчать. Не говори вообще ничего.

– Предлагаешь врать?

– Зачем врать? – возмутился он. – Просто умолчи о маленьком эпизоде. Уверен, что ни Матильда, ни Фогель ничего не заметили, так что и вопросов к тебе не будет.

Промолчать заманчиво, но правильно ли?

– В любом случае для стражи это лишняя информация, а Лангебергу расскажешь все, – понял мои сомнения Гюнтер.

– Лангебергу? Королевскому магу?

– Он наверняка захочет узнать о случившемся из первых рук.

– Хорошо.

Гюнтер удовлетворился моим ответом и снял полог. На меня сразу обрушились звуки, ранее смягченные магией. Ужасно неприятно вопила Матильда, выл Фогель, ругалась стража.

– Инор капитан, что здесь случилось? – орава, что хоть кого-то удастся расспросить, к

нам тут же подскочил стражник.

– Запрещенный ритуал, – пояснил Гюнтер. – Основанный на семейной магии. Представляющий опасность для государства. Сообщите в Газрру.

Стражник с сомнением обернулся на труп герцога. Согласно, в таком виде труп не впечатлял: обычный пухленький инор, представляющий опасность разве что для блюда с пирогами и графина с вином. От грозного змеиного вида в нем ничего не осталось.

– По-другому его никак было не остановить? Обездвижить?

Гюнтер высокомерно взглянул на стражника.

– Как, по-вашему, я его обездвижил бы с заблокированной магией, при условии, что его-то как раз была активна и очень опасна? Меня, знаете ли, не прельщало умереть ради герцогских планов.

Стражник грустно вздохнул и почесал в затылке. Наверное, рассчитывал, что это поможет как-то собраться с мыслями. Но попробуй тут собраться, если в комнате непрерывно вопят.

– С целителем что?

– Со смертью герцога спала печать. А поскольку под ее действием Фогель много чего наворотил, все это сейчас на него и обрушилось. Ему бы самому целителя вызвать.

– Где ж я вам целителя возьму?

Гюнтер покосился на меня, но я лишь испуганно замотала головой. Знаний недостаточно, да и те, что есть, использовать не смогу. Какой из меня сейчас целитель? Мне бы самой в себя прийти...

– Фридерика, в сон отправишь? Ваш, целительский. Фогеля нужно если не успокоить, то хоть как-то заткнуть.

Целитель стоял на коленях, раскачивался и надрывно выл. Он не замечал никого и ничего вокруг, настолько глубоко погрузился в себя. Пожалуй, действительно, сейчас сон для него – благо, а дальше пусть специалисты занимаются. Легкий точный пасс – и Фогель улегся на пол, а в помещении стало намного тише. Правда, теперь голос Матильды казался еще противнее. Но увы, ее никто не попросит отправить в сон.

– Это был такой ужас, такой ужас! – как заведенная, повторяла она. – Если бы не Гюнти, меня бы уже не было в живых. Он всегда меня так любил, и вот, чуть не пожертвовал ради меня жизнью.

– Герцог? – недоуменно уточнил один из стражников.

– При чем тут герцог? Я говорю про Штадена, – возмутилась Матильда. – А про эту сволочь я слышать ничего не хочу. Захотел новую игрушку – и все, все, что нас связывало, забыто.

– А что вас связывало?

Голос был вкрадчивей некуда, но Матильда уже достаточно оправилась, чтобы ответить правильно:

– Любовь, уважение и общий сын, разумеется.

И смерила спрашивающего столь презрительным взглядом, что тот даже уменьшился в росте, что не мешало ему все же спросить:

– Герцог планировал принести вас в жертву?

– Меня и Гюнти, – опять всхлинула Матильда. – И все ради этой рыжей, которая даже не леди Штрауб, как оказалось. И как он мог променять меня на нее?

О ком она сейчас говорила: о своем муже или о моем – наверняка не понимал никто, даже она сама. Страдала герцогиня вполне искренне – ее, такую красивую и родовитую, променяли непонятно на кого. Она всхлипывала, прикладывала изрядно промокший носовой платочек к глазам и выразительно посматривала на моего мужа. Но Гюнтер утешать новоявленную вдову не спешил, он обнимал меня, твердо и уверенно прижимая к себе.

– Не леди Штрауб? – подозрительно спросил стоящий рядом сыщик. – А кто?

– Леди Штаден, разумеется, – невозмутимо ответил муж. – И простите, дальше я буду отвечать только на вопросы специалистов из Гаэрры, и только после разрешения полковника Циммермана. Дело имеет слишком серьезное значение для Гарма.

Он извиняюще улыбнулся и попрощался, уводя меня с собой. Возможно, от неожиданности остановить нас никто не пытался, хотя я чувствовала направленные взгляды и все ждала, что кто-нибудь скажет: «Вы можете идти, а вот вашу жену мы задержим до выяснения обстоятельств». Но мы вышли из герцогского дома безо всяких проблем и сразу были перехвачены Бруном.

– Гюнтер, это форменное свинство! – зычно завопил он. – Отправиться разрушать герцогский особняк и не взять меня с собой! В Траттене не так много развлечений, чтобы в них не участвовать.

– Не сильно мы его развалили.

Я оглянулась на здание, оно было целехонько, ничего не указывало на то, что в подвале прошла настоящая битва.

– Это потому что меня там не было, – уверенно сказал Брун. – А почему меня там не было? Потому что кто-то, кого я считал своим другом, не будем тыкать в него пальцем... Так вот, этот кто-то меня не позвал.

Он с искренним возмущением посмотрел на Гюнтера.

– Ну прости, – безо всякого раскаяния ответил тот. – Я не рассчитывал, что герцог сегодня решит меня убить. В следующий раз непременно позову и тебя. Чтобы был выбор, кого класть на жертвенник.

– Когда он будет, этот следующий раз? – гулко вздохнул Брун. – Герцога же ты уже того? Совсем?

– Конечно, он же покушался на мою жену. Но не волнуйся, мы другого найдем, – заверил его Гюнтер. – Поинтереснее.

– Кстати, о твоей жене, – внезапно оживился Брун.

– Запомни, Альфред, для тебя о моей жене всегда некстати.

– Нет, я вот про что. – Он вытащил из внутреннего кармана газету, развернул и ткнул в объявление, жирно обведенное карандашом. – Они там совсем с ума посходили?

Я с интересом начала читать. В заметке утверждали, что из-за невнимательности наборщика два объявления совершенно случайно превратились в одно. Поэтому «следует читать не помолвка капитана Штадена и леди Штрауб, а помолвка капитана Кремера и леди Штрауб и брак капитана Штадена и инориты Рильке». Редакция многословно и цветасто приносила извинения пострадавшим сторонам.

– Дожали, значит, – удовлетворенно заметил Гюнтер. – Что ж, Артур должен был понимать, на какой риск идет...

– ...покушаясь на твою жену, – опасливо закончил Брун. – Гюнтер, я все понял и держусь от леди Штаден как можно дальше. Хотя мне она сразу показалась подозрительной. Слишком хороша для леди Штрауб. Да и в ауре что-то было от уехавшей целительницы, но я это отнес на то, что у целителей наверняка есть что-то общее. – Он укоризненно взглянул на мужа и продолжил в своей обычной манере: – Умеют же некоторые урвать лучшее.

– Особенность семьи, – гордо ответил Гюнтер, притянул меня к себе и поцеловал.

Эпилог

Король Лауф мрачно выслушивал доклад Лангеберга.

– Таким образом, герцог Траттенский с помощью личных печатей полностью контролировал ряд высокопоставленных служащих. Печати на магическом плане практически неразличимы, поэтому установить раньше не получалось, хотя слухи ходили. Количество запечатанных с каждым годом увеличивалось, а их ранг рос. Такими темпами в ближайшие годы под его управлением оказывались все высокопоставленные чины Гарма. В последнее время он обхаживал лорда Штрауба, а это, сами понимаете...

– Наши финансы... Орков серпент, – проворчал Лауф. – И ведь были уверены, что ни одного нет. Казалось бы, проклятие не оставило им ни малейшего шанса.

– И тем не менее семейство герцогов Траттенских нашло способ обойти даже проклятие магистра времен Магических войн. И не просто обойти, а с прибылью для себя – ритуал позволял не только зачать оборотня-серпента, но и дать ему по максимуму силы как в оборотничестве, так и в магии. Хорошо еще, что наличие второй ипостаси ограничивает Дар, а то бы герцог развернулся. Впрочем, он и без того использовал свои способности оптимальнейшим образом.

Лауф оперся о переплетенные руки и мрачно уставился на лежащий на столе доклад. Толстый такой доклад, появившийся лишь после того, как одним герцогом стало меньше.

– И все же странно, что кроме невятных подозрений, у наших служб больше ничего не было, – проворчал он. – Там же куча странностей наверняка была. К примеру, закупки нужных ингредиентов не скрыть.

– Закупки проводились через доверенных людей. Те же Фальки, хоть и не были отмечены личными печатями, показывают весьма высокий уровень лояльности покойному, хотя не понимают, на что идет такой набор зелий, они не могли, а поняв – должны были немедленно обращаться в Стражу.

– Может, не обращали внимания?

– Они так и говорят, – кивнул Лангеберг. – Но веры им никакой. От ментального сканирования оба отказались, мотивируя тяжелыми последствиями процедуры. Доказательств их причастности у нас действительно нет, хотя младший Фальк, судя по отчету капитана Штадена, точно был в курсе существования печатей. Думаю, рассчитывали, что из поставщиков герцогского двора станут поставщиками двора королевского. Собственно, покойный герцог Траттенский к цели был весьма близок, как ни прискорбно признать.

– А Ниялия еще расстраивается, что умер такой замечательный специалист по розам.

– Вы даже не представляете какой, – усмехнулся Лангеберг. – Он умудрился сделать из роз живые артефакты. Очень сложные и очень интересные. Пока нашим специалистам даже непонятно, как к ним подойти. К сожалению, главный куст в подвале герцога был уничтожен капитаном Штаденом.

– Неосмотрительно.

– Напротив. Существовала вероятность, что потерявший хозяина живой артефакт, связанный с контролирующими запечатанных, попросту убьет всех носителей герцогской метки. Нет, правильная предусмотрительность. Но это не отменяет желания понять принцип работы этих странных артефактов. Герцогский особняк обыскали, и весьма тщательно, но никаких записей не нашли.

– Плохо искали, – уверенно заявил король. – Вряд ли герцог полагался лишь на собственную память.

– Я тоже думаю, что не полагался. Скорее всего, тайники есть, но зачарованы на родственную кровь, то есть обнаружить сможет сын.

– Сын...

– Да, малышу необычайно повезло. Хоть собственный отец посчитал его бесперспективным, от сильного магического выплеска и потрясения от смерти отца мальчик все же обернулся. И теперь у нас есть еще один оборотень очень редкого типа.

– Серпент, – протянул Лауф, настолько брезгливо, что сразу представился кот, дергающий хвостом. Огромный кот, способный доставить массу неприятностей. – Лучше бы ему не повезло.

– На все воля Богини, – меланхолично заметил Лангеберг. – Не убивать же теперь.

Лауф посмотрел так, что стало понятно – он-то как раз уверен, что это не такой уж плохой выход: нет серпента – нет проблем, с ним связанных. А то вырастет, найдет папины записи – и получит Гарм головную боль.

– Может, устроить небольшой катаклизм в отдельно взятом герцогском доме? – предложил король. – Чтобы сравнять с землей все, в том числе и тайники?

– А если, напротив, тем самым тайники обнажим и дадим к ним доступ случайным лицам? – не согласился Лангеберг. – Не думаю, что защита покойного не устоит. Он, знаете ли, весьма талантлив был, к решению задач подходил неординарно, да и стимулировал себя разными способами. На орочьих смесях сидел лет десять.

– О последствиях не волновался?

– Вы же понимаете, что для него они были не столь губительны, как для чистокровного человека? Да и принимал не постоянно. Скорее всего, только когда требовался толчок в исследованиях.

Лауф мрачно молчал, прикидывая варианты развития. Оставить решение потомкам? Мало ли что случится с так некстати выжившим наследником герцогства? Глядишь, и не доживет до совершеннолетия, зато никому и в голову не придет обвинять корону. Точнее, конечно, обвинять будут, куда без этого, но не слишком убедительно. Или же... Да, пожалуй, это будет правильным решением.

– До совершеннолетия наследника герцогство переходит под управление короны, – решил Лауф. – Сам же наследник будет воспитываться во дворце вместе с членами королевской семьи.

– И присмотрим, и воспитаем в нужном ключе, – согласился Лангеберг. – Остался еще вопрос с награждением капитана Штадена. Он, конечно, утверждает, что свою награду уже получил в виде дарованной Богиней жены, но к награде от Богини непременно нужно добавить что-нибудь и от правящего дома. И это не только перевод из Траттена.

Король удивленно посмотрел на мага.

– А что не так с его службой в Траттене?

– Герцогиня, – пояснил Лангеберг, – теперь уже вдовствующая, убеждена, что только он сможет излечить ее израненное предательством мужа сердце. Награду, которую она посчитала положенной спасителю, ей так и не удалось вручить, потому что предполагается это делать в спальне, а спаситель из гарнизона не выходит. Но даже если отбросить некомфортность его пребывания в Траттене, с точки зрения пользы для Гарма, крайне расточительно держать таких специалистов в обычных воинских частях.

– А у вас есть предложение, куда направить *майора* Штадена? – заинтересовался Лауф.

– Разумеется.

И Лангеберг с хитрой улыбкой стал выкладывать свои размышления на тему, куда можно отправлять столь выдающихся майоров, чтобы они приносили пользу Гарма с наименьшими потерями для мирного населения.